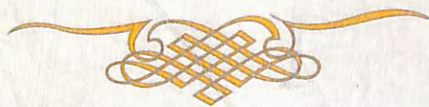

Мирзоева Л.Ю.

**ОЦЕНОЧНОСТЬ
В ДИАХРОНИИ:
ОТ СЛОВА К ТЕКСТУ**

Мирзоева Л.Ю.

*Оценочность в диалогии:
от слова к тексту*

Алматы - 2010

УДК 80/81
ББК 81.2Р
М 12

Рекомендовано к печати Ученым советом филологического факультета КазНУ им. Аль-Фараби

Рецензенты:

доктор филологических наук профессор

Т.В. Шевякова

доктор филологических наук профессор

В.С. Ли

кандидат филологических наук доцент

Т.Б. Бобылева

Мирзоева Л.Ю.

М 12 Оценочность в диахронии: от слова к тексту/. – Алматы: Тарих тағылымы, - 2010. - 108 с.

ISBN - 978-601-80026-7-0

В монографии освещаются проблемы, связанные с эволюцией средств выражения лингвофилософской категории оценочности. Проблема рассматривается в русле диахронической лингвистики, что предполагает обращение к корпусу текстов, хронологически соотносимому с периодом XVII-XIX вв. Культурно-исторический аспект рассмотрения оценочных средств русского языка данного периода предполагает взгляд на оценочную картину мира, представленную в языке рядом средств – от отдельных лексических единиц до целостных текстов, призванных выразить позитивное/негативное отношение к тому или иному объекту и индуцировать его в сознании реципиента.

Книга адресована широкому кругу филологов, философов, культурологов, а также всем, кто интересуется проблемами аксиологического фонда языка в синхронии и диахронии.

УДК 80/81
ББК 81.2Р

ISBN- 978-601-80026-7-0

© Мирзоева Л.Ю., 2010

© “Тарих тағылымы”, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Глава 1 Оценочность и языковая картина мира: синхронное и диахроническое	6
1.1 Оценочность в языковой картине мира	6
1.2 Диахроническая детерминированность восприятия средств выражения оценки	16
1.3 Оценочность и норма: синхронное и диахроническое	18
Глава 2 Этапы эволюции оценочной лексики в русском национальном языке	23
2.1 Репрезентация оценочности в лексической системе русского литературного языка XVII в.	23
2.2 Особенности эволюции оценочной лексики в русском литературном языке XVIII в.	35
2.3 Характерные черты оценки в русском литературном языке XIX в.: ненормативность, амбивалентность и способность к инверсии	43
2.4 Некоторые аспекты взаимодействия аксиологической и функционально-стилистической характеристики слова	59
Глава 3 Оценочный квазистереотип: эволюция имени-символа	64
3.1 Аксиологические коннотации и функции имен-квазистереотипов в русском литературном языке XVII в.	64
3.2 Системный характер и специфика функционирования имен-квазистереотипов в русском литературном языке XVIII в.	69
3.3 Имена-квазистереотипы и реализация их оценочного потенциала в русском литературном языке XIX в.	77
Глава 4 Прецедентный текст как составляющая оценочного континуума	86
4.1 Реализация оценочного потенциала прецедентных текстов в русском литературном языке XVII в.	86
4.2 Аксиологические функции прецедентных текстов в литературном языке XVIII в.	90
4.3 Взаимосвязь прецедентных текстов, оценочности и дискурса в русском литературном языке XIX в.	95
Заключение	104
Источники и их сокращения	104
Использованная литература	106

ВВЕДЕНИЕ

Необходимость и актуальность освещения вопросов, связанных с лингвистической сущностью категории оценки, ее отражением как на синхронном срезе, так и в диахронии, очевидна. Как указывает Н.И. Гайнуллина, «вопросы социальной лингвистики, социальной истории языка, особенности функционирования тех или иных языковых средств давно являются предметом пристального внимания исследователей [см., напр. Иванов А. и Якубинский Л. 1932; Жирмунский 1964; 1949 и др.] Активное их изучение характеризует и современное русское языкознание, особенно русистику конца XX – начала XXI вв.» [Гайнуллина 2008, с. 7].

Не вызывает сомнений и то, что именно категория оценки является важнейшим средством отражения «человеческого фактора» в языке, поскольку все явления, события, факты, – все, воспринимаемое человеком, проходит через процедуру оценивания с позиций «хорошо/плохо». Однако аксиологический аспект языка весьма широко исследован прежде всего в синхронном плане [см., напр. Арутюнова Н.Д. 1989, Вольф Е.М. 1985, Анипкина Л.Н. 2000, Шаховский В.И. и Жура В.В. 2002 и др.] Эволюция же оценки рассматривается в основном с позиции трансформаций, происходящих в рамках средств выражения оценки; категориальный же уровень, как правило, анализируется в синхронии. Между тем, несомненный интерес представляет рассмотрение трансформации содержания категории оценки, которое может быть объективировано в исторической перспективе.

Значимость изучения оценки как категории, отражающей особенности миропонимания языковой личности на конкретном этапе развития языка в целом, еще только начинает осознаваться в современном языкознании. Свидетельство тому – работа над проектом «Славянского аксиологического словаря». В современном славянском языкознании, по утверждению авторов проекта - Е. Березовича, Н. Зубова и др., - существуют два основных направления в исследовании «языка ценностей»: диахроническое (обозначаемое также как историко-лексикологическое, этимолого-ономасиологическое) и синхроническое. Данная работа соотносится с первым из указанных направлений и представляет собой попытку рассмотрения ряда аксиологически ориентированных концептов. Направление в исследовании материала – от слова к тексту – является, по нашему мнению, свидетельством многоуровневости оценочной системы. Ведь субъект оценки (а им становится любой носитель языка, как только возникает необходимость выражения позитивного/негативного отношения к чему бы то ни было) может использовать для этого не только фразеологизм или лексическую единицу, за которой закреплена в системе языка положительная или отрицательная оценочная ориентация. Это может быть языковая единица, на первый взгляд безразличная к оценочному знаку и обретающая его лишь при актуализации в речи. Не ограничен объем, не является однородной структура средств выражения

оценки: это может быть и целостный текст, находящийся в светлом поле сознания как говорящего, так и слушающего (либо читателя, если коммуникация не является непосредственной) и наделенный характерными, национально-специфичными оценочными ассоциациями. Изучение ценностных ориентаций языковой личности и их языкового выражения в диахроническом аспекте, на наш взгляд, также делает особо актуальным исследование эволюции средств выражения оценки. Этот путь дает возможность выработать концептуальный подход к языковой категории оценочности, реализующейся не только на синхронном срезе, но и в процессе исторического развития языка; к категории, которая в наибольшей степени отражает проблемы, лежащие на стыке филологии и философии. Так, именно языковой инвентарь оценочных средств, рассматриваемый с позиций диахронии, позволяет проследить, каким образом происходили изменения в ценностных ориентациях носителя русского языка в ту или иную эпоху, как оценочная система языка реагировала на новые реалии. Этим концептуальным вопросам посвящена первая глава монографии, центральной темой которой является диахроническая детерминированность средств выражения оценки.

Трансформирующаяся действительность требовала познания и оценки как одного из инструментов познания и осмысления меняющегося мира: ведь без вербализованной оценки явления невозможна ориентация в динамично изменяющейся действительности. В связи с этим целью второй главы книги являлось исследование трансформаций в оценочной лексике, которые носили знаковый характер.

Оценивание воспринимающим субъектом многообразных фактов и явлений окружающего мира происходит на базе информации, позитивный/негативный колорит которой уже закреплен в сознании носителей языка как нечто стабилизовавшееся, наделенное устойчивыми оценочными ассоциациями. К числу таких феноменов в языке могут быть отнесены оценочные квазистереотипы – имена-символы - и прецедентные тексты. Исследованию их эволюции посвящены третья и четвертая глава монографии.

Без всестороннего понимания истории оценочной системы языка вряд ли возможно осознать во всей полноте современное ее состояние, так как оно - закономерный этап длительного и сложного, а зачастую – и противоречивого процесса эволюции формы и содержания категории оценки, оценочной семантики и прагматики.

Автор выражает благодарность коллегам за ценные советы при подготовке монографии к печати: доктору филологических наук, профессору Надежде Ивановне Гайнуллиной, доктору филологических наук, профессору Валентину Сергеевичу Ли, доктору филологических наук, профессору Зинаиде Какбаевне Сабитовой, доктору филологических наук, профессору Людмиле Владимировне Екшембеевой, доктору филологических наук, профессору Татьяне Васильевне Шеваковой.

ГЛАВА 1. ОЦЕНОЧНОСТЬ И ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА: СИНХРОННОЕ И ДИАХРОНИЧЕСКОЕ

1.1 Оценочность в языковой картине мира

Одним из направлений современной лингвистической науки, связанных с изучением языковой оценочности, является исследование и описание языковой картины мира. Слово сочетание «картина мира» долгое время в истории становления знаний человека об окружающей его реальности употреблялось метафорически, как образное выражение, не имеющее терминологического содержания. Однако со временем метафорическое, образное выражение «картина мира» становится термином со значением: «совокупность представлений человека об окружающей его объективной действительности» [Соколовская 1993] или «создаваемый человеком субъективный образ объективной действительности, в котором аккумулирована вся доступная для человеческого восприятия информация как о мире в целом, так и отдельном его фрагменте» [Геляева 2002]. Как указывает Е.В. Коськина, 2004, «к числу важнейших характеристик языковой картины мира относят присущий ей «субъективизм» в отображении внеязыковой действительности [см. напр. Маслова 2001, 67-68, Коськина 2004, с. 3]. Еще В. фон Гумбольдт указывал, что «любая человеческая индивидуальность, взятая в ее отношении к языку, - это особая позиция в видении мира» [Гумбольдт 1984, с. 162]. Безусловно, одним из приоритетных направлений в этой сфере является исследование оценочности, причем как на синхронном срезе, так и в диахроническом аспекте, на оси координат, которая связывает современное состояние русского языка и период его формирования как языка литературного, нормированного. Как справедливо указывает В.А. Маслова, система социально-типичных позиций, отношений, оценок находит знаковое отображение в системе национального языка и принимает участие в конструировании языковой картины мира [Маслова 2001; с. 67]. При определении оценки в аспекте языковой картины мира она рассматривается в качестве высказывания, устанавливающего абсолютную или сравнительную ценность какого-то объекта. В современной лингвистике бытует весьма справедливое мнение о том, что оценка является не просто одной из лингвистических универсалий, но, помимо этого, наиболее антропоцентричной категорией, т.к. она несет на себе конкретно-личностный отпечаток, представляя собой закономерный результат рационально-познавательной деятельности и эмоциональной реализации личности. «Оценка является выражением ценностного отношения утверждения к объекту, противоположного описательному, или истинностному, отношению. В случае истинностного отношения отправным пунктом сопоставления утверждения и объекта является последний; утверждение выступает как его описание. В случае

ценностного отношения исходным является утверждение, выступающее как образец, стандарт. Соответствие ему объекта характеризуется в оценочных понятиях. Позитивно ценным является объект, соответствующий высказанному о нем утверждению, отвечающий предъявленным к нему требованиям. В современной лингвистике наметилась тенденция установления связей между понятиями «оценочность» и «концепт»). Как указывает И.А. Стернин, концепт - это условная ментальная единица, направленная на комплексное изучение языка, сознания и культуры. Концепт находится в сознании, является ментальной проекцией элементов культуры, опредмечивается в языке/речи. При этом отмечается сложность соотнесения феноменов «язык» и «культура». Язык является одновременно и частью культуры и внешним для нее фактором. Кроме того, существует двусторонняя связь между языком и сознанием. «Категории сознания реализуются в языковых категориях и одновременно детерминируются ими. В структуру лингвокультурного концепта включается понятийный элемент, который формируется фактуальной информацией о реальном или воображаемом объекте. Понятийная сторона концепта включает его языковую фиксацию, описание, признаковую структуру, сопоставительные характеристики данного концепта по отношению к другим концептам» [Коськина 2004, с. 6]. В современной лингвистике утвердилось мнение о том, что концепт аксиологичен по своей природе, и, следовательно, его центром, «ядерным» компонентом является ценность. При этом концепт служит исследованию культуры, а в основе культуры лежит ценностный принцип. «Образная составляющая концепта связана со способом познания действительности, исторически предшествующим понятийному. В образный элемент концепта входят все наивные представления, закрепленные в языке, внутренние формы слов, служившие выражению данного концепта, устойчивые мыслительные картинки. Наличие трех составляющих в структуре лингвокультурного концепта - понятийной, ценностной и образной - предопределяет связь концепта с языком, который его объективирует, с культурой как национальной системой ценностей, обусловленной историей народа и его духовно-психическим складом, с сознанием человека и его деятельностью» [Коськина 2004, с. 6]. Проиллюстрируем это при помощи анализа специфики национальной языковой картины мира, взятой в диахроническом аспекте. В процессе анализа русских текстов, которые относятся к отдаленной исторической эпохе, возникают проблемы, связанные, но и с переориентацией оценок. хронологической отдаленностью текста, но и с переориентацией оценок. А в этом случае необходимым является не только историко-литературный и текстологический комментарий, но и учет сложившихся, национально ориентированных оценочных стереотипов. Эти особенности восприятия таких текстов делают целесообразным обращение к понятию общерусского языкового типа, под которым понимаются «такие системно-структурные черты языкового строя, которые, будучи пронесены через

историческое время и эволюционируя в нем, т.е. меняясь в сторону усложнения, некоторым инвариантным образом преломляются в сознании носителя языка и позволяет ему... опознать «русскость» какого-то текста, той или иной фразы, конструкции или отдельного слова» [Караулов 1987, с. 138]. Понятие «языковая картина мира» соотносится не только с понятием «картина мира», но и с понятием «концептуальная картина мира». Язык играет активную роль в процессе концептуализации действительности, следовательно, языковая картина мира вербализует концептуальную картину мира. Как отмечает Е.С. Кубрякова, «концептуальная картина мира реализуется посредством языка, а часть ее закрепляется в психике человека через ментальные репрезентации иного типа – образы, схемы, картинки» [Кубрякова 1996]. При этом образы понимаются как нечто абстрактное, некие идеальные объекты, инварианты класса предметов, в которые человек переводит получаемые знания. Концептуальная картина мира представляется шире и богаче языковой; сфера языковой картины мира изображается как подчиненная концептуальной картине мира, внутри которой следует различать разные зоны языкового воздействия. Прежде всего, выделяется зона непосредственного влияния языка на формирующиеся концепты и понятия. С одной стороны, знания и сведения проходят вербальную обработку говорящими и облачаются в языковую форму. С другой – появление новых понятий происходит по уже существующей схеме, то есть обусловлено непосредственным влиянием концептов, уже имеющих языковое обозначение. Поэтому и концепты, и понятия имеют конвенциональную языковую форму их выражения. В данной зоне концептуальная картина мира полностью смыкается с концептуально-языковой. Существует также и другая зона, где языковое воздействие опосредовано абстракциями, сформированными на основе обобщения неких свойств языковых знаков и анализа их поведения и функционирования [Волостных 2007, с. 2]. Таким образом, языковая картина мира формируется за счет существования двух указанных зон – зон прямого и опосредованного влияния языка на концептуальную картину мира. Концептуальная и языковая картины мира находятся в тесной взаимосвязи на вербальном этапе. Однако в современной лингвистике наметилась тенденция к выделению третьего аспекта – эмоциональной языковой картины мира, которая выступает как разновидность языковой картины мира. На наш взгляд, в ней оценочный аспект языка находит наиболее полное и разнообразное выражение. «Под эмоциональной языковой картиной мира понимается совокупность эмоциональных представлений, эмоциональных понятий, эмоциональных концептов. Оязыковываясь, данные компоненты формируют сложное структурно-смысловое образование. При этом компоненты, организующие эмоциональную языковую картину мира, эмоционально «прорабатываются» человеком. Иначе говоря, ментальное освоение фрагментов мира, то есть познание окружающей действительности, всегда сопровождается классифика-

ционно-квалифицирующими ментальными поступками человека. Таким образом, эмоциональная языковая картина мира предстает как оценочная деятельность человеческого сознания при ментальном освоении мира. Поскольку эмоциональная языковая картина мира проецируется в нашем языковом сознании, ее зарождение, становление, развитие обусловлены самим языком» [Волостных 2007, с. 6]. Философский подход позволяет рассматривать картину мира как вторичное существование объективного мира, которое закреплено и реализовано в своеобразной материальной форме, т.е. в языке. Язык является важнейшим способом организации и закрепления знаний человека о мире в его сознании. Совокупность этих знаний, запечатленных в языковой форме, представляет собой языковую картину мира. Содержание целостной ЯКМ и отдельного его фрагмента складывается из универсальных и культурно-специфических смыслов, обусловленных особенностями концептуализации [Саитова 2007, с. 3]. Представление о языковой концептуализации мира, специфичной для каждого отдельного языка и находящей отражение в особенностях пользующейся этим языком культуры восходит к идеям В.Гумбольдта и получает свое крайнее выражение в рамках знаменитой гипотезы лингвистической относительности Сепира-Уорфа. По нашему мнению, оценочность следует считать тем фундаментом, на котором формируется национально-специфичная картина мира; следовательно, если рассматривать ее на диахронической оси, эволюция ценностных ориентаций, отраженных в языке с помощью ряда СВО, является основной причиной, генерирующей трансформацию национально-специфичной картины мира, которая «передает особенности национального мировидения и отличается универсальностью, экспрессивностью, а также антропоцентричностью» [Саитова 2007]. Поскольку в ЯКМ главным мерилом ценности реалий окружающей действительности является человек, она представляет собой «очеловеченную» модель мира. В ней человек осознает себя частью реальной действительности и все окружающее воспринимает как отражение своего существования. Процесс динамики литературного языка представляет собой сложное многогранное явление. Анализ этой проблемы в культурологическом аспекте не может быть полным без привлечения таких понятий, как «языковая личность» и «картина мира», без опоры на знания о культурной среде и традициях общества. Адекватность лексической единицы актуальной русской культурной картине мира и современным представлениям о русской языковой личности, ее «восприимчивость» всеми членами языкового коллектива зависят не только от фонетического, графического и тому подобного оформления, но и от соответствия ее семантики и структуры общерусскому языковому типу, системе ценностей, ориентации на прагматическом уровне языковой личности, а также «сетке понятий», представляемой общей и индивидуальной картинами мира. Понятие «языковая личность» было сформулировано в работах Ю.Н. Караулова и его последователей,

которые считают необходимым при исследовании важнейших лингвистических процессов обращаться к создателю языка, «к его творцу... - к человеку, к конкретной языковой личности» [Караулов 1987, с. 8]. Анализируя выводимое понятие, вычленив его из основного свойства, автор отмечает, что «под языковой личностью понимается совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений» [Караулов 1989, с. 3]. Таким образом, помимо собственно личностного аспекта, данное понятие включает психологический, культурологический и социальный факторы, формирующие типовой характер языковой личности. Индивид не рождается с теми или иными чертами этнического характера. Он приобретает их в результате прижизненного усвоения, так называемой социализации [Тимофеев 1971]; [Морковкин 1997]. Это означает, что культурная среда, участвуя в формировании личности, регулирует выработку устойчивых речеведческих критериев и систему речевого поведения человека, мотивирует содержание его лексикона, присваивая личности роль «психосоциального выразителя». В результате влияния культурной среды на языковую сущность формируется модель человека, включающего его культуру и язык. В современной лингвистической литературе абстрактная структура языковой личности схематично представлена трехуровневой моделью: 0) Ординарно-семантический уровень, обеспечивающий бытовое общение и включающий общенациональный языковой тип в совокупности с устойчивой частью вербально-семантических ассоциаций как инвариантную часть и структурно-системные данные о состоянии языка как вариантную часть. 1) Лингвокогнитивный уровень, устанавливающий ценностные иерархии в тезаурусе личности и объединяющий базовую часть картины мира как инвариантную основу и социолингвистические, культурные характеристики языковой общности, к которой относится индивид, как вариантную часть. 2) Мотивационный уровень, на котором осуществляется выявление и характеристика мотивов и целей речевого поведения, устойчивые коммуникативно-культурные потребности и готовности, способное удовлетворить эти потребности как инвариантную часть, и психологические сведения, обуславливающие принадлежность индивида к определенной референтной группе как вариантная часть. Исходя из сущности мировоззренческой структуры личности, Ю.Н. Караулов делает вывод, с которым нельзя не согласиться, о том, что «мировоззрение есть результат соединения когнитивного уровня с прагматическим, результат взаимодействия системы ценностей личности с ее жизненными целями» [Караулов 1987, с. 6]. Это позволяет выделить мировоззренческие основы личности, представленные в фактах культурной среды, и концептуально значимые аксиологические ее установки. Особенностью лингвокогнитивного уровня языковой личности является наличие не прямых выводных значений – импликаций. Актуальность базового знания, безусловно, обеспечивает актуальность выводного знания и

свидетельствует о значимости информации для данной индивидуальной картины мира. Отсутствие или устаревание имплицитной основы тезауруса ведет к снижению актуальности выводного значения или к невозможности его формирования. В данном случае картина мира вследствие динамичности вытеснит архаичный элемент, используя потенции своей регулятивной функции. Ю.Н. Караулов подчеркивает индивидуализацию усвоения информативного сообщения: «Понять фразу» - значит, пропустив ее через свой тезаурус, соотнести ее со своими знаниями и найти соответствующее ее содержанию место в картине мира» [Караулов 1987, с. 173]. Картина мира как «субъективный образ объективной реальности» [Серебрянников 1998] представляет собой квалификацию понятий в виде абстрагированных отражений денотатов. Двойственный характер картины мира – опредмеченный и неопредмеченный – обуславливает наличие означенной и неозначенной информации в системе мышления человека [Морковкин 1997]. Одним из основных качеств картины мира является космологическая ориентированность, что позволяет сопоставить ее с базовым знанием – сигнификативным набором, который обеспечивает процесс восприятия и коммуникации. Картина мира имеет своим основанием ценностную ориентацию, тенденцию к иерархизации мировоззренческой информации личности, следовательно, она содержит сведения о разнообразных мотивах и побуждениях индивидуума, в т.ч. связанных с культурными установками, которые определяют тип речевой ситуации и коммуникативное поведение личности. Таким образом, представляется возможным соотнести картину мира с мотивационным уровнем языковой личности. Б.А. Серебрянников в качестве одного из ключевых свойств личности, выявляющихся в процессе коммуникации, отмечает ее интенциональность, стремление доставить информацию собеседнику [Серебрянников 1998, с. 21]. Думается, что в потоке информации, доставляемой собеседнику, одно из первых мест занимает информация оценочного характера как наиболее индивидуализированная, компрессивно отражающая базовые характеристики языковой личности. Личность предстает коммуникативно открытой, способной свободно аккумулировать и воспринимать сообщение, опираясь в этом на фундаментальные знания, представленные в виде «сетки понятий» в индивидуальной картине мира. Последняя, используя потенции своей интерпретативной функции, отражает реалии действительности и фиксирует их в виде глобального образа мира – как общего, так и индивидуального. При формировании коммуникативной ситуации общая картина мира может служить посредником между адресатом и адресантом, способствующим функционированию их мыслительных систем в синхронном режиме, что ведет к образованию «единого смыслового поля», которое, в свою очередь, обеспечивает беспрепятственное протекание процессов восприятия и понимания информации. Регулятивная функция картины мира осуществляет регистрацию и

контроль входящей и выходящей информации, отбор лексем по степени их актуальности, ценности для современной индивидуальной культурной среды. Учитывая динамичность картины мира, следует сделать вывод о том, что благодаря вышеназванному свойству она способна менять свой информационный состав изнутри с помощью регулятивной функции. Это ведет к изменению мировоззренческой структуры личности, а, следовательно, может повлечь за собой определенные перемены и в индивидуальном объеме актуального общения (под которым мы понимаем полный набор сигнификантов языковой личности, способствующий успешному протеканию коммуникативного акта и соответствует современным культурным установкам социума) как яркий пример способности картины мира к самообновлению. Разные виды общественной деятельности, отношение человека к окружающему миру, его оценка собственного места в нем – все эти феномены находят свое отображение в миропонятии, устойчивость которого является необходимой предпосылкой единства общения в любом языковом коллективе, – говорил Л.С. Выготский [Выготский 1956, с. 50-51]. Множество так или иначе систематизированных понятий образует систему лексических значений, а язык, как справедливо отмечает С.Г. Тер-Минасова, «не только отражает, но и хранит культуру и передает ее из поколения в поколение» [Тер-Минасова 2003, с. 13]. Отражение через оценочные предпочтения языковой личности национальной специфики оценок отчетливо проявляется при анализе памятников XVII века, в особенности – «Жития протопopa Аввакума», который, по словам Д.С. Лихачева, был «самым замечательным и самым известным русским писателем XVII века» [Лихачев 1975, с. 299]. При рассмотрении системы средств выражения оценки в тексте «Жития» особого внимания заслуживает резкая разница оценочных шкал автора и реципиента (в особенности если последний является носителем восточной культуры). Как известно, оценочная шкала имплицитно присутствует в сознании автора текста, но не находит формального выражения [Вольф 1985, с. 48]. По нашему мнению, оценочная шкала – это именно тот элемент оценочной системы, который организует высказывание, речь и, шире, целенаправленное поведение человека [Гак 1997, с. 88], а также отражает национально-культурную специфику оценок. Помимо этого, выше уже рассматривалась приоритетная роль оценочной шкалы в организации языковой картины мира. В целом же, как указывают Шаховский, Жура, «эмоциональный дейкисис языковой личности и является результатом сложной системы ее взаимоотношений с окружающим микро- и макромиром» [Шаховский, Жура 2002, с. 39]. Так, в «Житии протопopa Аввакума» мерилom ценностных ориентаций, крайним полюсом мелиоративной зоны шкалы оценок является понятие «старого благочестия»: «... держите старое благочестие крепко и непоползновенно!» – призывает Аввакум. На пейоративном полюсе сосредоточены такие лексические средства выражения оценки (далее – СВО), которые соответствуют понятиям

«отступник», «еретик», «дьявол» и т.п. Целесообразно подробнее проанализировать СВО, декодирование смысла которых может представить трудности для реципиента, ориентированного на представленную в современном русском языке ЯКМ и ее систему ценностей. При исследовании текста «Жития...» как яркой иллюстрации понятия «языковая картина мира» налицо семантические сдвиги, произошедшие в системе СВО и в самих ценностных ориентациях. Так, в контекстах «Доброй человек, дворянин, друг..., вкладчик в монастырь... ко мне зашел...»; «Его же (корабля - Л.М.) уме человек не вместит красоты и доброты...»; «...и з доброю дружиною умерли Христа ради...» выделенные лексические СВО по денотативному значению совпадают с общеоценочным оператором «хороший», главенствующим над частным значением «доброта как качество характера» (что в сознании человека конца XX века является семантическим ядром слова «добрый»). Довольно трудна для восприятия с позиций реципиента XX- начала XXI вв. (именно вследствие изменения картины мира и ее аксиологической основы!) и инверсия оценочного знака в СВО «прелесть», «прелестный»: в XVII в., а в особенности – в восприятии идеолога раскола, каким являлся протопop Аввакум, эти лексемы были наделены пейоративным оценочным значением, ср.: «И мне столько забывать много для прелести сего века!»; «... и народы учил, обличая их (никониан – Л.М.) злобесное и прелестное мудрование». То., в проекции на оценочную шкалу человека XVII в. «прелестный» - прельщающий, отвращающий от истины, несправедливый, следовательно, воплощающий все то, что должно быть с негодованием отринут. В языковой картине мира и, соответственно, в системе оценок нашего современника, напротив, эти СВО соотносятся с мелиоративным полюсом шкалы (прелестный – прекрасный, привлекательный). Но если носитель русского языка еще может обладать знанием прецедентных текстов, содержащих отрицательно оценочное значение данного слова, то для реципиентов с иной культурной ориентацией это значительно сложнее. Одним из ведущих понятий, соотносимых с мелиоративной зоной шкалы оценок, является понятие чистоты, которое в сознании человека XVII века означало, и конечно, не только чистоту помыслов, но и возведение служения богу в главную жизненную цель, что для ЯКМ реципиента конца XX – начала XXI в. уже не характерно: «Чист есмь аз и прах прилепший от ног своих отрясаю пред вами...»; «Протопop, ведаю-де я твое чистое, и непорочное, и богоподражательное житие...» (Отметим, что первый из контекстов содержит ответ Аввакума на вселенском соборе патриархов, где он также стремился утвердить правоту старой веры). При прочтении «Жития» и анализе системы СВО необходимо, как уже указывалось, учесть разницу оценочных шкал, и – шире - ЯКМ реципиента и автора. В теoцентричной системе оценок, присущей Аввакуму, и – шире – человеку XVII века, с мелиоративным полюсом шкалы оценок совпадает все, что угодно богу. Ср., например, характеристику личности, в которой сконцентрированы

положительно оцениваемые качества (по мнению Аввакума, они должны быть главными не только в священнослужителе, подвижнике, но и в любом «правоверном», благочестивом человеке): «Миленькой мой, храбрый воин Христов был. Зело вера и ревность тепла ко Христу была; не видал инова подвижника и слезоточца такова». Комментируя этот контекст, насыщенный положительно оценочными СВО, акцентируем внимание на мелиоративной характеристике «храбрый воин Христов», сигнализирующей не о воинской доблести (а с позиции языковой личности - носителя литературного русского языка конца XX – начала XXI в. - в его языковой картине мира, храбрость – качество настоящего воина, но не служителя культа). Специфическими характеристиками, связанными именно с православной культурой, являются такие оценочные лексемы, как «подвижник», «слезоточец» (что в процессе трансформации ЯКМ подверглось значительным изменениям и переориентациям именно аксиологического характера). Аналогичные явления отмечены нами и в сфере пейоративных оценок. Так, в приводимом ниже контексте сосредоточены оценки, ориентированные на квазистереотипы как традиционные, характерные для данной лингвокультурной общности символы, существенные для видения мира данным народом [Телия 1986, с. 45]: «А человек, суеи который уподобится, дни его, яко сон, переходят; скачет, яко козел, раздувается, яко рысь, съестъ хошет, яко змия, ржет зря на чужую красоту, яко жребя, лукавует, яко бес, насыщаяся невоздержно, без правила спит, бога не молит; покаяние отлагает на старость и потом исчезает, и не веи, камо отходит: или во свет, или во тьму...» Все выделенные нами оценочные сравнения национально специфичны и находят отражение в русском литературном языке XVII в., могут быть адекватно восприняты только в рамках характерной для данной эпохи ЯКМ; кроме того, для верного восприятия данного контекста следует акцентировать внимание на оценочных смыслах слова «суеи». В контексте жития, которое, несмотря на новаторство и смелость Аввакума, придавшего ему художественно-автобиографический характер, все же сохранило в определенной мере жанровую специфику, данная лексическая единица может быть истолкована только как антипод всего сакрального, устремленного к богу. И, безусловно, с трудом воспринимается в XX веке (и даже при известном знакомстве с историей раскола) следующий оценочный контекст, повествующий о сожжении одного из борцов за старую веру: «Пускай ево испекли – хлеб сладок святой троице». Здесь, однако, отмечается противоречие в системе оценок не столько в контексте противопоставления «православная Русь и ее языковая картина мира – ЯКМ носителя современного русского литературного языка», сколько в плане эволюции понятий «хорошо» - «плохо», которая в немалой степени определялась отходом от теоцентризма. На пейоративной зоне шкалы оценок при функционировании ЯКМ, «работающей» в системе текста «Жития», значительная роль отводится таким СВО, как «еретик», «отступник», ср.: «Но грызутся еретики, что собаки, а без божьи воли

проглотить не могут»; «...велено меня ис Тобольска на Лену вести за сие, что браню от писания и укаряю Никона, еретика»; «В то время Никон-отступник веру казил и законы церковныя...»; «Аще мне и умереть – со отступниками не соединюсь!»; «... и, не обинуясь, обличал близонянскую ересь...»; «Камень – Христос, а Сион – церковь, а близонящиса – похотолобцы, и все отступницы...» Нами выявлено в «Житии» более 20 контекстов, содержащих данные СВО. Характерно также, что пейоративные оценки, относящиеся к еретикам, находят разнообразные средства выражения. Языковая картина мира, сопрягаемая с русским литературным языком XIX, XX и XXI вв., уже не предполагает такого разнообразия оценок и широты употребления СВО именно в этой сфере. Приведем в качестве примеров контексты, содержащие метафорические СВО и акцентирующие внимание на таких чертах объекта оценки, как лицемерие и притворство: «... а я по городом чертах объекта оценки, как лицемерие и притворство: «... а я по городом царе остриг его овчеобразный волк...» Теоцентризм оценочной системы человека XVII в., отраженный в «Житии протопопа Аввакума», диктует и следующую ее особенность, которую необходимо учитывать в процессе сопоставления и анализа текста: своеобразным центром: вокруг которого сгруппированы отрицательные оценки, являются лексемы «антихрист», «дьявол». Ср.: «И много пружався со дьяволом, взошел на патриаршество божиим попущением, укрепя царя своим кознованием и клятвою лукавою...» (О Никоне – Л.М.) «Просто молыть, дьяволю волю творят, а о Христове повелении не радят.»; «...ано от тайных дел шиш антихристов стоит...» Симптоматично, что по интенсивности выражения негативной оценки они превосходят даже те СВО, которые Аввакум употребляет в порыве самоуничтожения и которые также характеризуются пейоративно оценочной интенсивностью и, помимо этого, высокой степенью эмоциональности: «А я ничтоже есмь. Рекох и паки реку: аз есмь грешник, блудник и хищник, тать и убийца, друг мытарем и грешникам, и всякому человеку окаянной лицемерец». В то же время с образом дьявола – центром пейоративной зоны шкалы оценок – связана и авторская ирония, что является прямым отступлением от жанровых канонов и свидетельством эволюции СВО: «...а дьявол – какая диковина, чево ево боятца!» Таким образом, при сохранении негативной ориентации дьявол становится объектом осмеяния. Подводя итоги анализа оценочной системы «Жития» с позиций выражения в нем языковой картины мира, характерной для соответствующей эпохи, отметим, что всего нами рассмотрено 254 оценочных контекста, причем негативная оценка содержится в 163 из них, позитивная – в 73, отмечены и оценки амбивалентного характера, органично совмещающие в себе положительное и отрицательное отношение к объекту (11), а также достоверные квалификации (7). Большая часть их может быть воспринята адекватно как носителями русской культуры, в основе которой лежит православие, так и носителями иных культур (безусловно, с поправкой на время написания и

существовавшие в данную эпоху оценочные ориентации и с учетом соответствующей ЯКМ).

1.2 Диахроническая детерминированность восприятия средств выражения оценки

Хотя адресат оценки не входит в структуру оценки как модальной рамки, налагаемой на высказывание, тем не менее можно расценивать его как один из значимых прагматических факторов, во многом предопределяющих функционирование оценочных средств: «Оценка, как известно, предназначена для воздействия на адресата: создавая высказывание, содержащее оценку какого-либо явления, говорящий стремится распространить свой образ мыслей на адресата, сформировать у него определенное отношение к тому, о чем сообщается, определить мотив поведения» [Лассан 1989, с. 34]. В данном случае отмечается воздействующая функция оценки, которая, находя эксплицитное или имплицитное выражение, так или иначе должна обеспечить единство оценочного знака реципиента и отправителя речи. С другой стороны, необходимо акцентировать внимание и на существующей в системе оценок специфической «обратной связи»: наличие ответной реакции реципиента может способствовать интенсификации оценки, выражаемой при помощи того или иного языкового средства. Конечно, при рассмотрении данного аспекта оценочности на диахронической оси источник оценки и реципиент разделены хронологически, что обуславливает разное восприятие СВО. Более того, в диахроническом аспекте важно учитывать, что квалификации, аксиологически значимые в современном русском языке, в предшествующие эпохи могли быть безоценочными либо выражать оценку с гораздо меньшей степенью интенсивности, ср., например, отмеченную К.Г. Паустовским эволюцию слова, наделенного в современном языке ярким оценочным ореолом и безоценочного в языке морских лоций конца XVIII – начала XIX в.: «Во время норд-оста берега покрываются густой мрачностью. Для наших прадедов мрачность означала черный туман, для нас она – наше душевное состояние». Бесспорно, возможны и обратные случаи. И вполне закономерно то, что, как отмечает В.М. Огольцев, «... выраженное средствами языка субъективно-оценочное отношение находит ответную реакцию, которая составляет неотъемлемый элемент (сторону) всякого эмоционального значения. Что же касается выражаемого в языке эмоционального отношения к предметам (т.е. не к человеку), то оно оказывается лишенным реакции объекта и потому проявляется значительно слабее, хотя на почве персонификации предмета выражаемая эмоция может восполняться сопровождающими ее представлениями о человеческой реакции на соответствующее эмоциональное отношение. Таким образом, при оценке эмоциональной напряженности языкового средства приходится учитывать степень эмоциональной чувствительности самого объекта эмоционального

отношения» [Огольцев 1978 с. 148]. Эта ответная реакция, отмеченная в цитированной выше работе, и составляет то прагматическое приращение, которое является наиболее сложным аспектом исследования оценочных средств в аспекте их функционирования на диахронической оси. Иными словами, методика исследования усложняется тем, что в процессе исторического развития системы средств выражения оценки необходим учет характерных для изучаемой эпохи оценочных представлений. Ведь при рассмотрении взаимосвязи оценки как одного из языковых явлений, сочетающего в себе семантический и прагматический аспекты, необходимо учитывать то, «а) как прагматические компоненты кодируют параметры употребления слова и б) как происходит декодирование данных компонентов в прагматическом аспекте. Первый вопрос лежит в русле проблемы адресанта (адекватный выбор слова в зависимости от его прагматической маркированности); второй затрагивает проблему декодирования (понимания) прагматического смысла слова со стороны адресата» [Заботкина 1990 с. 105]. Иными словами, оценочные средства можно рассматривать и как способ кодирования авторских интенций, и как «ключ» для расшифровки авторского замысла. Если же декодирование ведется не на синхронном срезе, то при этом со СВО могут быть связаны так называемые «помехи» или «шумы»: «В языковом аспекте можно говорить о синтаксическом шуме – структурных различиях между посланным и полученным сообщением; семантическом шуме – двусмысленности в денотации или коннотации сообщения; прагматическом шуме – всем том, что появляется в сообщении, не будучи продуцировано отправителем...» [Жельвис, 1990, с. 35]. Эта роль оценочных средств тесно связана с выработкой нормативно-оценочных представлений носителями языка: поскольку «языковые представления носителя литературного языка формируются именно тогда, когда он выступает в качестве получателя речи» [Петрищева 1984, с. 46], в процессе посприятия формируются оценочные стереотипы, т.е., с одной стороны, происходит постепенное закрепление определенного значения (пейоративного или мелиоративного, достоверного или недостоверного) за рядом языковых средств, где реализация оценки соответствует норме, отграничиваются языковые средства, выражение оценки с помощью которых осуществляется в процессе декодирования оценочные стереотипы в итоге становятся своеобразными хранителями информации, и отчасти переводятся за рамки аналитического восприятия. Так, например, подобными хранителями аксиологически ориентированной информации являются исследуемые нами ниже имена-квазистереотипы, сопровождающиеся определенными оценочными ассоциациями. В то же время, по нашему мнению, процесс эволюции аксиологического компонента семантики слова может быть более динамичным, чем, например, процесс расширения значения слова, безразличного к оценочному знаку.

1.3. Оценочность и норма: синхронное и диахроническое

Исследование оценочности как языковой категории, проводимое как на синхронном срезе, так и в диахроническом аспекте, закономерно приводит к вопросу о ее связи с категорией нормы и нормативностью/ненормативностью как одним из аспектов проявления оценочности. При этом следует четко дифференцировать трактовку нормы как положения дел, соответствующего принятым в данном социуме на данном синхронном срезе требованиям (это истолкование характерно не только для лингвистического, но и для философского подхода), и понимание ее как фиксированного значения и способа употребления, присущих конкретной языковой единице (собственно лингвистическая трактовка этого термина). При многообразии определений данной категории общими и в то же время обязательными признаками нормы признается наличие совокупности языковых единиц, являющихся репрезентантами нормы, существование в конкретных временных рамках и обязательность для всех членов языкового коллектива. Под нормой понимается также система закономерностей употребления данных языковых средств [Ицкович 1960, с. 112]. Кроме того, с позиций современного взгляда на норму следует учитывать и то, что на формирование нормы оказывают воздействие как интра-, так и экстралингвистические факторы; в этом аспекте в процессе рассмотрения взаимодействия оценочности и нормы на диахронической оси необходимо указать, что норма является также «совокупностью наиболее устойчивых традиционных реализаций языковой системы, отобранных и закрепленных в процессе общественной коммуникации» [Ицкович 1960]. Если же толковать норму предельно широко, опираясь на те процессы, которые происходят в ходе исторического развития языка, то литературный язык в целом можно рассматривать как динамически изменяющуюся совокупность норм. В последнее время в лингвистике отчетливо прослеживается тенденция соотнесения оценки как с лингвистическим, так и с общефилософским истолкованием нормы (более того, понимание нормы как свода предписаний, закономерностей, регулирующих употребление языковых средств, иногда определяется как аксиологическое. Говоря о генезисе оценки, исследователи отмечают ее соотнесенность (как, впрочем, и соотнесенность нормативной картины мира вне зависимости от синхронного либо диахронического взгляда на нее) исключительно с позитивными процессами (либо с позитивной частью процессов двусторонних). Обычно из нормативных процессов «выключено» регрессивное движение, которое не продуцирует и значений аксиологических (можно, например, сказать, что цветок растет хорошо/плохо, но нельзя утверждать, что он хорошо/плохо увядает: здесь, по нашему мнению, действует ограничение, налагаемое как логикой, так и семантикой, и прагматикой [Арутюнова 1988]. В данном случае особо следует оговорить соотношение нормы и персуазивных оценок: информация о регрессивных процессах также может делиться

на достоверную и недостоверную, т.е. в данном случае охват будет более широким с позиций экстралингвистических. Следовательно, связь персуазивных оценок с нормой более специфична, т.к. отсутствие указания на достоверность мыслится как определенная степень достоверности сообщения, норма достоверности, а специализированные средства типа 'конечно', 'наверняка' эмфатически интенсифицируют ее. Такая ориентация дает возможность говорить о достоверном как о норме, а о различных градациях недостоверности – как об отклонениях от нее. И в синхронном аспекте, и на диахронической оси существенна роль нормы в отборе объекта оценки, что также требует учета характерных для языкового коллектива нормативных представлений. В процессе анализа взаимозависимости оценочности и нормы можно сделать вывод о том, что норма соотносится преимущественно с положительным полюсом оценочной шкалы, несмотря на кажущуюся индифферентность. С этим связана способность положительных оценок отражать и соответствие норме, и превышение ее (в сторону мелиоративных квалификаций), тогда как негативные оценки всегда отражают отклонение от нормы [Вольф 1985, с. 20]. Ср.: «Она поступила, как примерная гражданка!» (положительная оценка и синхронное выражение соответствия норме) / «Удивительный, я вам скажу, народ! – ворчит Ляшкевский, со злобой глядя на обывателя. – Вот как сел на лавочку, так и будет, проклятый, сидеть сложа руки до самого вечера. Решительно ничего не делают, дармоеды и тунеядцы!» (А.П. Чехов. Обыватели) – негативная оценка и отклонение от нормы. На это указывает и Л.В. Александрович: «У качественных прилагательных 1) хороший, удивительный, поразительный, изумительный, 2) хороший, замечательный, превосходный, восхитительный, великолепный, идеальный, 3) плохой, страшный, ужасный, жуткий, чудовищный со значением эмоциональной оценки мерительные градо-семные различия носят всегда субъективный характер: кому-то превосходный покажется по своей градуальности выше удивительного, кому-то наоборот; кому-то ужасный покажется выше чудовищного по своей мерительной градуальности, а кому-то чудовищный покажется более крепким определением» [Александрович 2006, с. 13]. Объективные же их смысловые различия связаны не с мерой проявления признака, а с характером выражения эмоциональной оценки через сопоставление и сравнение: Это находит отражение нередко и в толковых словарях. Основное значение, например, прилагательного 'удивительный' в Словаре С.И. Ожегова дается как «вызывающий удивление». Оно в системе языка мотивировано именной и глагольной основами диво, удивить / удивлять. Компонентный состав семантики этого слова равен сочетанию усилительной семантики «очень хороший» + подобный диву, подобный тому, что удивляет. По градуальности это значение равняется семантике прилагательного 'превосходный'. Это их сходство в Словаре С.И. Ожегова отождествляется под цифрой 2. «Необычайно хороший, превосходный». Прилагательное же превосходный отличается от прилагательного удивительный своей

особой сопоставительно-сравнительной семой «превосходящий что-то обычно». Эта дополнительная сема мотивируется соотносительной глагольной лексемой «превосходить кого-то, что-то». Отсюда семантика прилагательного превосходный складывается из того же усилительного значения, что и у прилагательного удивительный: «очень хороший» + подобный тому, что превосходит других. Само превосходство объективной меры не имеет, оно носит субъективный характер и зависит от того, что с чем сопоставляется и сравнивается. Аналогичным образом адъективные синонимы различаются не мерой оценки, не градуальной выраженностью признака, а характером выражения оценки через сопоставление и сравнение в синонимических группах: 1) дивный, чудный, чудесный, сказочный, волшебный, 2) необъятный, безграничный, бескрайний, бесконечный, беспредельный, безбрежный, 3) напрасный, безуспешный, бесполезный, безрезультатный, бесплодный и другие» [Александрович 2008, с. 16]. Несколько иначе обстоит дело с определением соотношения нормы и оценки в плане выражения. В этом случае нормой считается стереотипное положение языкового средства в инвентаре языка, а специфика оценки определяется путем анализа специализированных средств выражения. Как правило, при рассмотрении этого вопроса норма противопоставляется эмотивной оценке, так как эмотивность зачастую генерируется ненормативным характером используемых языковых средств, т.е. путем нарушения нормы, причем «одни нарушения нормы вызывают положительные эмоции у адресата, наблюдателя, другие – отрицательные. Нарушения первого типа – идеальные, второго – антиидеальные. Идеальное нарушение нормы – такое языковое нарушение, которое лучше нормы выражает лингвистическую мечту коммуникантов и наблюдателей [Болотов 1986, с. 12]. Следовательно, негативные и позитивные значения соотносятся не столько с содержанием или средством его выражения, сколько служат для характеристики прагматического воздействия, генерируемого при помощи оценочных средств языка. При этом в числе факторов, которые являются базисом для возникновения положительного или отрицательного отношения в процессе употребления языковых средств, следует особо выделить:

- изменение референтной соотнесенности (по нашему мнению, она может иметь место как на уровне отдельных языковых единиц, так и на уровне целого текста; в частности, именно на изменении референтной соотнесенности базируется аксиологическая ориентированность и прагматический эффект пародии);

- двусмысленность, актуализация двух и более значений (в том числе – оценочного и нейтрального по отношению к оценочному знаку) в пределах одного контекста: «Хотите, чтобы на Северном полюсе произрастали финики и ананасы? Пошлите туда секретарей духовных консисторий и письмоводителей врачебных управ. Лучше их никто не сумеет нагреть место» (М.Е. Салтыков-Щедрин. Губернские очерки). «Воно ще молода дытына, - обыкновенно она говаривала, несмотря на то, что Ивану

Федоровичу было без малого сорок лет, - где ему все знать!» (Н.В. Гоголь. Иван Федорович Шпонька и его тетушка). В частности, в соответствии с теорией эмоционального воздействия текста В.И. Болотова, аномальность описываемых ситуаций также является основой для возникновения эмотивной оценки. В то же время оценки такого рода можно рассматривать как опосредующее звено между нормой (или отклонением от нее) и возникающей у реципиента эмоциональной реакцией. Основой этому может быть так называемая инормативная лакуна, или «рассогласование между той информацией, которая необходима для удовлетворения данной потребности, и той, которой субъект обладает...» [Копыленко 1981, с. 19]: «Французы замечательны своим легкомыслием. ... Женщины поступают в опереточные актрисы и гуляют по Невскому, а мужчины пекут французские булки и поют «Марсельезу». Много альфонсов (на основании предшествующей информации происходит своеобразное «наведение» негативно оценочной семы, базирующееся на актуализации пейоративного значения, которое закрепилось за собственным именем Альфонс – ‘находящийся на содержании у женщины’) – Альфонс Додэ, Альфонс Ралле и другие... Как видно из приведенного случая, именно нарушение нормы порождает информационное рассогласование и индуцирует возникновение эмотивно-оценочного прагматического ореола.

В процессе анализа взаимодействия оценки и нормы следует принять во внимание и тот факт, что норма может быть актуальной и виртуальной, или, иными словами, реализованной и реализуемой в процессе постепенного развития языковой системы в целом. Как отмечает В.В. Колесов, «сейчас уже недостаточно говорить только о становлении нормы как главной проблеме истории литературного языка, ибо это всего лишь конечный результат развития языка. Такая постановка задачи сужает проблему, поскольку в диалектическом развитии объекта постоянно возникали внутренние противоречия между системой языка, стилем речи (или текста) и нормой» [Колесов 1991, с. 232]. С учетом этого картина взаимодействия нормы и оценочности становится еще более сложной, и такой подход к норме позволяет выявить еще одну характерную черту, позволяющую обнаружить общность лингвистических характеристик оценочности и нормы: при анализе средств оценки также возможно выделение средств, оценочная специализация которых фиксируется в языковой системе, и средств иного характера, оценочные составляющие которых актуализируются лишь в специфической речевой ситуации. Примером средств выражения оценки, относящихся к первому типу, являются средства выражения оценки, относящихся к персуазивным: «... могут служить оценки степени достоверности (персуазивные): «... объявлено сказкою казака Якова Пермякова, что видел он по ту сторону Святого носу остров и другой против устья ковыми реки (может быть, Святого носу остров и другой против устья ковыми реки (может быть, сие были мысы одного большого острова, кои к сибирскому берегу сие были мысы одного большого острова, кои к сибирскому берегу протянулись)...» (М.В. Ломоносов). Ко второму типу можно отнести, в частности, выступающие в нехарактерной для них оценочной функции

слова определенных лексико-грамматических разрядов: «Говорили что-то такое о болезни вашей матушки, показывали там письмо какое-то от нее...» (А.И. Куприн). Стратифицированность оценочной системы дает возможность проследить и специфику соотношения между оценочностью, нормой и экспрессивным потенциалом конкретных средств выражения оценки, т.е. установить, в какой мере ненормативное употребление оценочных средств обуславливает экспрессивный эффект.

Наблюдения над языковым материалом показали, что ненормативность и актуализация экспрессивного потенциала оценочных средств наиболее тесно связаны тогда, когда речь идет о графических СВО (в этом случае срабатывает отчетливо выраженный у каждого носителя языка стереотип: то, что говорящий выражает свои интенции таким образом, - плохо): «Бэгэрэдство! – презрительно вставил капитан... Он с тобой любезен, стол тебе сервирует, - ядовито проговорил капитан (справедливость требует сказать, что он произнес сельвирует)» (А.И. Куприн).

Лексический уровень оценочной системы не дает столь же однозначной картины, как и уровень синтаксический: ненормативность, как и в предыдущих случаях, может усилить эффект, но не обусловить его целиком и полностью, так как и соответствующее норме употребление лексических СВО может привести к актуализации экспрессивного потенциала, если он зафиксирован в языке и закреплен за данным СВО.

Итак, нормативное употребление, в понятие которого входит как закономерный компонент и нулевая оценка, имплицитно несет в себе потенциально существующие оценочные смыслы, которые могут являться причиной отклонения от нормы в сторону положительного или отрицательного полюса оценочной шкалы. В то же время ненормативное употребление потенциально экспрессивных средств оценки интенсифицирует и актуализирующую оценку, и экспрессивный, а также прагматический эффект, формируемый на основании этой оценки.

ГЛАВА 2. ЭТАПЫ ЭВОЛЮЦИИ ОЦЕНОЧНОЙ ЛЕКСИКИ В РУССКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ЯЗЫКЕ

2.1 Репрезентация оценочности в лексической системе русского литературного языка XVII в.

Исследование эволюции категории оценки закономерно связано с изучением трансформации оценочного потенциала слов, т.к. слово – основная и в то же время наиболее подвижная единица, которая в обыденном сознании представляет, по словам Н.Д. Арутюновой, все поле языка.

Оценочная лексика в литературном языке XVII в. в целом отражает происходящую переориентацию языкового сознания русской языковой личности с теоцентричной картины мира на антропоцентричную. Она пронизана оценочными оппозициями, и противопоставление «хорошо/плохо» имеет в лексическом составе литературного языка XVII в. более четкое и однозначное выражение, нежели в языке XVIII и XIX в. Именно поэтому в системе оценочной лексики XVII в. отражаются процессы развития оценочного значения у ряда безоценочных ранее лексических единиц; кроме того, отмечается амбивалентный оценочный потенциал лексем, позже утративших амбивалентность и сохранивших однозначную соотношенность с тем или иным полюсом шкалы оценок. Ср.: Гад. По сведениям Словаря русского языка XI-XVII в., в рассматриваемый период регистрируется как оценочное, так и безоценочное значение: нечистое, мерзкое животное (налицо аксиологическая ориентация); ползающее насекомое, пресмыкающееся, а также коротконогое животное. «Клопы и тороканы и инии гадове бегают» (Травн. Любч.) Оценочное значение интенсифицируется, будучи перенесенным на человека: «Отвратительный, мерзкий человек: «Есть обретаются неоторыя гады, из чрева своего гадять по человекообразию быти бога» (Ав.Кн. бес.), «И гад кто злодействующий осужден будет к смерти» (Сказ. Авр. Палиц). В то же время гадина – параллельное образование женского рода, в языке XIX в. способное выражать даже более интенсивную пейоративную оценку (см. ниже) – пока еще безоценочно – пресмыкающееся, змея.

Еще более показателен следующий случай, отражающий процесс развития потенциальной амбивалентности, сопровождающейся столкновением оценочного и безоценочного значения производного слова: «Глум – 1. – шумная игра, веселье, забава (позитивная оценка, отражаемая и в приводимых ниже примерах); 2. Насмешка, издевательство». «А ходяй во тме не весть, камо грядет, сиречь о суетных упражняется, назираяй, где пирове бывають, и глумы, и неудобныя кличи». (Ав. Кн. Бес.) Отметим, что негативно оценочное значение развивается в данном случае еще в рамках религиозной картины мира, отрицающей и осуждающей мирские забавы. Отсюда – наличие негаивных производных глумец (1. Странствующий актер, скоморох; 2. Бесчестный, недостойный человек), глумитель,

глумник, глумленник, глумный и т.п. Соотнесенность с негативной частью шкалы оценок наиболее отчетливо проявляется в синтагматике через синонимические либо антонимические отношения: «Поселяне жители веси тоя стоящ глумляхуся блаженному, ругающеся ему.» (Ж. Герас. Б.); «Подобает истинному иноку дела Христу подобитися, а не словесы глумными, и так творить, якоже святии» (Ав. Кн. Бес.)

Картина мира языковой личности XVII в. с характерной для нее теоцентричной системой оценок отражена как в семантической, так и в словообразовательной структуре слов. Так, Словарь русского языка XI-XVII в. регистрирует 22 производных от слова грех (большинство из них сложные слова, что обуславливает их функционально-стилистические особенности, т.е. соотнесенность с высоким стилем). Функционально-стилистическая квалификация со знаком плюс вступает в противоречие с выражаемым негативно оценочным смыслом.

Заложенная в данных словах оценка имеет по преимуществу рациональный характер и ориентирована на восприятие мира сквозь призму веры; поэтому данные оценочные средства находят широкое распространение в литературном языке XVII в. По нашему мнению, рациональная оценочность связана здесь с отсылкой к этическому основанию (нарушение принятых среди носителей языка норм и соотнесение его с пейоративным полюсом шкалы оценок). Ср.: «Грехотворец – тот, кто совершает грех, грешник. Поревнуй, чадо мое, мытарям и блудникам и всяким грехотворцам и озорникам» (Ск. О куре и лисице) Греховный. И благодарю тя, пресвятая богородице, за твою неизреченную милость, яко избави мя от тмы греховные и возведе меня на путь покаяния!» (Сав. Грудц). Грехолюбный – склонные к греху. Злоба отступления грех ради наших преодолел благочестию, понеже все уклонишася в растленность грехолюбного делотворения» (Ав. Кн. Бес.)

Следует отметить, что уже в русском языке XVII в. наряду с сопряженным со сферой церкви, религии значением данного СВО проявляются и иные, ср.: вина, ошибка, погрешность (По некоему же греху загорелся келарница, идес же бяше все имение монастырское. ВМЧ, дек 1-5, 439); несчастье, беда (А будете, волею божию, над ево, Яковлевыме, кароблем, какой грехе учинитца: карабль се ефимками .. потонете, или воровские люди каробль разграбят... (Якове Ревел, ф. 1. 250). На наш взгляд, это свидетельствует о том, что процесс обмирщения языка, отражающий процесс секуляризации мышления, в рассматриваемый нами период уже затронул мировоззренчески важные понятия из сферы аксиологических представлений, которые являлись основополагающими для усредненной языковой личности средневековой Руси.

По нашим наблюдениям, более широкую семантику имеет в лексической системе XVII в. оператор зло-, соотносимый в языке XIX в. преимущественно с этической сферой оценок, а в XVII в. скорее приравненный к общеоценочным операторам. В числе производных с компонентом зло- (а их в Словаре русского языка XI-XVII в. нами выделено

269) отмечаются оценочные средства и эмотивного, и рационального характера. Обоснованность отнесения данного оператора в число общеоценочных подтверждается фиксацией у него таких значений, как плохой, дурной: «Луче есть злу быти лицом негли умом» (Сл. и Поуч. Против языч.); одновременно с этим в его семантическую структуру входит сема неблагозвучный: «Есть мусикия согласное художество, ... познание приличных благих гласов и злых, ежде есть разствие в согласие показующих» (Мусик. Грам.), а также нехарактерное для литературного языка более позднего периода значение эстетической оценки – неприятный, некрасивый лицом. В то же время следует подчеркнуть, что именно данный случай является подтверждением постепенной трансформации оценочной системы, а точнее, изменения шкалы оценок, что, в свою очередь, служит сигналом начала перехода от теоцентризма, фиксируемого в семантике оценочных средств, к антропоцентризму. Так, сема грех еще фиксируется в семантической структуре слов злодейство, злоделательный, злодельный (созданный злыми силами, дьяволом, греховный) и пр., которые в языке XVIII и XIX в. имеют более «мирской» смысл.

Однако именно сохраняющаяся еще, хотя и постепенно подвергающаяся трансформации теоцентричная ориентация аксиологической системы в целом позволяет в числе важнейших выделять сему «неправедный, нечестивый», а также тесно связанный с ней компонент «лжеучение, ересь»: «Королевство земли французския бывала крещена от святых апостолов, ныне же от веры благочестивыя заблудшия в злую веру каптинскую и люторскую» (Козм.) В качестве этической оценки данное СВО также является свидетельством примата религиозного, церковного в формировании аксиологических ориентаций языковой личности; об этом свидетельствует контекстуальный параллелизм в приведенном ниже фрагменте: «Солнце сияет на злыя и благия и дождь дождит на праведные и неправедныя» (Ерм-Ер.) Сходно в своей этической направленности и значение греховно, порочно, вопреки высокой нравственности, актуализирующееся, в частности, в слове злонравный: «...пришедше в дом к жене вдовице, и хваляху люди ему, да ся оженить ею, понеже юн бяше; она же окаянная злонравно с ним живяше неколико лет» (Беседа отца с сыном).

Сигнализируя о превышении нормы, данный компонент в составе сложного слова может способствовать инверсии оценки. Так, семантика слова мудрый в данную эпоху развития языка в целом и лексической системы в частности потенциально амбивалентна (опять-таки в связи с теоцентричной направленностью аксиологической системы, в рамках которой мелиоративно оценивается лишь мудрость божественная; человеческая же мудрость ограничена, дерзновенна и потому изначально греховна, что соотносится в данной системе оценок с пейоративной частью шкалы). Образование сложных производных оценочного характера позволяет актуализировать оценочный знак: «Зломудрец –

тот, кто слишком мудрствует, чьи суждения вступают в противоречие с догматами веры. И поднесь беспрестани на соборищих ... зломудрецы их (евреев) умышляючи, портят словеса священная» (Курб. Пис.)

Весьма важным представляется то, что в аксиологической системе XVII в. компонент зло- выступает также в роли интенсификатора оценки; в ходе же исторического развития системы средств выражения оценки эта роль данного СВО теряет свое значение, а позже – окончательно утрачивается. Ср.: «Злоковарный – очень коварный. Злый же и злоковарный бес видя себя побеждаема, воздвигает паки на святого лукавых злых разбойников». (Ж. Серг. Нур.); «Злолютьство – жестокие страдания, пытки». Способность играть роль интенсификатора обусловлена наличием соответствующей семы, специализированной на выражении интенсивности негативной оценки, при этом характер ее по преимуществу рациональный: злой – очень сильный по степени проявления, жестокий». Роль интенсификатора позволяет также актуализировать в семантике целого ряда оценочных средств пейоративные значения с большей интенсивностью аксиологической маркированности, ориентированные на религиозные нормы и связанные с их нарушением. Ср.: «Бог терпит ... грешная душа моя... многих скверных и злосмрадных дел... Ево владычне вижу к себе посещение». (Грамотки, 1665) – в значении исполненный скверны, греха; «Едином словом сим низлагает всякую хулу и ересь, и нечестие, не токмо арианскую, но и всех злославных и нечестивых» (Скрижаль) – в качестве синонима к еретик, вероотступник; «... слва напечатаны от злых еретиков – от Нестория... и от Маркела ересеначальника. Той бо злочестивый Нестория Христа бога нашего совершенна младенца быти лгал» (Чел. Ник. Пустосв.) – в значении нечестивый, склонный к ереси. Аналогично и утраченное уже в XVIII в., но фиксируемое в источниках XVII в. значение «ересь, богохульство» в числе оценочных составляющих полисеманта злословие. В связи с ним представляется необходимым отметить и ту трансформацию, которой подверглось в ходе исторического развития данное оценочное средство (но уже в качестве квалификации речи). В источниках XVII в. регистрируется значение «брань, оскорбление», отмеченное эмотивностью: «Трудно есть злых родители чадом изменить злыи нравы добрая глати яко от пелен родителя научаются злонравию и злословию» (Наказ. Чад.) В XVIII и XIX в. актуализируется иная сторона семантики, и ядерными становятся семы «причитать, осуждать, клеветать».

Следует особо указать на то, что уже в системе экспрессивных средств XVII в. значимым является столкновение прямого и переносного значений вследствие одновременной актуализации на синтагматической оси двух оценочных сем, ср.: «Хорошо мне жити с собакаи да со свиньями в конурах: так же и оне воняют, что и моя душа, злосмрадною вонею». (Ав. Ж.) – налицо столкновение двух пейоративно оценочных значений, соотносимых с различными основаниями: издающий тяжелый запах и исполненный греха.

Не столь значительны в количественном отношении и рационально оценочные производные, основой которых является семантический и словообразовательный компонент грех - (23 лексемы с зафиксированными 48 значениями). Однако знаменателен факт частоты их употребления в текстах XVII в., при этом наряду со значением, ориентированным на религиозную картину мира («противно закону Божьему», что плохо), отмечено и значение Беда, несчастье: «А будет, волею божиною, над его кароблем какой грех учинитца...» (Ревел.)

Данные СВО обладают высокой степенью негативной оценки и могут использоваться в качестве традиционной формулы самоуничижения и самоосуждения, которые весьма характерны для оценочной картины мира человека XVII в. Особенно показательно использование их в качестве антитезы в рамках «позитивная оценка адресата – негативная самооценка»: «Дерзнул греходетельною си рукою сие грубое писание написати и воей превелицей честности предложитьи» (Посл. о хабува); «Невежа есми, ... и не имею витийскаго учения, а нравом грехолюбителен и человеком досадителен» (Окр. посл. Мтр. Ионы)

В текстах, отражающих особенности оценочной системы русского литературного языка XVII в., отмечено также употребление данного СВО в качестве вводного компонента со значением к несчастью, по несчастью, на беду: «И грехом деи, государевы люди подымные дрогнули, и воеводу Тимофея Лазорева ранили и в полон взяли» (АИ, 1609г.)

Как семантической, так и аксиологической оппозицией к скверно, грех- зло- (а также производным) выступает позитивно оценочные добро- и благо-. На мелиоративную часть шкалы оценок в качестве противостоящих негативно оценочным зло-, скверно- и их производным, проецируется большая часть производных с компонентом добро- (189 производных, отражающих 243 зафиксированных словарями оценочных значения) и производных с компонентом благо (351 производное с 287 зафиксированными значениями). Необходимо отметить, что мелиоративно оценочные СВО с данными компонентами также, как и пейоративно оценочные с компонентом зло- в составе и в семантике, могут выполнять не только собственно оценочную функцию, но и функцию интенсификации оценочного значения, уже имеющегося в слове и отраженного в его семантике: «Благоревностне – очень усердно, ревностно. Царь о богоугодном правлении и расширении благочестиваго царствия российскаго ... боголюбезно и благоревностно печется» (Скрижаль, 1656). Словарь русского языка XI-XVII вв. также отмечает значение интенсификатора (очень) в семантике компонента благо.

Показательно прежде всего то, что оценочная инверсия, которая сопровождает ряд средств оценки, связанных с этим понятиями (лексемами) деривационно либо чисто семантически, и обуславливает потенциальную амбивалентность данных СВО, в языке XVII в. является гораздо более редкое. Так, добренький, которое в языке XIX в. отчетливо эксплицирует иронию на основании инвертированного оценочного

знака, в XVII в. имеет лишь ряд позитивно оценочных значений: душевный, отзывчивый, ласковый; значительный, большой; зажатый, родовитый, уважаемый. Аналогична ситуация со словом благодетель, которое в языке конца XVIII-XIX в. трансформировалось скорее в СВО, соотносимое с пейоративной частью шкалы оценок. Тексты XVII в., проанализированные нами, и данные Словаря русского языка XI-XVII вв. свидетельствуют лишь о позитивно оценочном значении тот, кто делает другим добро: «И замыслил вражий угодник нелепое дело на государя своего и на благодетеля, на великого государя царевича Димитрия Иоанновича Углицкого...» (Сказ. О царе Федоре Ив.) В то же время нельзя утверждать, что потенциальная оценочная амбивалентность совершенно не присуща оценочной системе XVII в. Проявления ее имеют более спорадический, нерегулярный характер, нежели в языке XVIII-XIX вв., но они могут служить свидетельством того, что в системе представлений русской языковой личности XVII уже фиксируется способность одного и того же оценочного средства быть сопряженным и с мелиоративным, и с пейоративным полюсом шкалы оценок и актуализировать знак оценки в зависимости от коммуникативных и прагматических задач употребляющего СВО субъекта речи. Ср.: 'Благокозненный – искусный, умелый, хитроумный; благокознение – опыт, умение, искусство' (Словарь русского языка XI-XVII вв.) «И се мноу блаженный малую грозу присовокупляет благокознению, еуже великое зло целити умыслить» (Курб. ист. 169). «И воистинну и аз глаголю: льстец он был, коварец и благокознен, понеже яле тя исторгнувши, от сетеи диявольских...» (Курб. Отв.) Если рассмотреть семантику СВО козни в исторической перспективе, то станет очевидным, что к концу XVIII - началу XIX в. за ним закрепляется пейоративное значение. Так, у Д.И. Фонвизина отмечено сочетание «лисица-кознодей», ср. также «Пусть нам строят козни злые, будет то, что было встарь» (П. Вяземский). Таким образом, утрачена возможность сочетаемости с мелиоративным компонентом благо.

Говоря о существовании потенциальной амбивалентности в системе оценочной лексики в XVII в., нельзя не отметить, что ее истоком также является теоцентричная система оценок и соответствующие основания оценки. Так, глубинный, помимо значения сокровенный, тайный («Мысленнаго сего моря и глубиннаго разумнама очима и таиннама вижду плавающего ж в нем с корабли...» - Корм. Балаш.) имеет значение еретический (отреченные книги, апокрифы): «Ови еретика нарицают, а ини глаголаша, яко глубинныя книги почитает» (Ж.Авр. Смол.) Десакрализация общественной жизни, безусловно, является тем экстралингвистическим фактором, который обусловил и десакрализацию языкового сознания, что и повлекло за собой утрату пейоративных оценок такого рода. В ряде случаев наблюдается сходная, но не тождественная ситуация: в целом за СВО зафиксирована в языковой системе пейоративная оценка (как правило, она входит как составная часть в его семантику, а не

является прагматическим компонентом), но одно из значений, а именно то, которое ориентировано на религиозно- и теоцентричную оценочную шкалу, в процессе исторической эволюции семантики слов было утрачено. Так, в литературном языке XVII в. зафиксированы следующие значения пейоративного СВО гнусный: запрещенный религиозными правилами, негодный богу; порочный, скверный (ср. также гнус – порок): «Растреленных житием и преисполненных всякою злобою воров... и от юности проходящих гнусное житие... таковых и избирают во причет к себе» (Ав. Кн. Бес.) Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля регистрирует следующие значения слова, пусть и негативно оценочные, но уже не соотносимые с религией и верой: «Гнусный, гадкий, мерзкий, скверный, поганный; подлый, непристойный».

Следует особо остановиться и на тех случаях, когда соотносимость оценочного средства с религиозной картиной мира сдерживает развитие потенциальной амбивалентности, и только в процессе десакрализации языкового сознания обнаруживается соотносимость СВО не только с мелиоративной, но и с пейоративной частью шкалы оценок. Интересен тот факт, что пейоративное значение соотносится в подобных случаях со сниженной стилистической квалификацией, т.е. негативно оценочное значение зарождается в недрах просторечия, сопутствуя и как бы отражая на противоположную часть шкалы оценки лексику книжного, высокого характера (как в отношении семантики, так и в плане стилистической принадлежности). Так, в инвентаре оценок, фиксируемых в лексике литературного языка XVII в., за СВО благоумие закреплен лишь ряд мелиоративно оценочных значений, ср.: здравый ум, благоразумие, удовольствие, богатство («Жена благоумна состав дому и имению спасение»). То же самое можно сказать и о СВО блаженный (негативно оценочное блажной не фиксируется ни в текстах, относящихся к рассматриваемому периоду, ни в Словаре русского языка XI-XVII вв.), и о блажити: первое из указанных слов употребляется в значениях благословенный, достойный почитания, восхваления, благополучный.

В ходе исследования инвентаря оценочной лексики XVII в. представилось необходимым акцентировать внимание и на том; что в перспективе исторического развития и в процессе трансформации шкалы оценок эволюционировало и понятие «свое/чужое (негативно оцениваемое)». Показательно, что соотносимое с античной мифологией в системе оценок русской языковой личности XVII в. чаще связано с негативным полюсом оценочной шкалы; трансформация оценочного значения вплоть до замены на противоположное произойдет позже, в XVIII в. с характерной переориентацией на позитивное оценивание европейской культуры и в особенности – культуры античной: «Афродитская дела – блудная дела» (Алф.)

Уже в языке XVII в. можно отметить связь, которая прослеживается между понятием нормы и шкалой оценок: превышение нормы индуцирует негативную оценку. Так, пресыщение, обедеение, обжорство (т.е.

количественное превышение нормы) обозначены как гортанобешение, что, во-первых, подчеркивает уже путем актуализации ассоциаций, связанных с внутренней формой слова, низменный, чисто физиологический характер оцениваемого явления, и, во-вторых, сигнализирует о связи с понятием «отклоняющийся от нормы, превышающий ее».

Уже в рассматриваемый период истории развития оценочной системы русского литературного языка наблюдается контаминация лексического (оценочного) значения и грамматических функций языковых средств. Таким образом, оценочность находит отражение как в лексике, так и в синтаксисе, что дает возможность говорить о ней как о формирующейся языковой универсалии, характеризующейся межуровневым изоморфизмом. Как утверждают А.В. Михайлов и Т.В. Михайлова, оценочность в литературном языке рассматриваемого периода зачастую актуализируется в рамках конструкций с каузативным значением, в связи с чем классификация способов выражения оценки может быть основана на семантических ролях субъектов и объектов каузации и на ее результатах. Таким образом, налицо связь между семантикой и синтактикой в плане формирования оценочного колорита высказывания уже в литературном языке XVII в. В таком случае в качестве приемов выражения оценки можно рассматривать: 1. Божественное произволение в качестве причины в каузативных конструкциях. Соотношение описания причины и следствия в пределах фрагмента текста можно считать одним из приемов выражения оценки. Приём основан на христианском мировоззрении авторов текстов начала XVII века. Причина благого поступка описывается как императив заведомо благого субъекта (высшего в наличной духовной иерархии) - «Бога», «Богородицы», «святых»... Важно отметить, что в подобной модели и при такой мотивации поступков проявляется также и высшая степень положительной оценки объекта оценки, принимающего повеление от заведомо благого субъекта: «...охрабри же тогда великий чудотворец Сергии во осаде слугу ананию селевета ... тои же анана мужествен бе, шестнадесят языков нарочитых во осаде тогда сущыи во град приведе...» (САП Стлб 1119). SБож (высший) [здесь и далее S=субъект, а Obj=объект. - А.М., Т.М.] каузирует Sчел и одновременно Obj (человек) для совершения ВопФас. (благой поступок). Семантические основы процесса 'оценивания' в этой модели состоят в следующем: объект каузации должен обладать некими благими качествами, чтобы быть способным воспринять 'каузацию' высшего субъекта. И наоборот: объект каузации настолько плохой, что воспринимает каузацию от низших субъектов, и потому совершает негативно оцениваемые поступки [Михайлов, 2003, с. 11]. Исследователи справедливо отмечают, что для выражения оценочных смыслов возможно использование различных падежных форм, в частности, «форм творительного падежа в каузативном значении».

Синтаксические конструкции с творительным падежом с семантикой причинности рассматриваются в лингвистической литературе как одни из

самых распространенных для выражения каузации. Так, в творительном причины употребляются имена, обозначающие 1) физические предметы и явления; 2) собственные и нарицательные названия лиц; 3) отвлеченные явления. В первой группе оказываются обозначения ситуации, в которые попадают люди, оценка же относится не к лицам, а ситуациям: «и милостию всещедрога бога усмире сердце злаго еретика. и послал своего посла к позорищу и не повеле казнити князя Василия, а повеле их по городом розвести ...» (СГО Стлб 735); «благодатию же божию на томе бою многихе польских и литовских людеи побили и поранили ... милостию же пресвятыя троица не токмо умни, но и прости не внимающе сему ни како же ... но единеми усты вси отвещеваху ... добро убо и красно лжете, но никто ни имет вам веры» (САП Стлб 1132). При рассмотрении оценочной лексики в синкретичном единстве с грамматической формой становится очевидным, что «существуют разные варианты этой модели: «качество - непосредственная причина действия». Субъект действия прямо не назван, поскольку он может быть назван в соседствующих контекстах, или может быть назван, поскольку важно использовать дополнительно градационный ряд для усиления оценки («не только, но и ...») [Михайлов 2003, с. 13]. В литературном языке XVIII в. к числу наиболее распространенных способов актуализации оценочного значения относится выражение оценки с помощью предлогов «по», «из-за», «для», «ради». «Конструкции с семантикой 'оценочное качество или оценочная ситуация' с предлогами по, из-за, ради, для в современном русском языке приобретают причинное значение в тех случаях, когда в ее состав входят слова, обозначающие эмоциональное состояние субъекта. В памятниках XVII в. эта конструкция широко распространена. Когда эта синтаксическая конструкция сопрягается с идеологической моделью 'причинности', в конструкции создается оценочный смысл: «...ведь от бога днешними язвами наказуем ся по премудрому словеси ... сокрушаете сердце мудраго, безумен же и биен не чует ран» (ВИТ Стлб 381). Для создания оценочной ситуации используются сочетания отглагольных существительных с семантикой перехода действия на прямой объект (излияние, наказание, попущение и под.) с предлогами временной и пространственной семантики (по, за, из-за). Если рассматривать эти лексико-синтаксические способы актуализации аксиологически ориентированного отношения с позиций оценки как модальной рамки, то необходимым оказывается принять во внимание и такой аспект оценки, как ее основание. В рассматриваемых случаях «основанием или причиной этих оценочных ситуаций оказываются либо действия либо качества объектов оценки. Качество оценки зависит от качества качества субъекта. И в целом ряде случаев, несмотря на явную секуляризацию как системы СВО, так и латентного ее основания, Бог выступает как высший субъект, либо вознаграждающий либо карающий, и своеобразная точка отсчета для пейоративных/мелиоративных квалификаций, которая, однако, уже не является актантом. Исходя из этого, исследователи строят типологию

оценочных ситуаций и их языковых реализаций. Как указывают А.В. Михайлов и Т.В. Михайлова, «семантические роли в этой смысловой модели могут меняться, например: А. Счел поступает положительно, так как СБож дает ему возможность поступать так; Б. Счел поступает отрицательно, поскольку СБож не изменяет его отрицательных качеств; В. СБож допускает развитие ситуации в отрицательном направлении по причине согрешений Счел.; Г. СБож попускает Счел совершить отрицательный поступок. Савтор в этом случае включается обычно в число согрешающих, для чего используются местоимения 1-го лица и притяжательные от них (нас, мы, наш, наших и под.); Д. СБож совершает поступок ('наказание') в пользу Счел ;

Е. Снаблюд, включающий автора, оказывается подверженным страданиям по причине действий СБож. [Михайлов 2003, с. 15].

Исследователи отмечают также, что «в Новое время (т.е. в русском литературном языке XVII-XVIII вв. – Л.М.) в составе лексики, представляющей общую положительную оценку, произошли важные перемены. Исследование показало, что подгруппа лексики, выражающей общую положительную оценку равному норме, изменилась незначительно: ряд хороший, добрый, благой, ладный, погожий, порядный и сохранившееся в устойчивых словосочетаниях красный дополнен прилагательными славный, правильный, путный» [Дронова 2006]. В текстах XI-XVII вв. отмечено употребление СВО славный в значении, продолжающем семантику производящего слова – 'достойный славы, прославленный, почитаемый', где сочетаются дескриптивная часть и частная оценка, далее эта частная оценка становится основанием для формирования у данного слова значения общей положительной оценки – 'великолепный, чудесный, прекрасный'. Зыбкость границ между значениями прилагательного славный видна, например, в таком выражении, отмеченном в тексте XVII в.: Славен бубен за горами 'представляется хорошим только то, что далеко' Таким образом, на основании данного и приводимых ниже случаев мы можем говорить об определенной тенденции к генерализации оценки. Как отмечает Л.П. Дронова, «прилагательное правильный первоначально также употребляется лишь в конкретном значении 'основанный на правилах, церковных канонах'; 'законный, имеющий законную силу' (правильною виною 'по делу, касающемуся нарушения церковных правил'). Известно и существительное правильный, обозначающее лицо, прислуживающее при богослужении, причетчика [Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 18. С. 108]». Путный в текстах XI-XVII вв. во всех значениях связано с семантикой пути, дороги. Но обуславливают появление положительной оценки у прилагательного некоторые значения производящего путь, такие, как 'способ, средство; меры, которые можно или следует принять', 'порядок, правило', 'доходы, имущественный и социальный ранг', 'территория или отрасль дворцового хозяйства, которая давалась в кормление (в управление или в ведение с правом получения доходов с соответствующих мест или групп населения)',

ср. конюший путь, ловчий путь, сокольничий путь и т.п. – ведомства в составе дворцового хозяйства; старейший путь – доля старшего князя во владениях и доходах; путный боярине, путный ключнике, путный чарочнике. В текстах XVII в. отмечены наречия путеме 'надлежащим образом, по установленному порядку' и путно 'хорошенько, как следует'. [Словарь русского языка XI-XVII вв.. Вып. 21. С. 63–68; 7. Вып. 17. С. 147]. В лексическую подгруппу, выражающую обобщенную положительную оценку того, что представляется меньшим нормы, небольшую по stature (что, видимо, обусловлено степенью актуальности этого типа оценки), представленную прилагательными приличный, недурной, вошли в XVIII-XIX вв. лексемы порядочный, неплохой (хотя порядный в значении 'подходящий, приличный' встречается в текстах с XIV в.). Больше всего перемен произошло в группе лексики, обозначающей общую положительную оценку того, что представляется большим по сравнению с нормой: эта группа фактически сформировалась в XVII-XVIII и XIX вв. – отличный, прекрасный, замечательный, превосходный, чудесный, чудный, великолепный, отменный, бесподобный, исключительный, необыкновенный, настоящий, блестящий, классический. Активные изменения в данном фрагменте лексики есть результат явно изменившегося понимания нормы. Понятие нормы содержательно стало шире, как нечто допустимое, приемлемое, но необязательно как то, чему необходимо следовать, исчезает строгая предписательность, нарушается ее деонтический характер. В результате обобщенную положительную маркировку получило небольшое отступление от нормы, и прежде всего превышение нормы (отличность от подобного, исключительность). Из всей этой группы только прилагательное прекрасный, образованное от красный 'красивый' и 'хороший', уже в древнерусский период выражало общую положительную оценку случаев превышения нормы – 'очень красивый', 'очень хороший, превосходный', 'дивный, чудесный', 'в высшей степени чистый' (1125 г.: Церковь воздвиге прекрасну на Лте, камением составлену. XIII-XIV вв. XI в.: От корене злаго прозябе плоде прекрасене. 1096 г.:...божие прекрасное порожение) [Словарь русского языка XI-XVII вв.. Вып. 18. С. 252]. Ушедшее из активного запаса литературного языка лепый также сохранилось лишь в составе производного великолепный, известного уже из памятников XIII-XIV вв., но в значениях 'пышный, торжественный, величественный' и 'щедрый'. Настоящий в ранних текстах употребляется в значениях 'нынешний, теперешний, находящийся здесь' и только с XVII в. отмечается в значениях 'подлинный, тот самый; настоящий, надлежащий' и 'главный' (1698 г.: Почтовые письма возить безо всякого одержания, вскорости, чрез настоящие места, которыми до Волуйки ближе и способнее и от неприятельских людей безстрастнее). Лишь прилагательное отменный в текстах этого времени выступает в обобщенной функции, обозначая 'очень хороший, отличный, превосходный' (1689 г.: Пожаловали они великие государи того полку стрельцов за ту их радетьную и отменную

вышепомянутую службу) [Словарь русского языка XI–XVII вв.. Вып. 2. С. 66; Вып. 10. С. 270–271; Вып.13. С. 270]. Остальные прилагательные рассматриваемой подгруппы до XVIII в. не встречаются. Это имеет свое историко-культурное обоснование: именно с нового времени, с петровских времен превышение нормы как отличное от окружающего, нерядовое, заметное-замечательное стало получать высокую положительную оценку.

В это время впервые в русской литературе человек начинает рассматри

ваться через призму его индивидуальных особенностей, его идеалов, и именно художественная литература (и в первую очередь поэзия) эпохи предромантизма и сентиментализма наиболее ярко отражает эту знаменательную перемену. Обращение к поэтическим темам требовало новой стилистики, новых языковых, в том числе лексических, средств, среди которых на одно из первых мест закономерно выдвинулись эмоционально-оценочные прилагательные. Интересно, что в русском литературном языке XVIII в. прилагательное прекрасный, образованное от красный в значении общей положительной оценки, соотносенную с превышением нормы, стало доминантой трех синонимических рядов.

Лексемы-прилагательные первого ряда выступают как средство оценки внешних качеств человека и объектов реальной действительности: прекрасный – прелестный, великолепный, красный, несравненный, изрядный, чудный, дивный, очаровательный. Лексемы второго ряда способны выражать положительные сущностные свойства человека и окружающих его явлений действительности: прекрасный – божественный, небесный, священный, великий, изящный, бесподобный, беспримерный, бесприкладный и др. Третий ряд составляют лексические средства обозначения положительной оценки одновременно внешних и внутренних свойств человека и объектов реальной действительности: прекрасный – красный, величественный, приятный, любезный, нежный; светлый, блистательный, блестящий и др. Семантические компоненты доминанты прекрасный ('очень красивый', 'прекрасный', 'удивительный', 'выделяющийся, отличающийся от себе подобных положительным качеством') определяют диапазон и направление развития семантики лексем, входящих в данную лексико-семантическую парадигму.

Как указывает Л.П. Дронова, «особенно интересен лексический ряд, называющий положительные сущностные свойства человека и окружающих его явлений действительности, в который вошли лексемы с негативизирующей префиксацией, например без- с привативным значением в бесподобный. Ранее, в древнерусском, подобный – это не только 'похожий, на кого-л., что-л.', 'такой же', 'равный по величине, размеру', но и 'подходящий, удобный, благоприятный' («...ожидающи милости от бога и подобная ветрила противу бури и волнам морским направляющи»), синоним к достойный («...подобна еси царствовати

в городесе с нами») [4. Вып. 16. С. 22–23]. Естественно полагать, что специальное лексическое выражение получает отсутствие или недостаток не любого, а лишь весьма значимого объекта или качества, поэтому производные с привативной семантикой образованы от имен, соотносящихся с атрибутами (и объектами), игравшими в древнерусской культуре и картине мира заметную роль. То есть положительно оценивалось соответствие образу, норме (то же самое видим в примерный, прикладный). [Дронова]. Выражение положительной оценки сущностных свойств человека через прилагательные бесподобный, беспримерный, бесприкладный показывает изменения, произошедшие в шкале ценностей наследников этнокультурной традиции восточных славян. Новое время пишет новый «сценарий» для общей (объективной и субъективной) оценки. А.Ф. Журавлев, рассматривая формирование славянского именника, отмечает по поводу способа моделирования аксиологии с помощью префикса привативной семантики: «Если в области ономастики ценностные установки, характерные для данной культуры, сознательно подчеркиваются носителем языка и имятворцем и таким образом находят выражение в актах саморефлексии культуры, т. е. являются своеобразным высказыванием культуры о самой себе, то в апеллятивном маркировании составляющих аксиологического круга при помощи языковых элементов с привативной семантикой мы сталкиваемся с нефокусированностью оценки, то есть скорее с бессознательной и нецеленаправленной группировкой, доступной восприятию лишь при метаязыковом заострении взгляда» [Журавлев 2005, с. 13].

Таким образом, исследование системы собственно аксиологических СВО русского литературного языка XVII в. дает возможность говорить о том, что формирование национального языка совпадает с интериоризированным в нем формированием оценочности как языковой универсалии. Мы наблюдаем в то же время становление межкатегориального взаимодействия «оценочность – норма», а также межуровневого изоморфизма оценочности как языковой категории. В то же время происходит переориентация системы СВО и «точек отсчета», т.е. оснований оценки в плане секуляризации как оценочных представлений, так и средств, рефлексивно отражающих их в языковой системе.

2.2. Особенности эволюции оценочной лексики в русском литературном языке XVIII в.

По сравнению с ситуацией, отмечаемой в XVII веке, русский язык XVIII века, на наш взгляд, отражает дальнейшую десакрализацию мышления русской языковой личности, что реализуется и в системе оценок. Рассмотрим этот процесс вначале на примере эволюции лексемы «Бог» и ее производных, в семантике которых выражена соотношенность с пейоративной либо мелиоративной зоной оценочной шкалы, а также с потенциально оценочная амбивалентность, так как применительно к

данному лексическому пласту справедливым является утверждение о том, что с различными валентностными партнерами эмотивность варьируется по типу оценочного знака [Шаховский 1984, с. 100].

Как указывает Л.А. Андреева, в языке XVIII в. использовались стереотипные, повторяющиеся формулы для выражения состояния. Языковые средства фиксировали в основном лишь видимые, внешние признаки состояния, отсутствовал динамизм, напряженность; передаваемые состояния были малоиндивидуализированы, описание состояния одного человека незначительно отличалось от описания состояния другого человека. Однако в целом семантическое поле в этот период обладало достаточной активностью, представлены все перечисленные виды состояний. Достаточно частотными были оценочные состояния. Оценке подвергался сам человек и все, что затрагивало его физическую, психическую и социальную сущность. Оценочное состояние фиксировало, с одной стороны, динамику социального успеха (в достатке, в благоденствии, в почтении, в великой славе, в милости, в великих чинах), а с другой - состояние социального упадка (в плачевном состоянии, в посмешище, в презрении, в крайней бедности и др.). При передаче эмоционального состояния наиболее частотными являлись конструкции, передающие отрицательные эмоции человека, и значительно меньше - положительные. Постепенно происходит архаизация и выбывание из языка старых средств. Так, вышли из употребления конструкции с предложным падежом (нахожусь в тошате и худобе, в жестокой параличной болезни, в неизобразимом нетерпении, в наихудшем состоянии, был в великом сердце, в печалах своих, в расстройке и др.) [Андреева 2008, с. 205].

Следует указать и на то, что обращения к Богу в данный период развития языковой системы многими лингвистами рассматриваются как составляющая эмотивного фонда языка [Калимуллина 2006, с. 72].

Словарь русского языка XVIII века, по сравнению со Словарем русского языка XI-XVII веков, фиксирует гораздо более разветвленную систему значений самой лексики; при этом она находится словно «за пределами» оцениваемого: видимо, языковая система фиксирует в данном случае табуированность самого оценочного восприятия понятия «бог», некую кощунственность самого оценочного подхода к сакральному, не подлежащему аксиологической рефлексии явлению. Здесь мы можем отметить такие толкования понятия, как «верховное существо, правящее миром, или одно из таких существ (в политеистических религиях)», приобретшее аксиологическую ориентацию позднее и нейтральное даже в XVI-XVII вв. значение «кумир, идол», а также фиксацию данного слова как компонента сочетаний, уже наделенных аксиологическими, в большинстве случаев - мелиоративными коннотациями, ср.: спаси бог (выражение благодарности) бог дал, бог (поймете, отведете, отьимете - о смерти). Лишь контекстуальное употребление фразеосочетания бог весть отражает потенциально возможное опасение с актуализацией иронии,

пессимизм, что соотносится с негативной частью оценочной шкалы: Бог весть, что нам есть (старинные сборники русских пословиц XVII - XIX столетий). Следует особо указать, что в Словаре русского языка XI-XVII веков это практически единственная достоверная квалификация, включающая данное понятие, причем синхронно выражающая значение недостоверности и негативную оценку ситуации.

Гораздо большая дифференциация значений (в числе которых наблюдается превалирование оценочных) имеет место в русском языке XVIII века, что зафиксировано в Словаре. В процессе анализа нам представилось необходимым дифференцировать появление негативных коннотаций в лексемах и фразеосочетаниях, выражающих как собственно аксиологическую оценку (хорошо/плохо), так и служащих модальной рамкой высказывания. Отметим прежде всего, что значительно расширен спектр достоверностных квалификаций, в составе которых фигурирует данная лексема; налицо также соотнесение их с отрицательным полюсом шкалы оценок.

На наш взгляд, более тонкая дифференциация оценочных оттенков (как в плане персуазивном, так и в плане собственно аксиологическом, например, от сочетаний с отрицательной оценкой, близкой к амбивалентной - до ярко негативных) также служит отражением процесса десакрализации языка и десакрализации мировосприятия: если в языке XVII в. понятие Бог манифестируется как нечто цельное, не подлежащее анализу, детализации, то уже в XVIII в. дифференцированное его восприятие, а иногда - и выражение с его помощью критического, вплоть до пейоративного, отношения к описываемому явлению, отражает «обмиршение» восприятия действительности. Понятие о Боге, отражаемое в языке, очеловечивается, будучи соотнесенным с антропоцентричной шкалой оценок, и то, что расценивалось как кощунство в языковом сознании «усредненной» русской языковой личности предшествующей эпохи, уже не имеет подобных коннотаций в русском языке XVIII в., и, следовательно, по-иному воспринимается носителями языка. Так, вполне отчетливо в языке XVIII в. проявляется синхронизация пейоративного и недостоверностного значений в рамках отмеченного выше фразеосочетания бог весть (что): 'о том, что вызывает досаду, неодобрение и т.п.' (см. Словарь русского языка XVIII в.): «Таковыя же ласкательства, угождения и Бог весть что употреблено было от просителей...» (Радишев. Жит. Фед. Вас. Ушакова), а также - употребление с более интенсивной негативной оценкой, базирующейся на семантике неизвестности, неопределенности - 'это неизвестно, следовательно, плохо': «Изрядное посольство! Поди: Бог знает куда! Отнеси: Бог знает кому!» (Сумароков. Дехостерности обретае в подобных природе значение неизвестности, недостоверности обретае в подобных случаях иронический оттенок, специфика которого, по словам О.П. Ермаковой, заключается в «языковой мистификации, преднамеренном несоответствии буквального и подразумеваемого смысла слов или

высказывания в целом для выражения насмешки, издевательства или шутки» [Ермакова 2002, с.30].

Возможность амбивалентного восприятия закрепляется в русском языке XVIII в. за такими производными, как богомолец, (богомол), богомолка. Безусловно, амбивалентное в данном случае не говорит о том, что негативно оценочный колорит становится главенствующим в коннотативном значении данного слова, но он уже присутствует здесь, ср.: «Наконец жене моей надлежало быть точно такой же богомолке, которая среди самой молитвы могла бы браниться ужаснейшим образом, чтобы научить меня молиться» (Московской журнал, 1791-1792). На наш взгляд, это закономерное продолжение процесса, начавшегося в языке пародийных текстов XVII в. («Служба кабаку», «Калязинская челобитная» и пр.), где уже наблюдается ироническое переосмысление церковной службы, молитвы, но ещё не затрагивается основа основ теоцентричного мирозерцания человека. И в источниках XVII в., и в более поздних (XVIII-XIX вв.) отмечается значительный пласт производных негативно оценочного характера; однако пейоративная оценка связана не с теоцентричной направленностью того или иного явления, фиксируемого в языке, а, напротив, с тем, что этой направленности противоречит: богоненавидимый, богоненавистный, богоотменник (богоотметник в значении 'еретик'), богоотреченный, богоборный, богоратный, богохульный и пр. Количество данных производных значительно; в данном случае оценка индуцируется отклонением от того, что принято за норму, за точку отсчета, вокруг которой группируются аксиологические представления, характерные для языка рассматриваемого периода: «Описал бы я ныне вам младаго Михаила... исторгающаго корень богоотступных хищников Росссийскаго престола...» (М.В. Ломоносов); «В том не буди послушен, есть ли станет тебя посылати на разбой... или на иное какое дело богопротивное» (Завещание отеческое И.Т. Посошкова). Однако полного соответствия и в объеме, и в характере фиксируемых словарями производных нет. Так, в Словаре русского языка XVIII века отмечено сравнительно новое образование – богонеистовствовать – проявлять религиозный фанатизм, богонеистовый – склонный к религиозному фанатизму, что также подтверждает положение об отражении процесса секуляризации в оценочной системе языка: «Однако многие суть и в Христианстве столько богонеистовые, которые нас клятвенно и ныне уверяют, что они...действительно видели Ад и Рай» (Рассуждение из натуральной богословии о начале и происшествии натурального богочитания, которое предлагает Дмитрий Аничков 1769 г.) Количественное превышение нормы, отмеченное в данном случае и генерирующее отрицательную оценку, позволяет говорить о том, что негативное значение базируется на инверсии оценки. Этот и подобные ему случаи позволяют говорить о том, что в русском языке XVIII в. происходит дальнейшее, и весьма интенсивное, развитие иронии как аксиологически ориентированного явления в сфере языка, и, в частности,

того ее типа, который связан с высокой степенью признака и «мало реагирует на умеренность оценки, характеристики» [Ермакова, 2002, с. 33]. Даже в литературном языке XVII в., не говоря уже о более ранних этапах развития, подобное употребление слов, восходящих к сакральному концепту, практически не фиксируется.

Таким образом, наблюдения над избранным нами материалом позволяют говорить об активной десакрализации всего, что связано с Богом, религией, в аксиологической системе русского языка XVIII в. Процесс этот находит отражение и в сфере собственно аксиологической (появление амбивалентных и пейоративных оценочных значений (появление амбивалентных и пейоративных оценочных значений у слов, относящихся к данному лексическому пласту), так и в сфере достоверностных квалификаций (с помощью сакральной лексики – о маловероятном, неизвестном и потому неприятном). Диахронический подход к системе оценочных представлений, фиксируемых в языке, дает возможность воссоздать эволюцию концептуальных представлений русской языковой личности данного периода.

Как противоположный полюс, на котором сосредоточены пейоративные оценки, следует рассматривать в составе фонда аксиологически ориентированных значений те из них, которые соотносятся с понятиями «ад», «дьявол», «демон» и пр. В этой категории оценочных средств, также соотносимых со сферой религии, церкви, богослужения, но уже с позиции антиидеала, проецирующегося на негативную часть оценочной шкалы, также весьма явно отражаются процессы секуляризации мышления. Так, если Словарь русского языка XI-XVII вв. фиксирует лишь такие значения лексемы ад, как собственно ад: «... так и то наша бедность: аще не господь помогал бы, в мале вселился во ад душа моя» (Ав.Ж.,191. 1673г.), а также символ смерти, тления («...святец рече: вде наречется тление; всех бо человек телеса, во гробех полагаема, невидима и темна и согнила суца, нарицаются ад» (ВМЧ), то в языке XVIII в. фиксируется ряд значений, которые выходят за сугубо конфессиональные рамки и могут считаться сигналами переориентации аксиологических представлений. Так, по нашему мнению, наименее отчетливо негативная оценка проявляется в значении о подземном царстве мертвых древних греков и римлян: «...любовь, которая побудила Орфея сойти в ад для Евридики» (Пельск. Кум. 11 228). Это лишь констатирующая сема «подземный», сама по себе никакой оценки не несущая, сема «мертвый» в противовес «живому». Обратим внимание также на то, что в языке, а также в мировосприятии языковой личности рассматриваемого здесь периода сама мифологема, в отличие от предшествующего периода, уже не сопровождалась отрицательно оценочным понятием греховности. Более того, понятие ад, если так можно выразиться, дехристианизировано, соотносено не только (а в ряде случаев – и не столько) с системой аксиологических представлений, диктуемых нормами христианской религии, сколько с античной мифологией и ее персонажами. Они, безусловно, также соотносятся с пейоративной частью шкалы оценок, но

соотношение это принципиально иное, ср.: Султан ярится! Ада дщери В нем Фурии раздули гнев (ЕС 1755 104). По оценочным представлениям предшествующей эпохи развития языка, сам символ гнева, ненависти, ярости – Фурия – дважды сопряжен с негативным полюсом шкалы оценок: как понятие, чуждое христианским представлениям о мире и уже в силу этого греховное, и в исходном своем значении, приведенном выше.

В рамках христианской картины мира ад один. Тем не менее в поэзии XVIII в. уже допустимо плюралистическое употребление слова, свидетельствующее об отходе от сугубо церковного его восприятия в сторону поэтической гиперболизации, которая предполагает опору не столько на аксиологическую сторону понятия, сколько на изобразительные возможности символа: ... зрю, близь меня зияют ады. Над мной шумящи водопады (Држ, Соч. 11.101). В данном случае ад – лишь опозитизированное обозначение бездны, пропасти, а негативно оценочная сема находится на периферии.

Негативно оценочное значение место мучений, бед, тревог, мучения телесные и душевные, также можно считать закрепившимся за данным СВО в литературном языке XVIII в. В данном случае с религией и традиционно воспринимаемой семантикой слова сохраняются лишь в плоскости аксиологической (ад – место мучений, но не обязательно такое, каким ему предписывают быть верования; это любая мука), ср.: Ужасный в сердце ад, любовь меня терзает (Рдщв СС 1, 190); Бывают иногда, по участи злой, жоны, Жесточе Тизифоны; Сей яд, Есть ад, страданье без отрад (Сумароков. Притчи).

Если в языке XVII отрицательно оценочная квалификация адский была лишь производным от ад: «...аще бы ... не Христое выташил, в крепкой твердыни адикой был посажен...» (Ав. Кн. толк. 552), то в литературном языке XVIII она подвергается целому ряду расширительных толкований:

- Такой, как в аду, как из ада; злобный, коварный: «Нашол здесь помещика дурака безчотнова, а жену презлую фурию, которой адской нрав делает нещастье целова их дома» (Фнв. Недор).

- Доставляющий мучения, мучительный, мучительский: «Чорт бы взял и чин и честь, в них же живот адский» (Кнт Сат. V 126).

- Огромной силы, величины, страшный, ужасный. «Адский вопль чрез фигуру поэзии: Гиперболе; разумеется, превеликой вопль» (Бул., 11). «Губернатор ... произвел адской огонь на осаждающих» (ПДЖ 1793 111 43).

Обратим внимание и на то, что, наряду с негативно оценочным значением, данное СВО приобретает значение количественной оценки. Гиперболизированное значение, приобретенное в процессе исторического развития семантики СВО, позволяет сопрягать его с общеоценочными операторами безотносительно к этическим оценкам из сферы религии и церкви, что также является показателем обмирщения оценочного фонда

лексики русского языка и соответствующей трансформации самих аксиологических ориентаций его носителей.

К сфере ярко выраженных негативных оценок, как уже говорилось выше, относится в системе аксиологических представлений такое понятие, как грех. Нами отмечена аксиологическая трансформация данного понятия, наметившаяся уже в русском литературном языке XVII в. В литературном языке XVIII в. этот процесс нашел закономерное продолжение. Так, зафиксированный в языке этого периода диминутив грешок (ранее не фиксируется) является ярким свидетельством того, насколько сильно проявляются тенденции секуляризации в сфере оценочной лексики: во-первых, сема малости («малому свойственно быть милым») снижает интенсивность негативной оценки, заложенной в семантике слова; во-вторых, трансформируется и функционально-стилистическая принадлежность слова: будучи в исходной форме принадлежностью книжного стиля речи, оно приобретает иную стилистическую маркированность, тяготеет к просторечию, что также служит снижению значимости этого понятия в системе аксиологических представлений (ср – наказание за грехи или грешки). «За то в один день трижды исповьдалась Знать что у нее многонько грешков-то скопилось. (Хамкин) Из твоих слов я понимаю, что этот красавец Замотайлова десятка; не так ли? (Ядова): Хе, хе, хе! Есть тот грешок, государь мой» (Жив., 190). Еще большую степень аксиологической трансформации понятия наблюдаем в уничижительном грешки: актуализация данной семы (уничижительность) в восприятии усредненной языковой личности предыдущей эпохи выглядела бы просто кощунственной, т.к. традиционно грех толковался как нарушение религиозно-нравственных предписаний, что несовместимо с иронией, насмешкой, актуализируемой при помощи этой семы. Ср.: «Хоть грешкишки кой какия попадались, но их в строку не возможно было ставить» (РДЩВ. СС, 1, 26).

Интересно, что в количественном отношении СВО грех становится несколько менее продуктивным (система производных, по данным Словаре русского языка XVIII в., менее разветвленная, чем в Словаре русского языка XI-XVII и насчитывает 19 словообразовательных и семантических производных); в плане же аксиологическом расширительное толкование, по-прежнему соотносимое с негативным полюсом шкалы оценок, в то же время обуславливает гораздо большую вариативность степени проявления негативной оценки и ее прагматической нагруженности. Так, в русском языке XVII в. не зафиксировано СВО греховодник (человек, грешащий сам или соблазняющий других на грех), что дает нам право считать его фактом лексической системы русского языка последующей эпохи, начиная с XVIII в. Функционально-стилистическая квалификация данного СВО также негативна: оно соотносится со сферой просторечия. Ср.: «Я и к нему было толкнулась, да насили унесла ноги... Задушил проклятой табачищем. Такой греховодник!» (Фнв. Недоросль). «Искусил ты меня греховодник! Придут с подарками! Ето хоть кого прельстит» (Суд. Имян. 27).

Во многом сходная трансформация имеет место и в СВО грешить: в его семантической структуре актуализируются семы подозревать, обвинять: «Начто вам, граф, грешить на других? А я вам говорю в глаза, что вы в таком болоте безотчетностию вашей, из какого вам вовек не выдраться» (Држ, У1 721).

Однако нельзя говорить о том, что секуляризация оценочной системы русского языка в XVIII в. является полной, охватившей все лексические пласты. Так, именно этот период характеризуется входением в активное употребление лексемы атеист и производных атеистство, афеистовство, атеистичество, атеистический (в Словаре русского языка XI – XVII вв. не зафиксировано, в текстах употребляется крайне редко, приоритет отдается исконно русским негативно оценочным безбожник, безбожие, которые не являются полными эквивалентами рассматриваемых СВО); но, несмотря на большую широту взглядов, влекущую за собой и соответствующую форму оценочных суждений, в данном случае наблюдается либо подчеркнуто безоценочное, рационально-бесстрастное употребление лексемы, либо достаточно высокая степень негативной оценки, закрепленной за данным СВО: «И самые атеисты... советуют, да бы в народе Бог проповедан был» (Ф. Прокопович. Слово о власти и чести царской); «Самое естество собою доказывающее бытие Творца своего, никого до атеизма не допустит» (Ф. Эмин. Адская почта); «Спиноза был глубокомысленной Философ и ревностной почитатель Божества, от пантеизма и атеизма равно удаленной» (Н.М. Карамзин. Письма русского путешественника). Близких к нейтральному употреблению данного СВО в исследованном нами корпусе текстов отмечено всего 12; гораздо больше в количественном отношении негативно оценочных употреблений (нами выявлено 57), в частности, в труде А. Кантемира «Книга систима или состояние мухаммеданския религии» находим «<Атеизм>Роды идолопоклонничества и Атеизма (безбожия); ср. также Атеисты смеют утверждать, что как глаза, так и весь мир суть дело слепаго случая. Эйлер, Письма о разных физических или философических материях...); же близнецу своему зла желает, и творит... истинный вещью самою и прямой есть атеиста» (Гавриил Бужинский. Слово на память св. первованного апостола Андрея). В текстах XVIII в. часты сочетания данного СВО с эпитетами, также несущими негативную оценку, что можно расценивать как случаи эмотивного согласования: «Премерзкой суевер шлет ближневая во ад, И сеет на нево во всех беседах яд. Премерзкой атеист создателя не знает...» (Сумароков. Сатиры). В XVIII в. заложены основы и для расширительного негативно оценочного толкования данной лексемы (атеист – человек, не признающий ничего святого): «Ты сущий атеист, смеешься ты всему и нет тебе святова...» (Я.Б. Княжнин. Хвастун), что свидетельствует о том, что секуляризация сознания языковой личности в указанный период не является завершившимся процессом.

Таким образом, в литературном языке «безумного и мудрого» XVIII столетия шел поступательный процесс эволюции системы средств

выражения оценки; приведенные в данном разделе примеры дают возможность проследить, что два процесса – систематизация стилей и становление системы СВО – носили однонаправленный характер. Кроме того, на основании проанализированного нами материала становится возможным утверждать, что произошел процесс оценочной переориентации, и в системе лексикона, тезауруса и прагматикона языковой личности отразилась секуляризация картины мира в целом, повлекшая за собой языковое отражение данного процесса. Помимо этого, нами выявлено расширение оценочного потенциала ряда СВО, а также отражение амбивалентности как системного явления, присущего оценочности. Количественно увеличивается и качественно трансформируется и сам инвентарь средств выражения оценки (в т.ч. и за счет мифологем), что находит закономерное отражение в усилении их экспрессивного потенциала.

2.3. Ненормативность, амбивалентность и способность к инверсии – характерные черты оценки в русском литературном языке XIX в.

Антропоцентричный анализ эволюции средств выражения оценки предполагает рассмотрение закрепленных за ними оценочных смыслов в динамике применительно к аксиологическим ориентациям носителей языка.

Аксиологические представления языковой личности в XIX в. достаточно отчетливо отражены в словаре «Русская мысль и речь» М.И. Михельсона, имеющем подзаголовок «Сборник образных слов и иносказаний». Этот словарь важен не только как лексикографический источник, но и как способ отражения оценочной картины мира, а также как результат рефлексии и своего рода «вторичной» оценки слова либо фразеосочетания как факта речи с позиций соответствия/несоответствия норме. В данном случае имеет смысл говорить о понятии «норма» не только в плане истолкования ее как «совокупности наиболее устойчивых традиционных реализаций языковой системы, отобранных и закрепленных в процессе коммуникации» (ЛЭС), но и о понимании нормы как положения дел (вещей, событий, явлений), принятого в данном социуме за своеобразную «точку отсчета». О такой кристаллизации нормативно-оценочных представлений можно говорить в том случае, когда мы имеем дело с относительно стабилизированным набором оценочных стереотипов и средств их выражения, что характерно для русского литературного языка XIX в. Конечно, говорить о стабильности языковой картины мира в полном смысле этого слова нельзя, так как это явление динамичное, детерминируемое рядом экстралингвистических факторов; но стабильное и четкое соответствие семантики и формы выражения, фиксируемое в сознании носителя языка, характерно для русского языка с начала XIX в.

При рассмотрении фонда оценочной лексики и ее эволюции в русском литературном языке XIX в. нам представлялось целесообразным опираться на типологию частнооценочных значений в зависимости от характера основания оценки, предложенную Н.Д.Арутюновой, в рамках которой оценки разделяются на сенсорно-вкусовые или гедонистические; психологические (интеллектуальные и эмоциональные); эстетические; этические; утилитарные; нормативные и телеологические. Этические и эстетические оценки образуют группу сублимированных оценок (от лат. *sublimare* – возносить, поднимать вверх). Они «возвышаются над сенсорными оценками, «гуманизируют» их» [Писанова 1997], поэтому их также называют гуманизированными оценками. «Оценки с большей степенью сублимированности (представленной по возрастающей в данной классификации), апеллируют к рациональным и гуманистическим стандартам в человеке, создавая, таким образом, действенное средство воздействия, заставляя людей соглашаться со справедливыми и положительными чертами описываемых автором речевого произведения объектов.» Говоря об аксиологически ориентированных значениях, необходимо упомянуть тот факт, что кроме слов, несущих в себе прямые оценочные значения, существуют описательные лексические единицы, в языковой системе не сопряженные с оценочной шкалой, т.к. в их семантической структуре, отраженной в языке, не содержится оценочности. В то же время в ходе их конкретно-речевой реализации они могут «наполняться» оценочным значением в зависимости от контекста, что ведет к их превращению в прагматические единицы, в частности, «обладающие аргументативным значением», реобладание того или иного вида оснований оценок в системе аксиологических ориентаций языковой личности может, на наш взгляд, служить одной из ее важных характеристик и, в целом, помогает определить систему ее приоритетов и специфику их актуализации в речи. Как подтверждает анализ конкретного материала, большая часть выявленных нами в литературном языке XIX в. СВО соотносится с психологическими и этическими оценками, далее по широте распространения следуют эстетические и нормативные оценки (последние, заметим, отнюдь не всегда возможно идентифицировать в отрыве от эстетических, психологических, этических).

Если рассматривать процесс эволюции аксиологической системы языка, сопоставляя ряд «срезов» (фонд оценочной лексики в XVII, XVIII и, наконец, XIX в.), можно утверждать, что наиболее часто встречаются следующие виды проявления оценочности:

1. Языковая единица сохраняет закрепившийся за ней оценочный знак на протяжении всех указанных периодов;
 2. Знак оценки, присущий языковой единице, трансформируется вплоть до замены на противоположный;
 3. Языковая единица обретает потенциальную амбивалентность.
- Приводимые ниже случаи подтверждают справедливость данного утверждения.

Нормативное употребление (в это понятие в качестве одного из компонентов следует, по нашему мнению, включать и нулевую оценку, т.е. отсутствие в семантике слова аксиологической маркированности) имплицитно содержит в себе виртуально существующие оценочные смыслы, которые могут индуцировать отклонение от нормы в сторону положительного либо отрицательного полюса шкалы оценок.

Так, отчетливо выявляется ориентация на пейоративное оценивание несоответствия фиксированным языковой картине мира представлениям, и - уже - превышения нормы, ср.: «Психопат - человек, ненормальный в своих действиях, как бы душевно больной, хотя и не сумасшедший» (нами полностью приведена дефиниция Михельсона). «На меня пахло чем-то ненормальным. В первый раз я готова была увидеть в нем чуть не психопата» (П.Боборыкин. С убийцей). «Эксцентричный - выходящий из разумной середины (нечто крайне странное, чудаковатое)». Как указывает Е.М.Вольф, «Другой модальностью (наряду с модальностью оценки - Л.М.) где картина мира входит в модальную рамку, является модальность, которую можно условно назвать «модальностью странности» и которая непосредственно указывает на отношение к норме и стереотипам с точки зрения модального субъекта. Эта модальность имеет два значения - совпадение с нормативным положением вещей и отклонение от него, причем маркированным является отрицательное значение - отклонение от норм и стереотипов» [Вольф 1985, 179]. Пристало, как корове седло («Вот выкинет штуку, когда в самом деле делается генералом! Вот уж кому пристало генеральство как корове седло!») (Н.В.Гоголь. Ревизор). Достаточно часто негативная оценка порождена несоответствием субъекта действия (речи) характеру этого действия (речи): «Неумытые руки - лица недостойные, неподходящие (выделено нами - Л.М.,) неподготовленные к делу»; «Не умыв рук, за стол не садятся»; «Нам, говорит, нужны чистые руки» (Н.С.Лесков. Кольванский муж). В ряде случаев сема «чрезмерность» индуцирует пейоративно оценочный смысл лексической (фразеологической) единицы: «Телячьи нежности» - чрезмерно нежное выражение ласки. «Маму свою он очень любил, а не любил только «телячьих нежностей», как выражался он на своем школьническом языке». (Ф.М.Достоевский. Братья Карамазовы). Основа негативной оценки - «то, что не соответствует (не подобает) человеку». К числу отрицательных оценок, порожденных понятием несоответствия нормативным представлениям, следует отнести и языковые единицы, в семантике которых заложено понятие «ненужность» (по классификации Н.Д. Арутюновой, их следует соотнести и с утилитарными квалификациями) (ср. Нужно, как петровкам varejki, [Нужно], как прошлогодний снег: «Бревно! пень! Школой он так же интересуется, как я прошлогодним снегом!») (А.П.Чехов. Кошмар). Негативная оценка может быть индуцирована также наличием семы «чужой» (в т.ч. относящийся к иному социальному кругу, иной национальной культуре и пр.): «Знать, любить не рука мужику-вахлаку да дворянскую

дочь...» (Н.А.Некрасов. Огородник) - негативная оценка личности на основании принадлежности к иному социальному слою; «Ферфлюхтер - бранное обозначение немца: «И все ферфлюхтеры, все немцы мешают, сказал Ломоносов...» (П.Данилевский. Мирович) - основанием для соотнесения СВО с пейоративной частью шкалы оценок служит принадлежность объекта оценки к иной национальной культуре. «Пошел он в пусурманы?» (А.С.Грибоедов. Горе от ума) - негативно оценивается иная конфессиональная принадлежность. На этом последнем случае, по нашему мнению, следует особо остановиться. Как указывает В.В.Колесов, «... ко всему чужому и чуждому русский человек относится терпимо и даже способствует развитию этого чужого, но до известных границ: если оно не есть чуждая вера...» [Колесов 1991, с. 120]. Отсюда и довольно типичная, сформировавшаяся окончательно в литературном языке XIX в. тенденция восприятия иноконфессиональных явлений, символов веры и т.п. в качестве негативно оценочных СВО и трансформация их в инвективы, полностью утратившие понятийную сторону и аккумулировавшие только закрепленную за ними эмотивность. Базой для этого, безусловно, послужила многовековая закрепленность отрицательно оценочных смыслов за данными единицами лексической системы, что и послужило отправным пунктом для их эволюции. Ср.: «Вижу, что конца не будет моим мучениям! Поддай со стула мое платье, махамет!» (А.П.Чехов. Невидимые миру слезы). Безусловно, трансформация в инвективу имени мусульманского пророка Мухаммеда является лишь результатом негативной оценки его принадлежности к символам иного вероисповедания. Ср. также приводимую М.И.Михельсоном инвективу Христа распял, сопровождаемую следующими пометами и дефиницией: «бранн. народн. - обращение к евреям».

Напротив, ряд квазистереотипов (как уже отмечалось выше, в их разряд нами включаются не только единицы ономастического инвентаря, но и любые символы, за которыми закреплены устойчивые оценочные ассоциации, оказывающие влияние на национальное мировосприятие и являющиеся органичной частью системы СВО) носит своеобразный межкультурный характер. Ср.: «Какая я тебе матушка, пигмей ты этакой! Как смеешь ты давать такое название благородной даме, которой место в высшем обществе, а не подле такого осла, как ты!» (Ф.М.Достоевский. Дядюшкин сон). Формированию квазистереотипа способствовал перенос негативной оценки физических качеств мифологических пигмеев (см. «Илиаду» Гомера, которую в данном случае можно рассматривать как первоисточник) в область духовно-нравственную (сема «низкий», «небольшой», актуализируясь применительно к духовной стороне характеризуемой личности, индуцирует негативную оценку достаточно высокой интенсивности). Как справедливо указывает А.А.Ивин, «...в выводы, ведущие к этическим заключениям, вовлечено не дескриптивное значение нормативных утверждений, а их эмотивное значение. Последнее может быть объектом только прагматического обсуждения,

но не семантического» [Ивин 1973, с. 9]. Во многом сходная ситуация наблюдается в том случае, когда мы имеем дело с аксиологическими ассоциациями, в основе которых лежит эстетическая оценка денотата: «паук - кровопийца, человек беспощадный, извлекающий выгоды из трудов другого». Ср.: «Наработался, значит... Пососал ты из меня крови, высосал и вон меня... Ах ты ... паук!» (М.Горький. Коновалов). Такие квазистереотипы можно отнести не к национально своеобразным, а, напротив, к «межкультурным», которые не только не являются помехами в процессе декодирования текста представителем иной лингвокультурной общности, но, напротив, служат своеобразными «мостиками», «защепками» и помогают адекватно воспринять оценочный план текста. Ср. также «Пантера - злая, свирепая женщина» (Русская мысль и речь).

Несколько иная картина наблюдается в тех случаях, когда как «чужеродные» воспринимаются явления, в той или иной мере неподвластные говорящему субъекту. По нашему мнению, степень негативной оценки здесь существенно ниже, чем в предшествующих случаях: «Страсти, как вы знаете, не свой брат, рассудительность говорит одно, - страсти чаще всего глухи, рвут и мечут зря в свою сторону!» (Д.В.Григорович. Не по хорошу мил, по милу хорош) - негативная оценка явления, неподвластного разуму, и, следовательно, отчасти «кинородного» для него.

Асимметрия в распределении пейоративных и мелиоративных оценок не является характерной чертой, присущей лишь системе СВО русского литературного языка XIX в. (это явление прослеживалось нами и применительно к более ранним периодам развития системы СВО). В то же время следует отметить значительное количество потенциально амбивалентных средств выражения оценки, ср.: «Я требую малаго, очень малаго... только немножко мне нужно участия, только, чтобы не отталкивали меня, душу дали бы отвести...»(+)(И.С.Тургенев. Дым). Выделенное фразеосочетание тяготеет к положительному полюсу шкалы оценок - «дать выход накопившимся чувствам, излить душу», но с другой стороны, может приобретать и негативный характер: «Ну, отвела я тогда душу над ней, исколотила ее...»(-)(Ф.М.Достоевский. Униженные и оскорбленные). Довольно часто инвертированный знак оценки является источником экспрессивности операторов общей оценки, несущих оценочную функцию, но не имеющих закрепленного в системе языка экспрессивного потенциала, ср.: «Хорош, нечего сказать, хорош мальчик! Отец на одре лежит, а он забавляется, квартального на медведя верхом сажает...» (Л.Н.Толстой. Война и мир); «Хорошо же вы отчет переписываете!» (А.П.Чехов. Винт). Именно в источниках XIX в. нами выявлено значительное количество случаев инверсии знака данных рационально оценочных лексем, обусловленной контекстуальным употреблением. Как отмечает Е.М.Вольф, высказывания, в которых имеются номинации с инвертированным знаком оценки, «являются специфическим видом экспрессивов. Выступая в предикативной функции,

они обозначают, как правило, отрицательную оценку, в то время как в буквальном значении имеют положительный смысл» [Вольф 1985, с. 2].

Контекстуальная инверсия оценочного знака в иных СВО рационально оценочного характера также способствует формированию их экспрессивных возможностей: «Квасной патриотизм “- чрезмерная (т.е. превышающая нормативные представления, “что плохо” - Л.М.) любовь ко всему родному, “хоть и худому” (М.И.Михельсон). «Белинский б о л е л (разрядка моя - Л.М. - снова подчеркивание “странности”, отклонения от нормы как базы для возникновения пейоративно оцениваемого явления) квасным патриотизмом недолго» (И.С.Тургенев. Заметки). Вполне естественным и закономерным следствием “странности” данного явления в восприятии самих продуцентов является актуализация оценочных смыслов, наделенных еще большей интенсивностью - это аксиологические коннотации “фальшь”, “показной характер”:
«Патриот иной у нас/ Закричит ”дю квас, дю квас,/ Дю рассольник огуречный!”/ Пьет и морщится, сердечный -/Кисло, солоно, мове,/ Ме се Рюс - э ву саве -/ Надобно любить родное, /Дескать, даже и такое,/ Что ни стоит ни гроша...» (И. Мятлев. Сенсация госпожи Курдюковой).

Обратим внимание и на то, что и ирония, и сопряженная с ней негативная оценка явления интенсифицированы путем столкновения “своего” и “чужого”(и при этом оформление “чужого” содержания - грамматики и семантики - при помощи “своей” формы - графики - также служит показателем диссонанса, в основе которого лежит ненормативность использования языковых единиц).

Заметим, что инверсия оценочного знака в СВО с эмотивной оценкой способствует интенсификации их экспрессивного потенциала.

Так, оценочный колорит лексемы помпа - “великолепие, пышность” в результате актуализации семы “чрезмерность” инвертируется: «Граф... прислал известить бабушку, что он пожалуется к ней... вместе с губернатором, который его ей отрекомендует. Бабушке не понравилась эта помпа» (Н.С.Лесков. Захудалый род). Обратная инверсия также имеет место, в т.ч. и тогда, когда невысокая степень положительной оценки может быть порождена «отрицанием отрицания», т.е. отрицанием пейоративного смысла СВО: «Что за красотка “Боржия!”.../Менялся весь в лице,/И даже (не топор же я!)/Заплакал при конце...» (Н.А. Некрасов. Говорун).

Инвертироваться может и заложенная в инвективах пейоративная оценка, порождая в свою очередь оценку двоякую:

- мелиоративную оценку того или иного объекта (с высокой степенью экспрессивности, вообще характерной для инвектив и усилившейся благодаря инверсии);

- пейоративную оценку реципиентом самого субъекта оценочного высказывания как языковой личности, и, в частности, его лексикона.

(ср.: «Славный! Сибирский, знать, подлец! Породистый, шельма...» (Речь идет о коте - Л.М.) (А.П. Чехов. Забыл!); «Ты разлапушка, расканальюшка моя!» (Русская мысль и речь).

Превышение нормы, того, что соответствует представлениям субъекта оценки, служит базой оценочной инверсии и применительно к такому специфическому пласту СВО, как оценки речи, ср.: “приторная речь” (в словаре «Русская мысль и речь» определено как “через край прилаженный, слащавый”). По нашему мнению, основа такого своеобразного синтеза высшей степени пейоративной и мелиоративной оценок возможна лишь при рефлексии достаточно высокого уровня - рефлексии над лингвopsихологическими особенностями выражения и восприятия оценки. Как свидетельство такой рефлексии над оценочными средствами инвентаря языка и их соответствия нормативным представлениям субъекта оценки как языковой личности можно рассматривать изречение П.А.Вяземского «Не в меру похвала опасней брани едкой» (П.А.Вяземский. Жрец и Кумир).

Как потенциально амбивалентные проявляют себя в литературном языке XIX в. такие лексемы и фразеосочетания, оценочный знак которых индуцирован преимущественно контекстуальным употреблением (т.е. такие СВО, которые первоначально были безразличны к оценочной шкале): «Не тот коленкор» (“не то”, “нечто, не соответствующее норме и чаще всего - не достигающее ее”); «Вот уже девушка! Можно сказать - чудо каленкор!» (Н.В.Гоголь. Мертвые души). Ср. также идол - “1. Некто (нечто), страстно и безрассудно любимый(ое); 2. Бранное употребление в качестве синонима к “болван”, “истукан”): «Комфорт... он один наш идол, и в жертву ему приносится все дорогое...» (А.Ф.Писемский. Тысяча душ); «Глаза бы мои на тебя не глядели, идол!» (А.П.Чехов. Невидимые миру слезы). В последнем случае эмотив полностью утратил предметно-логическое содержание и трансформировался в обращение, носящее инвективный характер; “елей” (и производные - елейный, елейность): «Он был в каком-то елейном и добром расположении духа» (А.Ф.Писемский. В водовороте) - отчетливо эксплицируется мелиоративная оценка. «А кто же, однако, такая, ваш идеал? - “мать Самуила”. - Вон кто! родители мои, что за елейность! (синоним к “ханжество - Л.М.) За что бы это она в такой фавор попала?» (Н.С. Лесков. Островитяне). «...плоха, говорю, Евпраксеюшка - того гляди помрет! - грубо настаивала Улитушка. На сей раз Иудушка обернулся, но лицо у него было такое спокойное, елейное, как будто он только что, в созерцании божества, отложил всякое житейское попечение и даже не понимает, по какому случаю могут тревожить его». (М.Е.Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы).

Широкий контекст дан нами для того, чтобы отчетливо проследить актуализацию оценочного смысла “лицемерие”, а также характерную для данного СВО соотносительность с отправлением религиозного культа (что в данном случае служит отсылкой к основанию оценки, с одной стороны, и базой для ее инверсии - с другой). Инверсии оценочного знака способствует и предшествующий контекст (диссонанс реакции с характером ситуации и с оценкой речи - “грубость”/“елейность” - порождает у реципиента в результате негативную оценку противоположных явлений). Ср. также

употребление данного лексического СВО в качестве оценки речи: «- Больно? - спросил он, сообщая своему голосу ту степень елейности, какая только была в его средствах» (там же). Здесь, по нашему мнению, налицо превышение нормативных представлений о “хорошем”, мелиоративно оцениваемом (в т.ч. и в плане характеристики чужой речи), следствием чего и является соотношение СВО с пейоративной частью шкалы оценок.

Как своеобразный итог секуляризации сознания и, следовательно, языка отметим регистрацию амбивалентно оценочного потенциала единиц лексико-фразеологической системы, связанных с церковью и - шире - религиозным культом (приведенные случаи с лексемами “идол”, “кумир”, “елейный” и пр., конфессиональный характер которых в XIX в. еще отчетливо ощущается). Как свидетельство снижения сакрального колорита и - следовательно - обретения возможности выражать как положительную, так и отрицательную оценку отметим появление в XIX в. (зафиксировано нами еще в первой его четверти) достаточно широко распространенного в художественном тексте фразеосочетания притянуть (потянуть) к Иисусу (т.е. отдать на расправу, отправить на суд): «По духу времени и вкусу/Я ненавижу слово: раб, -/ Меня и взяли в главный штаб./ И потянули к Иисусу» (А.С.Грибоедов. Экспромт); «А! писатель! - я его ищу, а он вот где! Что, батюшка! К Иисусу притянули? трясутся поджилки-то? ха-ха!» (М.Е.Салтыков-Щедрин. В среде умеренности. Господа Молчалины).

Расширительному толкованию и связанной с ним метафоризации подверглась также лексема апостол: как указывалось выше, в языке XVII и XVIII вв. она имела сугубо конфессиональный характер и в силу особенностей семантики наделялась лишь мелиоративным значением: апостол – ученик Христа, посланный им проповедовать Евангелие: «Пресвитеру подобает быть подобно апостолу христовым, чтоб они ни о здравии своем, ни о богатстве, ни о пище своей тако не пеклись, како о спасении душ человеческих» (Псх КСБ 107). Приведенный нами текстовый фрагмент свидетельствует о высоком мелиоративно оценочном потенциале данной лексической единицы, о тесной связи ее с понятием «идеал», что само по себе проецирует ее на позитивную часть шкалы оценок. Однако в XIX в. произошло ее своеобразное обмирщение (как следствие расширения значения): апостол стал восприниматься как приверженец, апологет, убежденный пропагандист чего-либо: М.И. Михельсон указывает, что это иносказательный способ выражения значения “распространитель новой (по месту или времени) идеи” (намек на Св. Апостолов, проповедовавших учение Божие). «Данилевского... в Австрии зовут апостолом славянства (К. Бестужев-Рюмин)»; «Неутомимы бойцы мысли и дела, апостолы независимости и нового общественного порядка... они-то нам протягивают ... дружескую руку» (А.И. Герцен). Следовательно, позитивно оценочная сема превалирует на данный момент развития в семантике данной единицы. То же можно сказать и о производных: «Наукой и искусствами, очевидно, ничего не поделаешь...

Тут единственный выход – это апостольство» (А.П. Чехов) (ситуативно речь идет о горячей пропаганде, о спасении падших – Л.М.) Однако, если рассмотреть ее в исторической перспективе, уже в языке XIX – начала XX в. наблюдается актуализация потенциальной амбивалентности, инверсия оценки: «Сомова встретила студента задорным восклицанием: Ох, апостол правды и добра, какой вы смешной!» (М. Горький. Жизнь Клима Самгина). Важно отметить, что именно торжественный, книжный характер данного СВО послужил основой для трансформации знака оценки: превышение нормы в плане функционально-стилистическим на фоне общей тенденции секуляризации церковной лексики послужило причиной актуализации иронии. Другой предпосылкой послужила уже отмеченная выше метафоризация, т.к., как указывает О.П. Ермакова, «иронически могут употребляться разнообразные языковые и индивидуальные метафоры. Ср. газель (о толстой неуклюжей женщине), лев, сокол (о трусливом человеке)... ирония предпочитает иметь дело с высокой степенью признака, оценки, характеристики: она присутствует в преувеличении мнимой похвалы... и мало реагирует на умеренность оценки...» [Ермакова 2002, с. 31].

В сфере негативно оценочной лексики оценочная трансформация и переосмысление СВО выглядят несколько иначе. Так, совершенно иная ситуация наблюдается при рассмотрении эволюции оценочных смыслов, заложенных в сугубо конфессиональной лексеме анафема. Выше уже указывалось, что в языке XVII в. с ней соотносятся лишь значения отлучение от церкви, проклятие, а также человек, отлученный от церкви:

«Еже есть проклят, осужден и отлучен, паки глаголется анафема» (Чел. Авр., 1670), либо «А буде сие письмо лживо написати повеле, и я буду анафема в сем веце и в будущем...» (Х. Вас. Гаг, 1667). В русском литературном языке XVIII в. еще сохраняется узко конфессиональная направленность данного негативно оценочного средства, ср.: «Церковное проклятие, которым еретики отлучаются от церкви: Анафемою бо отсекается человек от мысленного тела Христова» (ДР18). Словарь русского языка XVIII в. дает также значения проклятый, завет, заклятие, которые, однако, также не выходят за рамки церковной лексики и соответствующей оценочной картины мира. В плане функционально-стилистическом мы видим здесь диссонанс с планом аксиологическим: принадлежность к церковной лексике, стилистическая отмеченность (соотнесенность с высоким стилем, «что хорошо») контрастирует с негативной оценочностью данной лексической единицы, заложенной в ее денотативном значении. Указанная стилистическая квалификация данной лексической единицы ограничивает сферу ее употребления (налицо ее книжный характер).

Однако в литературном языке XIX в. мы видим отчетливо выраженное функционально-стилистическое снижение и выведение данного понятия за рамки конфессиональной лексики: торжественно-мрачное анафема

низводится до понятия бытового ругательства, употребляемого во вполне обыденных ситуациях живого общения, моделируемых также в художественных текстах: «Это письмо должен Вам доставить мой ключник Трофим ровно в 8 часов вечера... Если доставит поуже то значит в кабаке анафема заходил...» (А.П. Чехов. Письмо к ученому соседу). То же касается и производных, более поздних по времени возникновения (оценочный атрибут анафемский не зафиксирован ни Словарем русского языка XI-XVII, ни Словарем русского языка XVIII вв.): «Да что прикажешь делать с этой анафемской кухаркой?» (И.С. Тургенев. Месяц в деревне) – употреблено в качестве инвективы. Безусловно, нельзя утверждать, что в системе русского литературного языка XIX в. существует лишь сниженное, бранное значение данного слова: в этом случае мы можем говорить о его своеобразной функционально-стилистической амбивалентности при едином негативном знаке, характеризующем аксиологическую сторону значения: и в рамках микроконтекста «Гремит анафемой собор» (А.С. Пушкин. Полтава), и в вышеприведенной фразе из рассказа А.П. Чехова направленность на пейоративную зону шкалы оценок очевидна, однако позитивная стилистическая квалификация в первом из этих случаев налицо. Следовательно, пейоративность имеет разный характер благодаря разной стилистической квалификации; можно также утверждать, что в первом из случаев в системе оценочной лексики русского языка XIX в. данное слово является рационально оценочным, в то время как в инвективе отражена оценка эмотивная. Таким образом, мы видим, что секуляризация сознания и репрезентация этого процесса в рамках оценочной картины мира может в некоторых случаях привести к своеобразному расщеплению, с одной стороны, функционально-стилистических квалифиаций и аксиологических параметров, и, с другой стороны, рационально и эмотивно оценочных элементов семантики слова.

В то же время еще вполне отчетливо выявляется позитивно оценочный характер понятий “святость”, “святой” в картине мира русской языковой личности вплоть до конца XIX в. и их связь со сферой этических оценок: хоть святых выноси - о чем-либо оскорбительном для нравственного чувства и в то же время для того места, где находятся изображения святых. Ср.: «Что за охота - писать, коли таланту Бог не дал - только людей смешить. Иной и умный кажется человек, а как возьмется за перо - хоть святых вон выноси». (И.С. Тургенев. Месяц в деревне); «Умный человек - или пьяница, или рожу такую строит, что хоть святых выноси» (Н.В. Гоголь. Ревизор). Можно говорить и о том, что рассматриваемое здесь понятие служит своего рода аксиологическим ориентиром, позволяющим отделить реальность мелиоративно оцениваемого качества (“ум”, “талант”) от кажимости. Что касается “кажимости”, то в аксиологических представлениях, фиксированных в языке XIX в., данный вид несоответствия сопряжен с отрицательным полюсом шкалы оценок, а также с персуазивными оценками. Ср.: “Бравурство - хробрание (чтобы казаться храбрым)”.

«Губернатор ... увидел в поступке Форова верное средство подслужиться обществу мнению, заинтересованному его бравурством...» (Н.С. Лесков. На ножах); “Бравада - бахвальство, хвастовская угроза. «...когда она заговаривала с ним о предстоящем суде, он начинал бравировать перед нею...» (А.П. Чехов. Именины). Безусловно, в приведенных случаях основой для соотношения с негативно оценочным полюсом шкалы послужила составляющая семантики слов, сигнализирующая о связи с действительностью в плане “истинность/ложность”. Это обуславливает и рациональный характер заложенной в данных лексических единицах оценки (что, однако, не лишает их экспрессивности). Сходные во многом случаи могут осложняться эмотивным характером оценки, где эмотивность заложена в самой внутренней форме слова (при этом основой для ее негативного характера также является наличие семы “кажущийся”, “ненастоящий”), ср.: «Мокрохвостки - курсистки, не имеющие ничего общего с посещающими высшие курсы». С дефиницией соседствует афоризм, более отчетливо отражающий пейоративность заложенной в слове оценки и подчеркивающий несоответствие действительности как базу для ее возникновения: “новое слово для обозначения девиц, представляющих собой пародию на курсистку”.

Процесс оценочной трансформации, безусловно, затрагивает не только сферу профессиональной лексики; аналогичные преобразования происходят и в лексике «светской». Как уже говорилось выше, достаточно частыми являются случаи инверсии оценочного знака в процессе исторического развития семантики. Примером, иллюстрирующим данную закономерность, может послужить СВО борзописец. В лексической системе XVII и даже XVIII вв. отмечается положительная оценочность, закрепленная в семантике данного СВО, ср.: «Мефодий же посади... попа борзописца велми и преложи вся книги...» (Ипат. Лет.) Наведению позитивно оценочных сем способствует и то, что в лексической системе XVII в. зафиксированы мелиоративные производные, содержащие аналогичный компонент в своем составе, ср.: Борзосмысленный – сообразительный, смысленный: «И рече царь детишу: млады отрок борзосмысленный! Отгадывои мою третью загадку» (Пов. о Басарге). Это не исключает, однако, даже по представлениям XVII в., где оценки резко поляризованы, соседства с негативными оценками, имеющими иные основания: борзозрительный – понятливый, сообразительный: «[Отрепьев] бысть бо убо человек зломыслоствен, речением же многословесен и ко книжному прочтанию борзозрителен, но не на благо, нравом же лукав и скверноумен...» (Ст. о см. 1617). Более того, уже в данный период мы видим, что потенциальная оценочная амбивалентность эксплицируется достаточно отчетливо, а впоследствии выйдет в семантике СВО на первый план: «Ты же, о архи"епспе, влешвеньми твоими, и козньми, и хьтростию некою скорозрительною, яже к тебе привлачиши, борзым языком сепокупляя развратнее всяке разуме на помощь себе» (ВМЧ). Это как раз тот случай, когда, по утверждению Л.Н. Анипкиной,

«оценочность как бы «растворяется» в контексте», отрицательная (чаще) или положительная (реже) оценка действия... (а также лица, явления и пр. – Л.М.) оказывается результатом выражения отношения говорящего к обозначенному в реме явлению (что трактуется иногда как прагмема)» [Анипкина 2000, с. 60]. В аксиологической системе русского языка XIX в. оценочность вышеприведенного СВО становится отчетливо негативной: борзопивец – плохой автор, борзо, т.е. быстро, пишущий, но плохо.

Несколько более сложным будет случай диссонанса мелиоративного значения и значения кажимости (ср. диссонанс позитивно оценочных смыслов, закрепленных в палитре за цветовыми прилагательными «в радужном цвете видеть», «в розовом цвете», и негативного «не соответствует истине (действительности), что плохо»). Как утверждает С.Б. Цыганков, «негативность в оценке происходящего события выражается в микрогруппе фразем, объединенных интегрирующей семой «желание произвести определенное впечатление», – ФЕ для модели, для пушей важности, для видимости, для отвода глаз, для вида (виду), для (ради) красного словца». По мнению исследователя, «желание придать себе более значительный вид свойственно в большей или меньшей степени любому человеку, независимо от национальной принадлежности, во многом определяющей ментальные черты личности. Можно утверждать, что подобное желание достаточно сильно в культуре русского человека...» [Цыганков 2007]. В культурологическом плане данные фраземы выражают стремление субъекта произвести на объект действия определенный эффект, зачастую преувеличенный, приукрашенный: «Воспоминание этого драгоценного дня услужливо расписывало ему все предметы радужными цветами...» (В.И. Даль. Мичман Поцелуев); «Ты представляешь себе жизнь слишком в розовом цвете... Ты ждешь от нее непременно чего-то хорошего, а она дает не то, чего от нее требуют капризные дети...» (М.Е. Салтыков-Щедрин. Губернские очерки). Можно утверждать, что в этих случаях в процессе анализа обнаруживается многоступенчатость процесса оценивания:

а) соответствие реалии (представления) оценочной картине мира языковой личности (которая может быть и «искусственной», «вторичной»), в частности - литературным героем) - оценивается знаком +;

б) соответствие действительности (в плане «истинность/ложность») - оценивается отрицательно;

в) имплицитная характеристика самого субъекта оценки, для которого характерно включение подобных представлений в оценочную картину. Т.о., в данном случае негативные квалификации, индуцируемые понятием кажимости, подготавливают инверсию знака оценки.

Продолжая рассмотрение случаев инверсии оценки, отметим, что инвертированный знак оценки, индуцируемый контекстуальным употреблением, отмечается и в СВО изначально мелиоративных, ср.: «И рыцари слепой рулетки/За сбором золотых крупиц...» (П.А. Вяземский. Баден-Баден); «Помпадур (города Навознаго) - рыцарь без страха и упрека;

он - Баяр из истории Смараглова и Дюнуа из театра Буфф» (М.Е. Салтыков-Щедрин. Помпадуры и помпадурши). Контекстуальное несоответствие (как семантики, так и сферы употребления синтагматически связанных лексических единиц), порождающее в процессе декодирования эффект обманутого ожидания, зачастую служит той же цели, ср.: «Теперешний принципал корчмы с первого взгляда производит совсем иное, как будто легкомысленное впечатление» (Н.С. Лесков. Антука).

Помимо всего, сказанного выше, следует остановиться и на семантической разноплановости лексических единиц, которая является одним из факторов, генерирующих эмотивную оценку. Для русского литературного языка XIX века этот способ индуцирования оценки весьма характерен; По утверждению Л. Витгенштейна, значением слова является его применение в языке [Витгенштейн 1984, с. 91]. Под этим углом зрения можно рассматривать и актуализацию «микромкомпонентов слова, участвующих в выполнении им аксиологической функции» [Шаховский 1987, с. 45]. Синтагматическое взаимодействие лексических единиц, которые в языковой системе и даже в общепринятом употреблении безразличны к оценочному знаку, достаточно часто генерирует оценку. Это наиболее сложный случай; помимо этого, синтагматическое взаимодействие может сыграть роль интенсификатора оценки или послужить причиной инверсии оценочного знака.

Основой индуцирования оценки в контекстах такого рода является ненормативность, при этом важно указать, что происходит нарушение чаще всего не лексической, а логической сочетаемости, стирание граней между явлениями совершенно различного порядка. Отметим, что данное явление входит в число чисто речевых, актуализирующихся только на синтагматической оси и не имеющих адекватного отражения в парадигматической системе языка. В то же время основой данного явления, формирующего оценочный и – шире – прагматический фон высказывания и в целом микротекста, лежат парадигматические отношения, фиксирующиеся в лексической системе языка, как это будет показано ниже.

Объективно существующей языковой основой семантической разноплановости служит, на наш взгляд, дифференциация синонимов в рамках синонимического ряда, т.к. синтагматическая цепь организуется на основании аналогичного принципа. Как указывает Л.В. Александрович, «одновременно с семантическими различиями в синонимических группах прилагательных и глаголов наблюдаются различия по экспрессивности, по стилистическим оттенкам, по литературной нормированности, по генетической окраске, по актуальности. Однако между разными прилагательными и глаголами в пределах своих синонимических групп они проявляются неодинаково. Семантическим различиям между синонимами чаще всего сопутствуют эмоционально-экспрессивные, которые часто осложняются стилистическими различиями. Такие семантико-экспрессивные и семантико-экспрессивно-стилистические

различия доминируют во всех синонимических группах прилагательных и глаголов. Реже проявляются ортологические, генетические и диахронные различия. Они, как правило, сопутствуют семантическим, экспрессивным и стилистическим, в результате чего наблюдается между синонимами четырехмерные и пятимерные различия: семантико-экспрессивно-диахронно-стилистические, семантико-экспрессивно-генетико-стилистические, семантико-экспрессивно-генетико-диахронно-стилистические и другие типы» [Александрович 2008, с. 10].

Помимо этого, как указывает исследователь, так как связи слов в лексической системе являются многомерными и разнонаправленными, сами синонимические группы «представляют собой своеобразные гнезда или пучки предельно сблизившихся по значению и грамматическим свойствам слов, которые находятся в парадигматических отношениях друг с другом по девяти признакам: 1) по денотативной семантике, 2) по грамматическим свойствам, 3) по деривации, 4) по стилистической окраске, 5) по эмоционально-экспрессивной окраске, 6) по отношению к литературной норме, 7) по актуальности, 8) по происхождению, 9) по звуковому составу. Предельная близость между синонимами той или другой группы обязательна по двум признакам: 1) по их предметно-понятийной соотнесенности и 2) по частеречной однотипности. Слова одной и той же синонимической группы должны относиться к одной части речи и быть предельно близкими по предметно-понятийному значению, что обуславливает их потенциальную способность замешать друг друга в речевом общении людей» [Александрович 2008, с. 10]. Принцип взаимодействия несинонимичных в языке, но соположенных в рамках речевого произведения единиц, как нам представляется, полностью сходен с описанным выше. Отметим, что для актуализации оценочного смысла путем соположения разноплановых единиц система СВО должна находиться на достаточно высоком уровне организации; подтверждает это положение тот факт, что данный способ генерирования оценочных смыслов выявлен нами только в языке XIX в. (а также XX, но это уже находится за гранью нашего исследования) и не является характерным для предшествующих периодов диахронического развития системы СВО.

Остановимся на первом из выделенных случаев – на порождении оценки как результате взаимодействия в речевой цепи. Лексикографические источники не фиксируют (и в принципе не могут зафиксировать) оценочные приращения слова химик, которые наблюдаются в приводимом ниже контексте: «Я пламенно люблю астрономов, поэтов, метафизиков, приват-доцентов, химиков и других жрецов науки...» (А.П. Чехов. Письмо к ученому соседу). «Как только я выдержала экзамены, то сейчас же поехала с мамой, мебелью и братом Иоанном, учеником третьего класса гимназии, на дачу» (А.П. Чехов. Каникулярные работы институтки Наденьки N.) Синтагматическое взаимодействие продуцирует своеобразную многоярусную оценку: с одной стороны

– это мелиоративная оценка (акт оценивания совершен субъектом речи), с другой стороны – пейоративная оценка как результат рефлексии воспринимающего субъекта над соположением столь разноплановых единиц.

Употребление семантически разноплановых единиц (чаще всего безоценочных, номинативных) в рамках художественного произведения функционально различно в речи автора и в речи персонажей. В авторской речи использование данного приема служит экспликатором негативной оценки соположенных явлений (в основном – одного из них), является результатом целенаправленной авторской интенции: «К дому помещика Грябова подкатила прекрасная коляска с каучуковыми шинами, толстым кучером и бархатным сиденьем» (А.П. Чехов. Дочь Альбиона). Во многом сходная картина, по нашему мнению, имеет место и в контексте из романа М.А. Булгакова «Белая гвардия»: расположение лексемы «инженер» в прагматически нагруженном, чисто оценочном и практически инвективном ряду «трус, буржуй и несимпатичный» обусловило приобретение наряду с наведенными негативно оценочными семемами и соответствующей стилистической квалификации в рамках данного контекста и – шире – социума.

В речи персонажей подчеркивается случайность отбора соположенных лексических единиц; в результате высказывание обретает двойную модальную рамку – «то, что X (персонаж) выражает свои мысли так (с помощью такого набора средств) – плохо».

В авторской речи в рамках художественного произведения семантическая разноплановость может служить средством создания комического эффекта, причем разноплановость семантики как бы «снимается» одинаковым знаком оценки, и, таким образом, сходством в прагматическом плане, ср.: «...хоронили коллежского асессора Кирилла Ивановича Вавилонова, умершего от двух болезней, столь распространенных в нашем отечестве: от злой жены и алкоголизма». (А.П. Чехов. Оратор); «Его собеседник, молодой сухопарый немец, весь состоящий из надменно-ученой физиономии, собственного достоинства и туго накрахмаленных воротничков, отрекомендовался горным мастером Артуром Имбсом.. (А.П. Чехов. Русский уголь). «Пробило двенадцать часов, и майор Щелколов, обладатель тысячи десятин земли и молоденькой жены, высунул свою плешивую голову из-под одеяла...» (А.П. Чехов. За двумя зайцами погонишься...) Если более подробно проанализировать генезис оценочного ореола, который придает высказыванию разноплановость семантики соположенных лексических (как правило, безоценочных) единиц, то становится возможным говорить о некоторой закономерности: соположенные единицы, выполняющие функцию номинации, объединяются в рамках высказывания гиперонимом и, таким образом, по отношению к нему становятся гипонимами. Гипероним может быть явным или скрытым, обнаруживающимся в процессе декодирования контекста. Так, в первом из приведенных здесь

случаев гиперонимом по отношению к понятиям алкоголизм и злая жена становится понятие болезнь, эксплицированное в рамках высказывания, в третьем же имплицитно присутствует гипероним имущество, в число которого включена и молоденькая жена. Логическое противоречие, которое заключается и в стирани граней между одушевленными и неодушевленными предметами, индуцирует оценку, придавая высказыванию общий иронический колорит, и одновременно позволяет создать отражение картины мира вторичной языковой личности, какой является персонаж текста.

Явление аналогичного порядка имеет место в том случае, если в рамках высказывания на синтагматическую ось оказываются выведенными несколько членов парадигмы (синонимического ряда, антонимической пары и пр.) Линейное взаимодействие интенсифицирует оценочные смыслы, увеличивая тем самым прагматическую нагруженность высказывания и его эмотивное воздействие. Наиболее часто имеет место соположение кореферентных единиц, дифференцированных по функционально-стилистическим характеристикам. Ср.: «Лицо. Зеркало души, но не у адвокатов. Имеет множество синонимов: морда, физиономия (у духовенства – физиономия и лице), физия, физиомордия, рожество, образина, рыло, харя и проч.»; «Брюшко. Орган не врожденный, а благоприобретенный. Начинает расти с чина надворного советника. Статский советник без брюшка - не действительный статский советник... У чинов ниже надворного советника называется брюхом, у купцов – нутром, у купчих – утробой» (А.П. Чехов. Краткая анатомия человека). «В гляделках, которые стыд глазами назвать – ни искры душевного света» (Н.С. Лесков). Интенсификация оценочного и эмотивного потенциала соположенных лексических единиц в приведенных текстовых отрезках и подобных им, бытующих не только в сфере художественного текста, но и в разговорной речи, обусловлена также указанием на социальную закрепленность того или иного способа именованности. Прагматическое воздействие усиливается также градационным характером расположения оценочных средств, не только усилением аксиологических характеристик, но и степенью стилистической маркированности, ориентацией стилистической принадлежности на пейоративную зону оценочной шкалы.

Таким образом, сила эмотивного воздействия текстового (речевого) фрагмента может определяться и степенью расхождения (логического, аксиологического, стилистического) синтагматически соположенных лексических единиц. Этот фактор служит причиной генерирования оценочных смыслов либо их интенсификации в пределах целого речевого произведения.

Таким образом, в процессе формирования системы СВО русского литературного языка XIX в. оказываются задействованными различные основания оценки, которые, выступая в тесном взаимодействии с рефлексией языковой личности над фактами языка, способствуют

развитию оценочной амбивалентности и инверсии оценочного знака, что, в свою очередь, ведет к многомерности и многоплановости оценок в речи и тексте.

2.4. Некоторые аспекты взаимодействия аксиологической и функционально-стилистической характеристики слова.

Особо следует остановиться на соотносительности функционально-стилистических и оценочных маркеров. Эта проблема также представлена на диахронической оси, поскольку историческое рассмотрение коннотаций, способных оказать эмоциональное воздействие на воспринимающего субъекта, необходимо для понимания не только особенностей генерирования оценки, но и особенностей ее рецепции. Так, И.А. Стернин противопоставляет функционально-стилистический компонент другим компонентам – эмоциональному, оценочному и экспрессивному, ибо функционально-стилистический компонент характеризует условия общения, в то время как остальные компоненты – определенное отношение говорящего к предмету сообщения [Стернин 2001]. По мнению И.В. Арнольд, оценочные, эмоциональные, экспрессивные и функционально-стилистические компоненты нередко сопутствуют друг другу [Арнольд 1972]. Но совпадение компонентов не всегда имеет место, так как присутствие одного из них гарантирует обязательного присутствия всех остальных, и они могут встречаться в разных комбинациях. Но общий результат – эмоциональное воздействие на реципиента и, соответственно, генерирование оценки – позволяет рассмотреть эти явления как сопредельные, реализующиеся в рамках оценочного континуума. В работах последних лет эта связь прослеживается весьма отчетливо, ср., например: «Во фразеологических именах лиц, выражающих положительную оценку коннотация представлена экспрессивными, эмоциональными и функционально-стилистическими компонентами: мастер на все руки, функционально-стилистическими компонентами: мастер на все руки, “человек, умеющий все делать, искусный во всяком деле” [Сайтова 2007]. В то же время при изучении фразеологизмов – наименований лиц со значением отрицательной оценки – отмечено наличие вульгарно-разговорной окраски, эмотивности и экспрессивности [Сайтова 2007]. Конец XVIII – начало XIX в. для истории русского литературного языка является той эпохой, применительно к которой уже можно с достаточной уверенностью заявлять о стилистической характеристике слова (в противовес, например, началу XVIII в., - эпохе, для которой нормой было ее динамическое отсутствие) [Гайнуллина 1995, с. 25].

В то же время, по нашим наблюдениям, аксиологическая ориентированность того или иного лексического средства уже в этот период давала возможность определить и стилистическую его характеристику; во всяком случае, уже предпринимаются попытки дать стилистическую оценку с позиции социальной маркированности лексических единиц. Понятия «ядро» и «периферия», а также «социальная маркированность»

в имплицитной форме содержатся, в частности, в «Рассуждении о старом и новом слоге российского языка» А.С. Шишкова. Однако не только «обветшалость» данных слов позволяет дать им негативную оценку как фактам языка; скорее негативно оценены употребляющие их субъекты: «В языке нашем имеются также обветшалые иностранные слова, как например: авантажиться, манериться, компанию водить, куры строить, комедь играть и проч. Сии прогнаны уже из Большова света и переселились к купцам и купчихам».

Анализ взаимодействия данных характеристик лексических средств выражения оценки в XIX в. производился нами, помимо примеров из охарактеризованного выше корпуса текстов, также по словарю М.И. Михельсона «Русская мысль и речь. Свое и чужое», который изначально ориентирован на отражение экспрессивности тех или иных речевых проявлений.

Литературный язык XIX в. дает богатый материал для того, чтобы проследить связь между сферой употребления и аксиологической характеристикой СВО. По нашему мнению, связь эта существует, но она имеет спорадический характер и отличается избирательностью, неоднозначностью: негативная оценка слова (фразеосочетания) как факта речи отнюдь не обязательно связана с наличием сем, индуцирующих негативную оценку, в семантике слова, и наоборот. Наиболее важным является, на наш взгляд, то, что эта взаимосвязь (в особенности – в случае противоречия между оценочным и функционально-стилистическим маркером) может быть выявлена лишь в том случае, когда языковая личность в конкретный период истории языка уже способна к рефлексии как над содержанием прагматически нагруженного высказывания, так и над формой, в которую оно облечено. В то же время важно отметить, что «функция компенсации информативной недостаточности», выявленная В.Г. Гаком у эмоций и оценок, присуща и стилистическим коннотациям слова [Гак 1998, с. 647]. Так же, как аксиологические характеристики, они прагматически связаны и характеризуют в большей степени субъект оценки, нежели ее объект (у аксиологического компонента значения слова эта информация представлена в виде «рамки» – «то, что оценивающий субъект обладает такой системой оценок – хорошо (плохо)», у функционально-стилистического маркера эта рамка приобретает вид «то, что субъект оценки избирает такое средство ее выражения – хорошо (плохо)». На материале указанного выше словаря М.И. Михельсона, а также фактов художественной речи (по текстам XIX в.) нами были выявлены следующие наиболее типичные случаи соотношения аксиологического и функционально-стилистического параметров:

1. Противоречие между формой (грубое просторечие) и оценочными смыслами (мелиоративной оценкой), которое может создать своего рода вторичный оценочный ярус, диссонирующий с аксиологическими коннотациями, ср.: «Прет ему! - о счастье, удаче» – «Всякий, кто как мог, охотно постарался бы поправить это попушение Промысла

(шадившего Дукача), если бы ему, как на зло, отовсюду незримо не перло счастье...» (Н.С.Лесков. Некрещеный поп). По нашему мнению, в приведенных здесь случаях диссонанса функционально-стилистической закрепленности слова и его аксиологической характеристики ситуация сходна с инверсией оценки, т.е. перемены оценочного знака той или иной единицы инвентаря языка в речевой реализации на противоположный. Именно в литературном языке XIX в. находим осмысленное и целенаправленное употребление СВО с инвертированным знаком как средства интенсификации экспрессивности целого текстового фрагмента, ср.: «... волосы его были что-то очень уж черны, светлые глаза его что-то уж очень спокойны и ясны, цвет лица что-то уж очень нежен и бел, румянец что-то уж слишком ярок и чист, зубы как жемчужины, губы как коралловые - казалось бы, писанный красавец, а в то же время как будто и отвратителен» (Ф.М. Достоевский. Бесы).

2. Противоречие обратного характера (встречается несколько реже): соотношение слова с мелиоративной зоной шкалы оценок диссонирует с его негативной стилистической квалификацией (фиксируемой в словаре применительно к конкретному временному отрезку): «Решпект иметь – (вульг.) – уважение. «Хотя матушка и считала себя, в некотором роде, белой кости, а батюшку от хама производила, я, грешный человек, никогда к левитову колену... большого решпекта не имел» (П. Боборыкин. Василий Теркин). Подобный диссонанс обеспечивает переориентацию всего текстового отрезка на пейоративный полюс шкалы оценок и соответствующее декодирование содержательно-подтекстуальной информации.

3. Соответствие оценочной и функционально-стилистической характеристик слова. При этом наличие у слова отрицательного функционально-стилистического маркера может послужить в качестве средства интенсификации выражаемой им оценки (иногда даже в большей степени, чем сама семантика слова): «Поздравь: продулся в пух! Веришь ли, что никогда в жизни так не продувался» (Н.В. Гоголь. Мертвые души). Безусловно, усиление степени интенсивности оценки достигается при соответствии оценочного знака, закрепленного за средством выражения оценки (далее – СВО), и возникшей в результате осмысления его как факта речи «вторичной» оценки, имплицитно либо эксплицитно присутствующей в слове (фразеосочетании) в качестве стилистического маркера и определяющей границы нормативного употребления: Слимонить (грубо просторечная окраска, отмеченная как Словарем Академии Российской, так и словарем «Русская мысль и речь», свидетельствует об отрицательной характеристике данного СВО как факта лексической системы языка) – «воровски взять, украсть» (отрицательная оценка самого действия, факта). Аналогичен случай с таким лексическим СВО, как рыло (как в составе ФЕ, так и в случаях изолированного употребления): «У нас тут в городе цыганка живет: рыло-рылом, а запоет-гроб!» (И.С. Тургенев). Негативная оценка факта с эстетических позиций

органично сочетается с пейоративной оценкой самого СВО как факта лексической системы; негативно оценочный колорит накладывается и на последующую часть высказывания, цель которой - мелиоративная оценка ("а запоем - гроб!"), подчеркивая амбивалентность выделенного далее СВО. Ср. также ФЕ рылом не вышел: «С твое не знаю что ль? Рылом не вышла учить меня... Ступай» (П.И. Мельников. В лесах); рыльце в пуху (в значении "совершивший несправедливый поступок"): «Хоть по суду и не докажешь, Но как не согрешишь, не скажешь, Что у него пушок на рыльце есть» (И.А. Крылов. Лисица и Сурок).

Негативная эстетическая оценка как явления, так и его фиксированного обозначения в лексической системе имеет место и в таком СВО, как харя. Интенсивность пейоративной квалификации, очевидно, обусловлена бранным характером СВО, его приближенностью к инвективам. Применительно к подобным случаям можно говорить и о том, что семантико-стилистический диссонанс данного СВО и контекстуального окружения индуцирует в итоге высокую степень пейоративности: «Потом, в суконном колпаке, С указкою в руке, С жеманной харею явился пред собором (В.А. Жуковский. Мартышка).

Взаимодействие аксиологических и функционально-стилистических характеристик языковых единиц прослеживается и в репрезентации их оценочных смыслов, т.е. в попытке их эксплицировать посредством словарной дефиниции. Так, достаточно часто негативные оценочные смыслы эксплицируются в процессе дефинирования, инструментом которого служат слова, отрицательно оцениваемые как факт языка (имеющие сниженную стилистическую характеристику, а порой - грубо просторечные): "отвести глаза - отвести внимание, чтобы надуть незаметно"; "откатать - больно прибить, отдубасить, валать" и т.д.

Отметим также, что прагматическая нагруженность оценочных высказываний в языке XIX в. эксплицируется все более отчетливо. Так, ситуативная аксиологическая характеристика высказывания Помяни, господи, царя Соломона и всю премудрость его (отсылка к ставшему квазистереотипом собственному имени, помогающему отчетливо эксплицировать сему "мудрость", способствует, на первый взгляд, декодированию положительно оценочного смысла; однако объектом оценки в данном случае служит "заврававшийся глупый болтун"). Таким образом, лишь специфика данной структурной составляющей оценки позволяет, устраняя порожденные ее двойственным характером ассоциации реципиента, верно соотносить данный фрагмент с пейоративной частью шкалы оценок. Отметим также прагматический характер негативно оценочного смысла лексемы "юрист" (М.И. Михельсон дает чисто оценочную квалификацию в сочетании с соответствующим функционально-стилистическим маркером - "законник-крючкотвор", "что плохо"; в русском литературном языке XX в. это пейоративное значение можно считать практически утерянным - Л.М.): «Он был юрист; прекрасный человек, но на руку нечист» (Н.И. Хмельницкий.

Говорун). Как отмечает сам создатель словаря «Русская мысль и речь», «почтенное звание адвоката, вследствие злоупотреблений многих из них, в продолжение многих веков служило предметом сатиры (курсив наш - Л.М.) и до настоящего времени не избавлено от едких насмешек, как за границей, так и у нас».

Это типичный пример восприятия как денотата слова, так и самого слова «не путем считывания словарных определений, а в результате личного социального опыта, опыта предшествующих поколений, традиций социума...» [Бабушкин, 1996, с. 38], что предполагает скрытую ориентацию не только на негативную аксиологическую, но и на отрицательную функционально-стилистическую характеристику слова. Во многом сходная картина, по нашему мнению, имеет место и в литературном языке XX века: так, достаточно было М.А. Булгакову поместить лексему «инженер» в прагматически нагруженный, чисто оценочный и практически инвективный ряд «трус, буржуй и несимпатичный» (см. выше), как наряду с наведенными негативно оценочными семами слово приобретает и соответствующую стилистическую квалификацию в рамках данного контекста и – шире – социума.

Можно утверждать, что изучение аксиологических и функционально-стилистических характеристик лексических (фразеологических) единиц в их взаимодействии и взаимопроникновении способствует не только раскрытию механизмов порождения экспрессивности высказывания и текста, но и определению особенностей языковой личности (творящего и воспринимающего субъекта) в конкретный период развития языка.

ГЛАВА 3. ОЦЕНОЧНЫЙ КВАЗИСТЕРЕОТИП: ИМЯ-СИМВОЛ.

3.1. Аксиологические коннотации и функции имен-квазистереотипов в русском литературном языке XVII в.

При исследовании оценочных функций лексических единиц особое внимание необходимо обратить на выражение позитивного либо негативного отношения к объекту при помощи собственных имен. Это может показаться парадоксом, так как имя собственное как факт языковой системы несет минимальную информацию об объекте оценки, выполняя лишь номинативно-опознавательную функцию. В то же время, помимо "говорящих" имен, конструируемых автором и имеющих явную аксиологическую ориентацию (о таких именах речь пойдет ниже), своеобразным средством выражения оценки являются имена культурным

коннотативным компонентом [Бельчиков 1988, с. 30], или, в соответствии с иной терминологией, имена собственные, ориентированные на квазистереотипы, т.е. на «традиционные, отработанные в данной лингвокультурной общности символы, которые служат хранителями информации, существенной для видения мира данным народом» [Телия, 1986, с. 45]. Своеобразие этого типа оценочных единиц состоит в том, что они, во-первых, национально ориентированы, во-вторых, отражают специфику эпохи и языковой картины мира применительно к определенному временному отрезку, и, в-третьих, дают оценочную информацию в имплицитной форме, представляя знания, имеющиеся в прецеденции. Как указывает Г.Б.Мадиева, национальная ономастика является «одной из универсалий фондовой лексики» и в ней «имплицитно заложена информация о духовной культуре различных этносов. Следовательно, она заключает в себе этнокультурную семантику, необходимую для познания культуры народа - ее создателя - посредством языка» [Мадиева 1998, с. 38]. Ориентированные на квазистереотип имена собственные отражают закономерности формирования аксиологических коннотаций в тех случаях, когда в качестве исходного момента оценки выступает абсолютно объективная, безоценочная информация [Кислов 1984]. Они затрагивают и социолингвистический аспект оценочности, вызывая усиление эмоционального воздействия текста [Болотов 1986, с. 13]. В нашем исследовании большинство из имен-квазистереотипов генетически связано с христианской мифологией, что предопределило их аксиологическую специфику. То, что мифологичность является основой диалектичности, совершенно очевидно: именно миф сообщает ту энергию, которая питает этимологию, семантику и прагматику номинации, с ее динамическим равновесием денотации и коннотации. Мифология определяет новую реальность словаря, строящегося на идее индивидуальной ощущаемости речевого номинационного фрагмента картины мира. Применительно к данным именам представляется

правомерным говорить о метафоричности и о вытекающих из нее характеристиках, ср., например, утверждение В.Н. Телии: «В оценочно-экспрессивной метафоре подобие также преобладает над тождеством, как и в оценочной, что онтологически закономерно: основной объект метафоры — то, что есть в мире (некоторое свойство или положение дел), а вспомогательный комплекс — это образно-ассоциативные черты некоторого квазистереотипа, т. е. представления, имеющего в данном языковом коллективе статус национально-культурного эталона некоторого свойства (медведь — неуклюжести, лиса — хитрости), некоторой ситуации (плестись, тащиться — медленного и "вялого" движения) и т. д. В таком соположении не только гетерогенных сущностей, но к тому же и такого их подобия, которое создается за счет свойств квазистереотипа, реальное тождество не может иметь места. Именно по этой причине оценочно-экспрессивная метафора, как правило, не преобразуется в чисто оценочное значение даже при угасании образа, хотя и такое развитие возможно...» [Телия 1986, с. 26]. Подобные процессы свойственны и для развития ономастикона, который постепенно утрачивает внутреннюю форму и вместе с ней — метафоричность; однако на том этапе, когда она еще подвергается декодированию, она, по нашему мнению, может быть воспринята как оценочная метафора.

Интерес вызывает исследование данных средств выражения оценки (далее - СВО) в текстах XVII века, так как в это время интенсифицируются процессы секуляризации духовной жизни, что находит отражение в языке художественной литературы, и, в частности, в изменении оценочных ориентаций. В то же время проанализированные нами случаи употребления собственных имен, ориентированных на квазистереотип, могут быть связаны с особенностями стиля «плетение словес», который является наследием XV-XVI веков и достаточно широко представлен в литературном языке рассматриваемой эпохи.

Наиболее отчетливо приукрашивание текста при помощи различных стилистических фигур, в состав которых входят антропонимы и топонимы-квазистереотипы, проявляется в целом ряде памятников данной эпохи, в частности, в «Сказании о царстве Казанском», в «Житии протопопа Авакума» и пр. Большинство антропонимов этого рода, как показывает анализ, выполняет функцию интенсификации оценки, входя в состав оценочных сравнений: «Но аще не бы ускорию борзо ратию приити на них великий князь Иоанн Васильевич, богу его воздвигшу и пославшу за уничижение и их презрение к нему, яко Тита римскаго царя Еуспасианова сына разорити град Иерусалим...»; «Злый же тот царь Махметемин житие свое скончав жив червми изъеден, яко детоубийца Ирод...» «И се внезапно тогда посла бог ко царю самодержцу, яко ангела своего ко Иисусу Навину разорити стены Иерихонские, магнетом утвержденные...» Как показал анализ, оценочные антропонимы-квазистереотипы в языке рассматриваемого периода могли своей семантике кротость, смирение использоваться и для формирования аксиологической антитезы, что

придает четко поляризованный характер всему контексту, ср.: «И отпускает его, яко ангел божи Гедеона на царей Мадиямских, и яко Самоил кроткаго Давида на силнаго исполина Голияда...» (Голиафа - Л.М.). «От праотец своих благословени были они же, от Измаила и Исава прегордаго... мы же есмя от кроткаго и смиреннаго праотца нашего Иакова...» В приведенных нами случаях преобладает выражаемая антропонимами положительная оценка; в то же время характерная для данного этапа четкая поляризация аксиологических установок отражает картину мира языковой личности на момент формирования национального литературного языка: позитивные аксиологические установки, зафиксированные в семантической структуре лексем кроткий, смиренный отчетливо противопоставляются негативно воспринимаемому семантическому (а в ряде случаев – прагматическому) компоненту, закреплённому на данном хронологическом срезе за целой лексической парадигмой, центром которой являются сёмы гордыня, гордость, еще не подвергшиеся дифференциации в рассматриваемый период. Реже в оценочной функции выступают топонимы, ориентированные на квазистереотип: «Но везде превзыде вифлеомский плач: тамо младенцы заклахуся...» (автор «Сказания...» апеллирует к библейской легенде об избииении младенцев и использует топоним-квазистереотип, чтобы емко и лаконично показать трагизм ситуации и выразить свою негативную оценку события, хронологически отдаленного, но по своей аксиологической сути сходного с тем, которое описывает библейская легенда).

Собственные имена с культурным коннотативным компонентом дают нам следующую информацию о языковой картине мира в рассматриваемую эпоху: большинство аксиологически ориентированных собственных имен имеют библейское происхождение, и лишь немногие генетически восходят к античной и русской истории: «...и дани великие со Царяграда имал со благородных грек, победивше их древле Трюю и прегордаго царя Ксера» (Ксеркса - Л.М.). «Велми же возавиде Владимиру Манамаху...»; «Царь же князь великий приемлет святительское благословение.. вкупе же с ним храбрость и мужество Александра, царя Македонскаго...» Как уже указывалось выше, для сферы оценочных средств значимой является не только оценочная семантика, но и сам их отбор: во-первых, то, что не отобрано для манифестации позитивного/негативного отношения, тем самым оценено как не значимое для картины мира на данном хронологическом отрезке диахронической оси; во-вторых, значимость библейской антропонимики как оценочного средства для рассматриваемого периода подтверждает положение о том, что ментальные характеристики русской языковой личности рассматриваемого здесь периода соотнесены с теми стереотипами, которые представлены в христианской картине мира, и лишь частично опираются на систему оценок, выходящую за ее пределы.

Отметим как наиболее часто употребляемые в оценочной функции такие антропонимы, ориентированные на квазистереотип, как Иисус

Навин, Иаков, Иосиф, Исава. Известно, что, по Библии, Иисус Навин - один из великий полководцев Израиля, имена Иакова и Иосифа в сознании верующих (в особенности в эпоху господства религии в сфере духовной жизни) ассоциировались с такими добродетелями, как смирение и покорность божьей воле, а также с богоизбранностью. Напротив, имя Исава служило своеобразным символом гордыни («что плохо») - такова оценочная рамка, связанная с именем Исава и с этим качеством в сознании языковой личности XVII века). Зачастую эксплицировать оценочные смыслы, заложенные в собственных именах – квазистереотипах, становится необходимым в целях адекватного декодирования значительного текстового отрезка, а то и целостного текста. Как известно, при восприятии подобных имен «актуализируется весь прецедентный текст, т.е. приводится в состояние готовности для использования в дискурсе по разным своим параметрам – либо как источник определенных эмоциональных переживаний, либо как источник сходных ситуаций» [Караулов 1987, с. 218]. Ср.: «Исаак Авраамович роди сквернова Исава, Исавае роди Рагуила, Рагуил роди Зара, Зара же – праведнаго Иева... Вотте смотри, у ково Иеву добра научитца?...но от твари бога уразумеи, живыи праведный непорочно». Без знания прецедентного текста, которым является в данном случае Библия, невозможно выявить основания отмеченных оценок, связанные с именами Иов, Исава и др. Аналогичная ситуация отмечается и в следующем контексте, с той лишь разницей, что содержащее оценку имя употребляется не в целях сравнения: им назван один из «отступников», преследовавший раскольников. Имя это о многом говорит носителю христианской культуры, с ним связаны отчетливые оценочные коннотации: «Таже взяли соловецкаго пустытника, старца Епифания; оне же молив Пилата тощне и зело умильне, ... Пилат же отвеща ему, глагола: батюшко, тебя упокоите, а самому мне где детца?» (Житие протопопа Аввакума).

В рассмотренных нами произведениях, созданных в конце XVII века, частота употребления данных оценочных единиц существенно снижается. По нашему мнению, это может быть связано с «обмирщением» языка художественных произведений, с отходом от использования библейских имен в оценочной функции, а также со стилистическими преобразованиями, которые были результатом демократизации литературы. При анализе текстов конца XVII века нами выявлены весьма симптоматичные случаи употребления имен собственных-квазистереотипов: Как и в «Сказании...», они включаются в состав оценочных сравнений: «Аще и Иёв (Иов - Л.М.) говорил так, да он праведен, а се и Писания не разумел...» (Житие протопопа Аввакума). «Я-су, - простите! - своровал: яко Раав блудная во Иерихоне Исуса Наввина людей, спрятал ево, положи на дно в судне...» (Там же). В данном случае антропонимы, наряду с выполнением аксиологической функции, способствуют славянизации текста на фоне разговорных, а то и просторечных лексем, в том числе и оценочных (своровал). Отметим также, что антропоним-квазистереотип

во втором из этих случаев нейтрализует резко негативный эпитет блудная, так как поведение Раав, оказавшей помощь полководцу Иисусу Навину и спасшей ему жизнь, трактуется в Библии как достойное уважения.

-Имена с закрепленным оценочным значением могут быть употреблены в составе обращений к конкретному корреспонденту. В таких случаях мелиоративная оценочность, закрепленная за именами-квазистереотипами (как антропонимами, так и топонимами), перерастает в открытую похвалу и согласуется с иными положительно оценочными единицами в составе обращения. Ср., например, письмо протопопа Аввакума к его духовным дочерям, боярыне Морозовой и княгине Урусовой: «Два супруга нераспряженные, две ластовицы сладкоглаголивья, две маслины и два свещника, пред богом на земле стояще! Воистину подобны есте Еноху и Илии... Как вас нареку? Вертоград едемский именую и Ноев славный ковчег, спасший мир от потопления!»

- Антропонимы-квазистереотипы могут подчеркивать значимость исторической личности (как позитивную, так и негативную). Данная их функция отчетливее всего прослеживается в «Повести о смерти и о погребении князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского». Ср.: «Инии же яко новаго Иисуса Навина нарицаху его, инии же яко Гедсона и Вара ка или Самсона, победителя иноплеменником, зваху его..Овие же, яко Дави да, отмстителя врагом, зваху, или яко Иуду Маккавейскаго, в толикое нужно время храбравашего... И там же: Яко же плакашеся прежде по патриархе Иякове Иосиф, или, паки реши, плакася по Самоиле пророце весь Израиль великим плачем...»

-Симптоматично, хотя и нерегулярно отмеченное нами употребление собственных имен-квазистереотипов в функции выражения иронического отношения. В частности, ироническое употребление таких топонимов, способствующее более тонкому и образному выражению неодобрения, встречаем в «Житии протопопа Аввакума»: «Кому охота венчатся, не по што ходить в Персиду, а то дома Вавилон...» Заметим, что, в соответствии концепцией диглоссии Б.А.Успенского, ирония могла выкристаллизоваться лишь в литературном языке XVII века; а ироническое употребление имен-квазистереотипов можно считать следующим шагом в эволюции оценочных средств.

-В качестве примечательного случая отметим своего рода «обратный» квазистереотип: фоновые знания человека XVII века позволяют ему расшифровать имена собственные, скрытые за образным описанием. Для современного читателя декодирование этих сравнений затруднено, что подчеркивает временную ограниченность квазистереотипов: «А пред нею, тучею, идут по воздуху два страшные юноши (Борис и Глеб - Л.М.), а в руках своих держат мечи обнаженные, а грозятся на наши полки бусурманские...» И здесь же: «По валу бусурманскому, где их наряд сложи, ходили тут два мужа леты древними (по мнению исследователей, Иоанн Предтеча и Николай Чудотворец - Л.М.), на одном власяница мохнатая» (Повесть об осажденном сидении донских казаков).

Проанализированный фактический материал свидетельствует о том, что собственные имена, ориентированные на квазистереотип, в определенной мере отражают специфику СВО в литературном языке XVII века. Большинство примеров взято нами из светской литературы, но и в ней пока еще превалирует однозначность и четкость оценок, а также закрепленных за антропонимами и топонимами оценочных ориентаций. Практически отсутствует оценочная амбивалентность, придающая тексту языковой полифонизм и многоплановость. Как уже указывалось выше, большинство оценочных антропонимов и топонимов ориентированы на религиозную картину мира, и зафиксированные в них оценки служат косвенным отражением того, что в аксиологической системе человека XVII в. было положительным, а что - отрицательным. Так, антропонимы-квазистереотипы способствуют отражению антитез «покорность, смирение/гордыня» (Иаков/Исав), «мужество и кротость/ложное величие» (Давид и Голиаф) и пр. Исходя из этого, можно утверждать, что характер и тип оценок, выраженных ориентированными на квазистереотип собственными именами, является одним из показателей состояния оценочной системы в данный исторический период. В следующих разделах мы рассмотрим трансформации, произошедшие в процессе общей эволюции категории оценки, в рамках имен-квазистереотипов.

3.2. Системный характер и специфика функционирования имен-квазистереотипов в русском литературном языке XVIII в.

Имена собственные, ориентированные на квазистереотип как традиционный, характерный для данной лингвокультурной общности символ-хранитель информации, широко представлены также в литературном языке XVIII века, но при сопоставлении их с именами-квазистереотипами, которые зафиксированы в текстах XVII века, они имеют ряд характерных черт. Так, можно говорить о практически полной переориентации в использовании данных оценочных единиц. Если функции их в принципе сходны, то в характере самих имен произошли значительные изменения. Это связано, безусловно, с изменением самих оценочных ориентаций и дальнейшей секуляризацией сознания человека XVIII века: если в литературе XVI-XVII веков отмечаются имена-квазистереотипы, связанные с библейскими прецедентными текстами, то литература XVIII века, напротив, изобилует «отсылками» к таким прецедентным текстам, какими являются античные мифы. Отметим особо, что речь здесь ведется о светских памятниках. Как отмечает Ю.Н. Караулов, «русский человек (и, соответственно, его концептосфера, семиосфера, тип языковой личности и языковая картина мира) тяготеет в своем мировосприятии к пространственности (отсюда время как четвертое «измерение»), и неантропоцентрической ориентации и стихией в своем речевом поведении. Для него естественнее аномалия, чем норма; он легче семантизирует чужую форму, следовательно, способен к метаморфичности

своего выражения; наконец, для его типа языковой личности характерна неопределенность высказывания и категорий, его формирующих. Естественно, все это относится и к концептосфере и ее производным. Смысл, обусловленный мифом, его архетипикой и поэтикой (эстетикой), определенным образом раскрывается в художественном тексте» [Караулов 1987, с. 81]. Конечно, аллюзии, порождаемые данными именами, намного проще поддаются декодированию современным реципиентом, нежели те оценочные ассоциации, которые сопровождают имена-квазистереотипы, соотносимые с религией и церковью. Более «прозрачны» и порождаемые ими оценочные смыслы. Такая резкая переориентация, т.е. использование совершенно иного пласта квазистереотипов, на наш взгляд, связана и с тем, что «русская литература этих лет - в немалой мере плод усвоения и национальной переработки поэтики и стилистики различных западноевропейских литературных направлений (ср. кратковременный расцвет русского классицизма и его связи с классицизмом французским и немецким...)» [Биржакова, Воинова, Кутина 1972, с.43]. Именно общекультурный фон и взаимодействие таких тенденций, как секуляризация и интернационализация культуры, подготовили почву для использования символов античной мифологии в качестве средства выражения оценки. Отметим, что даже в процессе исследования данных языковых единиц М.В. Ломоносов, иллюстрируя вводимое теоретическое положение, наряду с именами-квазистереотипами, ориентированными на Библию, приводит антропонимы с закрепленной за ними оценкой, отражающие высокую степень освоенности античной мифологии: «Ирония состоит иногда в одном слове, когда малого человека Атлантом или гигантом, бессильного Сампсоном, скаредного Авессаломом или Иосифом называем...» [Ермакова 2002, с. 35]. Подобный рефлексивный анализ имени собственного свидетельствует, во-первых, о том, что оно является полностью освоенным фактом аксиологической системы языка, и, во-вторых, о том, что именно процесс секуляризации обуславливает соотношение первого из антропонимов с положительной частью шкалы оценок, наряду с оценочными антропонимами-библейскими.

Симптоматично, что эти СВО также вписываются в общую картину преобладания рационально-оценочных единиц и позволяют сохранить «учительную» направленность русской литературы XVII-XVIII вв. Особенно частое использование данных антропонимов и топонимов отмечено нами в сатирических диалогах (можно на уровне допущения утверждать, что отчасти квазистереотипы входят в их жанровую специфику). Ведь именно особенности жанра позволяют использовать в качестве действующих лиц те мифологические персонажи, за которыми в сознании автора и реципиентов закреплен определенный оценочный ореол, ср.: «Мне кажется, что после Елены не перевозил ещё я столь прекрасной тени» (М. Чулков. Разговоры мертвых. Меркурий, Харон и вдова молодая). Оценка вложена в уста Харона - перевозчика мертвых, речь которого актуализирует в сознании читателя ассоциации, связанные

с легендой о Прекрасной Елене. Представляется важным и то, что имена-квазистереотипы в литературе XVIII века уже способны служить и своеобразными индикаторами психического, эмоционального состояния персонажа и - в этой же связи - эксплицитно авторскую иронию (что также является новым в использовании этих СВО по сравнению с их функционированием в литературе XVII века). Такая роль отведена античным антропонимам, употребление которых актуализирует в сознании реципиента весь прецедентный текст, в сатирическом диалоге А.П. Сумарокова «Медик и стихотворец». Ситуация, которая обрисована автором в этом диалоге, такова: «на том свете» (отметим, что «тот свет» также строится на представлениях не христианской, а античной мифологии) встречаются медик, который сетует на отсутствие больных, и стихотворец, жалующийся на «великий жар и бред», и - добавляет он - «все брежу на виршах». Заслуживает внимания то, какие именно антропонимы и топонимы-квазистереотипы соотношены в сознании персонажа (а вслед за ним - и автора, и читателя) с пейоративной, а какие - с мелиоративной зоной шкалы оценок: «Вижу Стикс, Ахерон, Фурий, Медузу, Сфинкса, Гидру, Титанов, Гигантов и тому подобное (проекция на негативную часть оценочной шкалы и обрисовка соответствующего эмоционального состояния - Л.М.)

- Видишь ли ты когда во сне Дияну, Ендимиона, Венеру, Адониса и прочее такое?» (таким образом медик выясняет, бывает ли какие-то светлые видения у его «пациента», одновременно соотнося отмеченные имена с положительным полюсом оценочной шкалы и актуализируя темы красота, духовная чистота и пр.)

«- Никогда, господин доктор. А из дияниной истории видел я однажды себя в образе Актеона, когда он бежал от собак своих» (Там же).

В последующей части текста более отчетливо эксплицитно авторская ирония и - соответственно - негативная оценка творчества подобных поэтов. За бездарность этого неудачливого автора наказывают опять-таки мифологические персонажи (Юпитер, Аполлон и т.п.), причем связанный с их именами положительно оценочный ореол по контрасту позволяет соотносить поэзию «стихотворца» с негативной зоной оценочной шкалы: «Видел я во сне, будто я Марсий, и Аполлон сдирает кожу с меня и приговаривает: не бредь, не бредь...; Приснилось мне, будто я сын Тартара и Земли, и что я, лежа под Етною, ворочаюсь и не могу выдаться, и будто мне Юпитер приговаривает: Не трогай неба!» Подчеркнем, что негативная оценка интенсифицируется при помощи комического несоответствия, порождаемого эмотивными оценками речи и действия (бредь (-), выдаться (-), стилистическая квалификация которых усиливает воздействующую функцию пейоративных сем) и положительными рационально оценочными смыслами, заложенными в семантике мифологических имен-квазистереотипов. Апофеоз авторской иронии, на наш взгляд, содержится в финале диалога: «Стихотворец: А иногда думается мне, что я прекрасная Финикийская царевна и еду на

корове. (Актуализирован миф о похищении прекрасной Европы - Л.М.)

Медик: Стихотворцы не все на парнасском ездят коне, не один ты, многие ваши братья на коровах ездят...»

Таким образом, использование антропонимов и топонимов, содержащих отсылку к прецедентным текстам, становится одним из средств выражения авторской иронии (что представляет собой значительную эволюцию в употреблении имен-квазистереотипов в качестве СВО по сравнению с литературой XVII века).

Безусловно, имена этого рода в качестве средства, помогающего эксплицировать оценку, приобретают в XVIII веке и иные функции, основанные на их специфике (акцентируем внимание, что использование библейского текста как прецедентного, актуализированного в сознании читателя посредством квазистереотипов, не предрасполагало к выражению иронического отношения и тем более - к созданию комического эффекта). Так, использование в этом качестве имени древнегреческого философа - Сократа - помимо выражения иронического отношения (мудрость Сократа соотнесена с положительной частью шкалы оценок, но речь персонажа, ссылающегося на этот квазистереотип, да и его интеллект оценены автором отрицательно) способствует инверсии оценочного знака, ср.: «Сократ, славный в древности философ, говаривал о себе, что он дурак, а я о себе того сказать не могу, потому что я еще не Сократ. - Об вас это другие скажут...» (Н.И. Новиков. Разговоры.)

Аналогичным является способ выражения негативной оценки путем апелляции к позиции философов древности, за именами которых в сознании реципиентов эпохи Просвещения закреплена отчетливо выраженная мелиоративная оценка (по логике построения такая манифестация оценки сходна с доказательством от противного): «Строгие философы! Вы, которые жалеете утратить минуту, как скупой полушку, и плачете о потере дня, проведенного без пользы! ("что хорошо, по мнению автора - И.А. Крылова - Л.М.)... Зарывшись в книгах, вы почитаете невероятностью, что тот может радоваться, прощаясь со старым годом, кто три четверти его проспал, а достальную прозевал ("что плохо" - Л.М.). Но Сократы, Платоны, Пифагоры прошедших веков! воскресните на одну минуту,... и вы увидите, сколь справедливо мое описание...» (И.А. Крылов. Похвальная речь науке убивать время). На наш взгляд, генезис иронии в данном случае связан с инверсией оценки, с несовпадением оценочных шкал (то, что оценено как пейоративное с позиции «строгих философов», вполне приемлемо и даже позитивно оценивается с точки зрения тех, кто описан сатириком).

По сравнению с текстами XVI-XVII веков важно отметить и такую черту текстов XVIII века, содержащих квазистереотипы: в них зачастую носители такого имени оказываются действующими лицами; более того, в ряде случаев именно они эксплицируют авторскую шкалу оценок. Проанализируем с этих позиций «Разговоры в царстве мертвых» В. Приклонского и уже упоминавшиеся «Разговоры мертвых» М.Д. Чулкова.

В первом из отмеченных произведений выразителями оценочных ориентаций автора являются такие мифологические персонажи, как Харон (перевозчик умерших через реку Стикс) и Минос (в греческой мифологии - один из судей подземного царства). Ср.: «Минос: Что за тварь! (Отметим, что в XVIII веке за данным СВО еще не закрепились негативная оценка - Л.М.) Что за страшилище сюда идет! Да еще с пером и бумагой. Подьячий: Куда бы хорошо было, если б он мне теперь велел какую написать челобитную!» Комизм диалога состоит в том, что Минос встречается с подьячим-взяточником и соответственно оценивает его, определяя дальнейшую судьбу: «Первого я еще такого вижу, который столько жил незаконно на земле. Ступай отсюда к фуриям, пусть они мучат тебя за то, что грабил и брал ты со всех людей немилосердно и без пощады» (Там же). Немаловажным представляется и то, что речь Миноса насыщена эмотивными оценками, в то время как в авторской речи в текстах данной эпохи преобладают СВО рационального характера. Аналогичная ситуация отмечена нами в диалоге «Меркурий, Харон и Злоязычник» (один из «Разговоров мертвых» М.Д. Чулкова). Ср. негативную оценку Злоязычника (по мнению литературоведов, за этим антропонимом скрывается Ф.Эмин - Л.М.) из уст Меркурия: «Никого не выбирал он себе предводителем, почитая себя всех умнее, следовал пустой своей голове и испорченному мозгу. Приводил в доказательство своих бредней таких авторов, о которых целый свет никогда не слышал, и именовал их так дико...» Так же, как и в предыдущем случае, отмечаем обилие разнообразных СВО пейоративной ориентации и преимущественно эмотивного характера в устах персонажа, задача которого - эксплицировать авторскую шкалу оценок. Выше уже говорилось, что обилие имен-квазистереотипов, используемых в качестве СВО - характерная черта сатирических диалогов как специфического жанра литературы XVIII века. В то же время антропонимы и топонимы такого рода представлены и в иных жанрах достаточно широко. Ср., например, «Отрывок толкового словаря» Я.Б. Княжнина, где репрезентация квазистереотипов сопровождается комментариями, порой резко диссонансирующими с устойчивыми, сложившимися в узусе и закреплёнными за этими именами оценочными смыслами: Эол (в сознании реципиента XX века, уже освоившего такой прецедентный текст XIX в., каким является «Евгений Онегин», устойчивы ассоциации «Летит, как пух из уст Эола» - Л.М.) - «Бог ветров. Молодые вертопрахи (-) с усердием поклоняются сему богу, и для того они так ветренны и непостоянны (-). Зефир. Скучный ветерок. (-) Он всюду суется, и везде встречается. Пегас. Крылатая лошадка, которая таскает и хорошее, и дурное (-)». Как общий принцип использования оценочных квазистереотипов в данном случае может быть отмечена инверсия оценочного знака (от возвышенного, приподнятого - а коннотации такого рода закрепились за всеми данными именами - до комически искаженного, пародируемого и потому негативно оценочного). Особенно отчетливо это выражено в

содержащей пейоративно-оценочные лексемы (таскает, дурное) «словарной дефиниции», соответствующей имени Пегас, с которым обычно связаны позитивно-оценочные ассоциации - в поэзии он представлен как вестник вдохновения. Снижено и представление о Парнасе: «Ельник - Парнасские розги, которыми наказываются худые стихотворцы». Важно подчеркнуть, что в данном «Словаре», как и, впрочем, в других текстах такого рода (в частности, в «Опыте Российского словника» Д.И. Фонвизина, а также в «Опыте вещественного Российского словаря» неизвестного автора) нами выявлено лишь одно имя-квазистереотип, отсылающее к библейским прецедентным текстам и к религиозной системе оценок вообще. Даже оно встречается в окружении имен иного плана, хотя это сопоставление и не содержит кощунства [см. об этом Живов 1981, с. 56]: «Вольтеровы письма наполнены остротою, грамота Филиппова к Аристотелю внимания достойна, послания святого Павла богодухновенны» (Д.И. Фонвизин. Опыт Российского словника). Симптоматичен тот факт, что в литературном языке XVIII в. зафиксированы попытки возвращения к квазистереотипам времен язычества; но, поскольку такие имена нуждались в сопровождающих комментариях, очевидно, их оценочный потенциал поддавался декодированию с трудом, что свидетельствует о тщетности искусственного возрождения оценочного квазистереотипа: «В третий день моего путешествия, когда просыпалась Зимцерла, спустился я с превысокой горы...» (М.Д. Чулков. Пригожая повариха). Авторское примечание, нацеленное на «возрождение» вышедшего из активного употребления в речи квазистереотипа, гласит: «Зимцерла - славенская богиня, она была то же, что и Аврора, имела храм в Киеве...»

Снижение мелиоративных коннотаций имен-квазистереотипов и как следствие этого инверсия оценочного знака - достаточно широко распространенный способ применения анализируемых СВО в текстах XVIII века. Ср. микроконтексты из «Портретов» А.И. Клушина, содержащие имена-квазистереотипы с закрепленным позитивно-оценочным значением: «Пот лил с меня градом, и, хотя я мог получить простуду, но не внимал детищам Эвскулаповым, которые имеют честь род человеческий отправлять на тот свет... И теперь еще могут быть толь великие люди, ежели истребят ложных Меценатов, которые не покровительствуют, но подавляют науки...» Можно утверждать на основании данных случаев и подобных им, что именно закрепленная за именем-квазистереотипом оценка (в большинстве контекстов такого рода негативная) способствует трансформации топонима или антропонима в нарицательное имя.

Инверсия оценочного знака, связанная с именем богини Авроры (символа красоты, обычно эксплицирующего лишь позитивно-оценочные значения) также отмечена нами в текстах XVIII в. Интересно, что переориентация оценочного знака имеет трагический характер, ср.: «Румяна утрення Аврора Взлезая в верх из-за забора Выглядывала мордой всей; Четверку лошадей впрягала, Путь Солнцу в мир приготавлиала»

(Н.П. Осипов. Вергилиева Енейда, вывороченная наизнанку). Однако трагически сниженное употребление данного мелиоративно-оценочного имени-квазистереотипа вовсе не свидетельствует о том, что обозначаемое им явление негативно оценивается носителями языка в рассматриваемую эпоху; напротив, по нашему мнению, подобная речевая реализация свидетельствует о том, что квазистереотип полностью освоен и воспринят языком и культурой. Развитие же контекстуальной амбивалентности также может быть показателем развития системы имен-квазистереотипов и языковой системы СВО в целом. Кроме того, употребление имени богини, пусть античной, а не христианской, в стилистически сниженном контексте (ср. контекстуально сопряженные лексические единицы, уже в языке данной эпохи имеющие просторечную стилистическую квалификацию - взлезая, морда), отражает предельно «земное» восприятие божественного, что также является косвенным показателем секуляризации оценочной системы.

Бесспорно, однако, что позитивный знак оценки в связи с данным именем-квазистереотипом фиксируется в лексической системе русского языка XVIII в. значительно чаще. Это затрагивает как семантику, так и стилистическую квалификацию (обычно сопровождающуюся приметой поэт.): «Аврора розами путь солнцу устилала, И утренней росой природу оживляла» (Зритель, 1792).

В то же время в употреблении этих единиц языкового фонда в качестве СВО тексты XVIII века следуют традиции предшествующего периода развития русского литературного языка. Так, нами выявлены случаи их использования в качестве средства полемического заострения пейоративной оценки: «Ты новый Ерострат (Герострат, известный сожжением храма - Л.М.). Бесчестьем своим быть хочешь всем известным» (Сатирические журналы Н.И. Новикова). По мнению В.П. Степанова, эта литературная аллюзия принадлежит Ф.Эмину и выступает в качестве характеристики М.Д. Чулкова [Степанов 1976, с. 57]. Ср. также: «Все музы, ... приходили ко своему отцу и со слезами жаловались на дерзновение молодых писателей, Мельпомена и Талия проливали слезы и казались неутешными» (там же).

Как и в текстах XVII века, в источниках более позднего времени встречаем апелляцию к имени-квазистереотипу как к идеалу/антиидеалу: «Ежели воззрим мы на историю прошедших веков, то увидим, что в других государствах науки шествовали медленными стопами; но в России, при самом зарождении их, возникли новые Пиндары, Вергилии, Расины и Мольеры...» (А.И. Клушин. Портреты).

Следует отметить, однако, что инвентарь имен-квазистереотипов в русском литературном языке XVIII в. пополняется и квалифицированными именами, практически современными данной эпохе. Ср.: Гарпагон (имя действующего лица комедии Ж.-Б. Мольера «Скупой»): «Неох, приметив, что етот Гарпагон не верит кривой его истине, принялся убедить его ясным показательством» (М.Д. Чулков. Пересмешник). На наш взгляд,

это также свидетельствует о том, что постепенно меняется отношение к самому имени как к оценочному средству, и из сакральной характеристики (как это было в корпусе текстов XVII в.) оно становится характеристикой «земной»; особо следует отметить то, что и авторство, и артефактный характер этого имени) вполне очевидны (оно не могло быть почерпнуто, например, из святцев и пр., и, следовательно есть творение человеческого разума, а именно – факт творчества конкретного комедиографа. Помимо этого, лаконичность и емкость негативной характеристики, требующей для своего эксплицирования определенной апперцепционной базы (для языковой личности носителя светской культуры в рассматриваемую эпоху знание и декодирование негативно оценочной семы «скудость» является необходимым признаком, отражающим знакомство с европейской культурой своего времени) отражает и систему взглядов и общеоценочных представлений о том, что следует соотносить с позитивным, а что – с негативным полюсом шкалы оценок. Мы можем говорить и о расширении понятия «прецедентный текст» применительно к русскому языку XVIII в. – в число прецедентных, как это явствует из приведенного здесь примера, включаются и тексты современные; и о десакрализации восприятия того или иного текста как прецедентного («низкий») жанр комедии также включен в число потенциальных прецедентных текстов).

Знаменателен также тот факт, что в оценочной системе русского языка XVIII в. вновь обретают «права гражданства» имена древних славянских божеств: Дажьбог, Стрибог и пр.: «Дажьбог, Дажь или Дашуба. Славенский, Киевский бог, почитали его богом подателем благ и также еще богом богатства» (М.Д. Чулков. Краткий мифологический лексикон). Однако, помимо приведенной здесь нейтральной дефиниции констатационного характера («имя данного древнеславянского божества имело позитивные коннотации») мы находим и употребление его в качестве оценочного квазистереотипа с позитивной квалификацией: «Летит дождь теплый вниз на нивы, ... где Дажь благой и щедрый родил древа и злаки» (А.Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву). На наш взгляд, использование данных имен в качестве СВО с мелиоративно оценочным значением может послужить свидетельством того, что табуистическое отношение к языческому прошлому Руси, еще отчетливо проявляющееся в языке XVII в., так же, как и негативная оценка античной мифологии, уже являются для языка XVIII в. фактами прошлого, а не факторами, формирующими систему позитивных и негативных квалификаций носителей языка в рассматриваемый в данном разделе период.

Таким образом, употребление имен-квазистереотипов с характерными оценочными коннотациями и их способностью актуализировать в сознании реципиента связанную с ними цепь ассоциаций либо прецедентный текст в литературе XVIII века существенно расширяется как в плане выполняемых функций, так и в отношении выбора самих СВО. В какой-то мере тексты XVIII века, содержащие оценочные имена-

квазистереотипы, можно считать своего рода «мостиком» между актуализацией этих средств в произведениях XVII века с одной стороны и в литературе XIX века – с другой.

3.3. Имена-квазистереотипы и реализация их оценочного потенциала в русском литературном языке XIX века.

В литературном языке XIX века еще более, чем в текстах предшествующей эпохи, актуализирована способность языковых единиц этого рода выступать в качестве «структур высших ярусов», отражающих «высшие языковые способности личности: тематический и идеологический анализ, использование символов, цепей словесных ассоциаций» [Караулов 1987, с. 33].

Как и в XVIII веке, количественное первенство принадлежит собственным именам с устойчивыми оценочными ассоциациями, ориентированными на античную культуру и античную мифологию. Что касается ономастики, оценочный и экспрессивный ореол которой опирается на идеологемы христианской религии, то, безусловно, по сравнению с литературным языком XVII века и их количество, и их отбор претерпели существенные изменения. Основываясь на анализе конкретного фактического материала, можно утверждать, что в процессе эволюции литературного языка был совершен отбор имен-квазистереотипов с учетом сферы восприятия реципиента XIX века. Безусловно, определенное место в системе тезауруса носителя литературного языка XIX века продолжают сохранять имена-квазистереотипы, ориентированные на христианскую религию, что и обуславливает оценочный знак, закрепленный за ними. Ср.: «И бог, видя такую его преданность, воззрел на него. Через короткое время Иов был и здоров, и богат, и славен более прежнего» (М.Е. Салтыков-Щедрин. Деревенский пожар). «Поглядеть на тебя с бороды, как есть Авраам, а на деле сосновый чурбан...» (П.И. Мельников. В лесах). «Это вот только такие бабники и тряпки, как Павлищев, свершив немало пакостей в молодости, после «мякнут» и изображают из себя кающихся Магдалин!» (К.М. Станюкович. Откровение). «- Ишь, Искарriot, ошалел! - шепнул мне Изуверов, по-видимому, принимавший в старухе большое участие. И чтоб он, расподлец, хворости или старости на помощь пришел - ни в жизнь этому не бывать! (М.Е. Салтыков-Щедрин. Игрушечного дела людшкы). «Не верьте этим Иудам, хамелеонам! В наше время легче потерять веру, чем старую перчатку...» (А.П. Чехов. Двое в одном). «Глядя на него, забываешь, что он силен, как Голиаф» (А.П. Чехов. Драма на охоте). «Пусть дерзкий и наглый Голиаф от пределов Франции обносит на краях России смертоносные ужасы; кроткая вера, сия праща российского Давида, сразит внезапно главу кровожадущей его гордыни. Се образ преподобного Сергия, древнего ревнителя о благе нашего отечества, приносится вашему императорскому величеству. Болезную, что слабеющие мои силы препятствуют мне насладиться любезнейшим

вашим лицемерием. Теплые воссылаю к небесам молитвы, да всеильный возвеличит род правых и исполнит во благих желания вашего величества» (Л.Н. Толстой. Война и мир).

Небезынтересен тот факт, что антропонимы с закрепленной мелиоративной оценкой могут подвергнуться ироническому переосмыслению (ср. употребление имен Иов, Авраам, Магдалина), могут как сохранить положительный смысл путем отсылки к основанию оценки, так и интенсифицировать способность к выражению негативно оценочного значения (случай с употреблением имени Голиаф); имена-квазистереотипы с негативно оценочными коннотациями, напротив, зачастую трансформируются в инвективы, полностью утрачивая когнитивную функцию и закрепляя за собой эмотивную [Кажигалиева 1998, с. 27].

Ироническому переосмыслению данных единиц лексической системы может способствовать и образование производных, ср. отмеченное в словаре «Русская мысль и речь» «пилатить» (от Пилат). Негативная оценка, относимая к денотату квазистереотипа, в производном сохранена и интенсифицирована отрицательной оценкой его как речевого факта, со стилистических позиций.

Переосмысление антропонимов с закрепленными мелиоративными ассоциациями может произойти в рамках устойчивого выражения (и также во многом благодаря взаимодействию оценочного и стилистического маркеров): Пифагоровы штаны – «Это в несомненности мудрец. В древности он наверное выдумал бы пифагоровы штаны...» (М.Е. Салтыков-Щедрин. Пестрые письма). Ср. также: «Да, Аммос Федорович, кроме вас, никому говорить. У вас, что ни слово, то Цицерон с языка слетит» (Н.В. Гоголь. Ревизор) - синтагматическая инверсия; «Может быть, этот самый обыватель, который цицеронствует насчет распушенности голодного мужика, и чувствует в глубине сердца, что всем его рассуждениям грош ломаный» (П. Боборыкин) - эксплицирование негативной оценки посредством особенностей образования производного, представляющего собой аксиологическую характеристику речи. Интересно, что в последнем случае широкий словообразовательный потенциал квазистереотипа (явление в целом нетипичное) также служит базой для инверсии мелиоративной оценки, заключенной в нем. На наш взгляд, эта инверсия и формируемая при ее помощи экспрессивность обусловлена ненормативностью, окказиональным характером новообразований: «разведи там... какую-нибудь мантифолию поцицеронистей, а уж какое спасибо получишь!» (А.П. Чехов. Оратор).

Отметим также, что в языке данной эпохи наблюдается интенсификация связей между собственно ономастиком и инвентарем топонимов-квазистереотипов и иными символами - как национально-специфичными, так и носящими межкультурный характер. Так, интересно в этом плане рассмотреть устойчивые оценочные ассоциации, связанные с названиями букв кириллического алфавита, которые периодически используются и

как собственные имена, могущие в то же время послужить обозначением класса объектов. Ниже будет рассмотрено название буквы старославянского алфавита – юс; оно зачастую служило обозначением юриста-крючкотвора и в этом качестве использовалось как своеобразный собирательный антропоним квалифицирующего, аксиологического характера. В данном случае налицо сходная трансформация, в процессе которой оценочное значение становится превалирующим (хотя, безусловно, о когнитивной функции данных единиц можно говорить также весьма условно). Ср.: юс на юс напал - лукавый напал на лукавого, один кляузник на другого (как толкуется это фразеосочетание в словарях XIX в). На наш взгляд, можно говорить о том, что такие аксиологические коннотации единиц лексической системы, во-первых, предельно прагматичны (в их семантике не содержится никакого указания на соотнесенность со шкалой оценок); во-вторых, налицо их национальная специфичность.

В то же время существенно расширяется и возможность переосмысления ассоциаций, сопровождающих квазистереотипы как средства выражения оценки. Так, можно утверждать, что гораздо более типичным по сравнению с литературным языком XVIII и тем более - XVII века является ироническое переосмысление квазистереотипов, уже упомянутое выше. Обратимся к анализу фактического материала. Так, парадоксальным на первый взгляд кажется употребление имени Катон в следующем контексте: «Истинный порок не нуждается в прикрытии: но сам свое знамя высоко держит, - так говорили заматерелые пороки-Катоны...» (М.Е. Салтыков-Щедрин. Добродетели и пороки). Безусловно, сопрягая семантическую структуру слова порок (а в данном контексте оно становится эквивалентом собственного имени) и указанного антропонима, Салтыков-Щедрин подчеркивает ораторские способности, которыми был наделен государственный деятель Катон-Старший. В то же время налицо определенный оценочный диссонанс, порожденный несовместимостью устойчивых аксиологических коннотаций, закрепленных за именем Катон (ему, как известно, сопутствует положительная оценка, т.к. с ним связаны представления о суровой честности и неподкупности его носителя), и семантики слова «порок», в самом денотате которого заложена негативная оценка. Ср. иное употребление этого же антропонима: «Она была справедлива, как Аристид, и строга, как Катон» (А.П. Чехов. Исповедь, или Оля, Женя, Зоя), где сохраняется устойчивое, закрепленное за антропонимом оценочное представление. В то же время предшествующий случай характерен и употреблением собственного имени, являющегося идентификатором единичного объекта, лица, в форме множественного числа. Это ненормативное употребление, сопрягаемое с негативной частью оценочной шкалы, по нашему мнению, служит одной из причин инверсии оценочного знака, закрепленного за антропонимом: «Напрасно затеваешь, Осип! Не твое и дело - в Гоголи лезть да в Крыловы» (А.П. Чехов. Водевиль).

Кроме того, инвертированный знак оценки может являться следствием

несоответствия (называемого в стилистике декодирования приемом «обманутого ожидания» [Арнольд 1972, с. 10]. Акцентируем внимание на том, что наиболее часто подобная ситуация отмечается нами в случае употребления антропонима с так называемым «пустым» денотатом, ориентированным на определенные мифологические представления.

Так, имя Прозерпина, окруженное мифологическим ореолом таинственности (в античной мифологии - жена повелителя подземного царства Плутона) и вследствие этого амбивалентное в плане соотносительности со шкалой оценок, может стать комически сниженным благодаря взаимодействию с СВО иного, морфологического уровня (диминутивом), а также с контекстуальным окружением, преднамеренно доведенным до абсурда: «...старшую дочь звали Прозерпиночкой: прилетят уланы-юнкера, прижмут Прозерпиночку к уголку и крутят усы» (М.Е. Салтыков-Щедрин. Чижиково горе). Эксплицированию иронии способствует и субъективно-оценочная форма имени-квазистереотипа, что отмечается и в приводимом далее текстовом отрезке: «С тех пор, как я стал молиться тебе, Эраточка, ни одно мое стихотворение не было похерено» (А.П. Чехов. Современные молитвы). Эрато - муза эротической поэзии, и неоднозначность восприятия данного явления, безусловно, усиливает амбивалентность оценки. Во многом сходна ситуация в следующих контекстах: «И надолбил он (дятел - Л.М.) целую охапку исторических исследований: «Родословная лешего», «Была ли замужем Баба-Яга?» (М.Е.Салтыков-Щедрин. Орел-меценат). «Один только я такой несчастный, что ты у меня Ягой на свет уродилась» (А.П.Чехов. Невидимые миру слезы).

Обманутое ожидание в комплексе со сцеплением порождает, как правило, переход от положительно оценочных к негативно оценочным ассоциациям. Так, последующий контекст, сужая сферу действия заложенной в имени-квазистереотипе позитивной оценки, тем самым трансформирует ее в противоположную: «Парис окружных городков, Подходит к Ольге Петушков» (А.С.Пушкин. Евгений Онегин).

Инвертированные оценочные ассоциации могут быть predeterminedены только синтагматически, т.е. индуцированы контекстом, и носить характер оценочного диссонанса: «Возвестители “нового слова” представлялись мне вроде чревоушителей, которые урчания собственной утробы принимают за прорицания Пифии» (М.Е. Салтыков-Щедрин. За рубежом). Квазистереотип Пифия с присущим ему оттенком торжественности, реализующемся в синтагматических и парадигматических связях данной единицы лексической системы - возможно построение ассоциативного ряда “прорицает, вещает, предсказывает, пророчит” и пр. - диссонирует и по закреплению за ним оценочному знаку, и по стилистической принадлежности с контекстуальным окружением - “чревоушители”, “урчание утробы”.

В литературном языке XIX века интенсифицируется способность имен-квазистереотипов служить, наряду с выразителями позитивной/

негативной оценки, в качестве временных идентификаторов, которые, наряду с указанием на уровень тезауруса личности, способны указывать в опосредованной форме на эпоху: «Ты, поди, не знаешь, что и Бонапарт умер? - Какой такой Бонапарт? - То-то вот. А не знать об этом худо. Ужо гости приедут, разговаривать будут. Скажут: «При Бонапарте это было», - а ты будешь глазами хлопать. Нехорошо» (М.Е.Салтыков-Щедрин. Орел-Меценат). Ср. также следующий микроконтекст: «И, в заключение, самого старого скворца определили стихотворцем, под именем Василия Кирилыча Тредьяковского... А Василий Кирилыч тут как тут. Те же холопские сюжеты взял, да так их явственно изложил, что орел только и дело, что повторял: «Имянно! Имянно! Имянно!» и в заключение надел на Тредьяковского ожерелье из муравьиных яиц...» (там же).

Как справедливо указывает Ю.Н.Караулов, «знание прецедентного текста (в данном случае это положение применимо к имени как к концепту, ориентированному на прецедентные знания - Л.М.) есть показатель принадлежности к данной эпохе и ее культуре, тогда как его незнание, наоборот, есть предпосылка отверженности от соответствующей культуры» [Караулов 1987, с. 216]. Именно антропоним является в подобных случаях своеобразным ключом, позволяющим декодировать имплицитную авторскую иронию. В то же время и литературный язык XIX века демонстрирует такую сторону квазистереотипов, как их соотносительность с определенной эпохой. Так, читатель конца XX века, не обладая специальными знаниями (в разряд общих для социума фоновых знаний они уже не могут быть отнесены), вряд ли успешно декодирует негативную оценку, которую репрезентирует имя с закреплёнными за ним ассоциациями в следующем контексте: «...он взял да ВСЕ три рублика нищему в суму и ухнул!

- Батюшки! Да из него Картуш выйdet! - невзвидела света мамочка...» (М.Е. Салтыков-Щедрин. Дурак). Доминик Луи Картуш являлся атаманом известной во Франции XVIII в. шайки, следовательно, сравнение с разбойником отражает негативное отношение к поступкам оцениваемого субъекта, одновременно вводя нас в тезаурус и прагматикон языковой личности середины XIX века. «...несмотря на мнимую вечность произведений искусства, - отмечает А.А.Потебня, - настает пора, когда с увеличением затруднений при понимании, с забвением внутренней формы произведения искусства теряют свою цену» [Потебня 1976, с. 182].

Оценочные смыслы имен-квазистереотипов диалектичны: с одной стороны, они выступают как хранители аксиологически ориентированной информации, с другой - могут усложнять декодирование текста, отражающего стереотипы иного социума. На уровне допущения можно говорить также о том, что в истории языка ускоряется процесс закрепления за именем-символом оценочных смыслов, т.е. обретения им функций квазистереотипа. Приводимые нами ниже контексты свидетельствуют о том, что наиболее отчетливо такое ускорение наблюдается в сфере

литературной антропонимики. Так, Иудушке Головлеву достаточно было нескольких лет, чтобы перешагнуть границы творчества М.Е. Салтыкова-Щедрина и превратиться в антропоним-квазистереотип. Именно в таком качестве он предстает перед нами в одной из чеховских юморесок: «Мнение Иудушки. Хе-хе-хе! Обидели моих голубушек... И к чему это против характера делать? Вместо того, чтобы шляпы снимать, они бы так сделали: отдали бы мужчинам партер, а дамочкам - галерку - и шляпы целы, и всем видно! Хе-хе...» (А.П. Чехов. Мнения по поводу шляпной катастрофы). Это утверждение можно отнести и к гоголевскому Ноздреву («Отталкивала меня от него настоящая ноздревщина... мне все так и казалось, что он мне дома у себя всучит либо борзую собаку, либо шарманку» (Н.С. Лесков. Отборное зерно), а также к ониму Кречинский, ставшему в языке XIX в. синонимом к номинации делец-плут: «Крысинский, как Кречинский, не сказал отчаянное «сорвалось», а, напротив, произнес с надеждою на будущее - Не сорвется!» (А. А. Соколов. Тайна). Аналогичен процесс превращения в квазистереотип имени Квазимодо, которое, однако, требует определенного уровня апперцепционной базы. В то же время ядерной семей, служащей опорой для вхождения квазистереотипа в фонд оценочной лексики, является сема «безобразия», т.е. основание оценки по преимуществу эстетическое, которое способно подвергаться различным трансформациям в контексте (в частности, оно может быть соотнесено с оценкой этического характера): «Как отвратительно мне было смотреть на его вечную насмешливую улыбку! Это было чудовище, нравственный Квазимодо» (Ф.М. Достоевский. Записки из Мертвого дома); «Отец, ввиду уродства спасенного..., хотел прозвать его Квазимодо» (Д.В. Григорович Город и деревня). Отметим, что имя трансформировалось в квазистереотип, закреплённый в соответствующей лингвокультурной общности, благодаря тому, что оно представляет личность, наделенную специфичным лексиконом, тезаурусом и прагматиконом. Аналогичную картину, основанную, однако, более на внешнем сходстве, нежели на составляющих языковой личности, отмечаем и в следующих случаях: «В цилиндре, в шубе нараспашку, он напоминает мне на первых порах Репетилова; потом же, когда я всматриваюсь в его бледное лицо и необыкновенно острые, словно воспаленные глаза, сходство с Репетиловым исчезает» (А.П. Чехов. Тапер); «В сей день Собакевич наступил на ногу губернатору» (А.П. Чехов. Календарь «Будильника»); «Такие выражения, как индюк, Собакевич, пузан и пр. покоробили его самолюбие» (А.П. Чехов. Месть). В качестве исходного пункта для актуализации аксиологических смыслов антропонимики этого рода можно отметить и особенности сюжета, порождающие соответствующее восприятие и оценку:

«- Вы, Иван Иванович, будете дело делать?»

- Где мне, Иван Никифорович! Моя изба с краю: вот разве вы...

- Что вы! Что вы! Разве я об двух головах!» (М.Е. Салтыков-Щедрин. Мала рыбка, а лучше большого таракана). Имена гоголевских персонажей

в данном случае с большей степенью экспрессии эксплицируют пейоративное отношение к обывательской позиции, выраженной отсылкой к известным квазистереотипам. Аналогична ситуация с пейоративными коннотациями, закреплёнными за антропонимом граф Нулин: «Способ а la граф Нулин, нередко практикуемый проезжими адвокатами, едущими на съезд мировых судей» (речь идет о способах покорения чужих жен - Л.М.) (А.П. Чехов. К сведению мужей. Научная статья).

Отсылочная функция квазистереотипов может роднить их с достоверными квалификациями. Пронаблюдаем это на примере контекста, в котором отсылка к известному имени служит *argumentum ad personam*, подчеркивая достоверность информации. «...по свидетельству того же Брэма, насколько гиена ехидна, настолько она и труслива», «...именно эту разновидность гиен имеет Брэм в виду, когда говорит, что гиены обладают отвратительно резким голосом, издают противный запах...» (М.Е. Салтыков-Щедрин. Гиена). Имя, актуализируя закреплённые за ним ассоциации, подтверждает и следующие аксиологические суждения: «Иногда нам кажется, что «гиенское» готово весь мир заполнить, что оно и одесную, и ошуюю распространило крыле и вот-вот задушит все живущее» (там же).

Выше уже отмечалось, что для антропонимов и топонимов-квазистереотипов в XIX веке становится довольно типичной инверсия знака оценки. Подтверждение этому находим во множестве микроконтекстов: «В сей день, в 148 году, Муций Сцевола проиграл в стуколку свое имущество» (А.П. Чехов. Календарь «Будильника»). Комизм фрагмента и обманутое ожидание становится явным при эксплицировании фоновых знаний о носителе имени: Муций Сцевола - римлянин, знаменитый своей твердостью и презрением к боли и смерти. Патетика, связанная с образом, диссонирует с остальным текстом (особенно если учесть, что в эпоху Сцеволы стуколка не существовала. В целом при анализе имен-квазистереотипов с инвертированным оценочным знаком следует отметить, что явление это имеет место в основном тогда, когда выражаемые именем аксиологические коннотации диссонируют с несвойственными именам грамматическими особенностями либо с контекстуальным окружением: «Сидел Егорушка по-турецки, поджав под себя ноги. Около него, на полу, лежала его приятельница Калерия Ивановна. Князь пил пиво, его Дульцинея - мадеру» (А.П. Чехов. Цветы запоздалые). И внутренняя форма антропонима Дульцинея (от испанского «нежная, сладкая»), и закреплённые за ним мелиоративные коннотации явно не соответствуют приведенному описанию. Ср. также граничащее с пародийным снижение имен, ориентированных на античную мифологию: «Мимо нас проходит наш департаментский «отворяйло и запирайло», наш Аргус и Меркурий, пирожник и рассыльный, Спевсип Макаров» (А.П. Чехов. Добрый знакомый), а также антропонимов, «вводящих в светлое поле сознания» [Потебня 1976] представление о реальных личностях: «Когда подали шампанское, мы попросили нашего губернского секретаря

Отлетаева, нашего Ренана и Спинозу, сказать речь» (А.П.Чехов. Рассказ, которому трудно подобрать название); «Педагоги в Твери (удостоены чугунных медалей - Л.М.) - за отменную нетенденциозность в оценке таких плохих писателей, как какой-нибудь Тургенев» (А.П. Чехов. Список экспонентов, удостоенных чугунных медалей по русскому отделу на выставке в Амстердаме). При рассмотрении состава и функций квазистереотипов в литературном языке XIX в. становится возможным утверждать, что их состав довольно интенсивно пополняется именами (и, шире, символами), источником которых является русская история и культура: «...имя их часто встречается в наших летописях, при первых наших Московских Великих Князях, русской земли собирателях» (И.С. Тургенев. Дым). Фоновые знания реципиента как XIX, так и XX в. позволяют отчетливо эксплицировать скрытое за данным мелиоративно оценочным эвфемистическим обозначением имя Ивана Калиты.

Необходимо указать и на то, что античная мифология и культура, как и в XVIII веке, служит источником для пополнения фонда антропонимов-квазистереотипов; заложенные в них оценочные смыслы могут быть без особых затруднений декодированы и идентифицированы реципиентом: «Кругом были видны следы недавней встречи Вакха с Мельпоменой, встречи тайной, но бурной и безобразной, как порок» (А.П. Чехов. Калхас); «Мессалина совратила с пути истины не одного паиньку...» (А.П. Чехов. О женщинах); «Представь, Софья Николаевна нашла, что наш сын похож на Париса!» (А.П. Чехов. Папаша). Негативно оценочный потенциал квазистереотипов Вакх, Мессалина, как и позитивная оценка, закрепленная за антропонимом Парис, подтверждается взаимодействием с контекстуальным окружением.

Амбивалентный характер некоторых из этих имен не препятствует адекватному декодированию заложенной в них оценки; так, ироническое переосмысление закрепленных за квазистереотипом Юпитер оценочных ассоциаций отчетливо эксплицируется в различных контекстах и зафиксировано уже в указанном выше словаре М.И. Михельсона: «Поглядел Адуев пристально на начальника отделения: точно Юпитер-громовержец...» (И.А.Гончаров. Обыкновенная история); «Молодые бюрократы корчатся, хмурят брови, надсаживают свои брови, принимают юпитеровские позы...» (М.Е.Салтыков-Щедрин. Благонамеренные речи). Если в первом из приведенных текстовых отрезков налицо также сравнение, развернутое в гиперболу и тем самым снижающее и инвертирующее присущую имени положительную оценку.

Таким образом, в литературном языке XIX века нами отмечена дальнейшая эволюция имен-квазистереотипов. Существенно меняется и спектр этих СВО, и принципы их использования. Важно отметить, что возможность инверсии закрепленного за ними оценочного знака подчеркивает амбивалентный характер, присущий, по видимому, большинству оценочных средств инвентаря языка, а также свидетельствует об осмыслении носителями языка наличествующих в

квазистереотипах диалектических противоречий: во-первых, в системе языка имя как концепт наименее информативно - квазистереотип же в силу символичности [Введенская, Колесников 1995, с. 47] актуализирует в сознании цепь ассоциаций; во-вторых, диалектической по природе является трансформация оценочного знака; в-третьих, в этих оценочных единицах нами отмечено противоречие когнитивной и эмотивной сторон значения. Все это служит показателем развития имен-квазистереотипов как составляющих оценочной системы русского литературного языка.

ГЛАВА 4. ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ТЕКСТ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ОЦЕНОЧНОГО КОНТИНУУМА

4.1. Реализация оценочного потенциала прецедентных текстов в русском литературном языке XVII в.

Понятие «прецедентный текст» (ПТ), занимающее своеобразное, пограничное положение на грани синхронии и диахронии, исторически изменчиво. Следует отметить, что под прецедентными мы понимаем «тексты, значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной личности» [Караулов 1987, с. 216]. Упомянутая выше изменчивость, «текучесть» ПТ выражается не только в том, что для каждой эпохи развития литературного языка характерен определенный корпус прецедентных текстов, но и в том, что аксиологические функции, выполняемые ими, могут подвергаться трансформации. Прецедентные тексты в русском литературном языке данного периода уже выполняют функции, которые позволяют включить их в число средств выражения оценки на уровне целого текста. Так, с их помощью актуализируются те или иные аксиологически ориентированные ассоциации, которые, однако, в русском литературном языке XVII в. основном связаны с религиозными текстами. Для данных текстов характерна также четкая противопоставленность позитивных и негативных оценок, возможность появления амбивалентных квалификаций практически исключена. По нашему мнению, четкая соотнесенность текстов, являвшихся прецедентными для данного периода в истории развития русского литературного языка, с той или иной частью шкалы оценок, и преимущественное использование религиозных текстов в качестве ПТ (либо их толкование, связанное с конфессиональной системой оценок) — характерные черты данного периода истории развития русского литературного языка. Специфика оценочного плана, представленного путем актуализации аксиологического компонента ПТ, отражает также специфику языковой картины мира, характерной для данного периода, в целом. Как указывает в этой связи Н.П. Певная, «анализ языковой картины мира располагается на стыке лингвистики и других областей гуманитарного знания. В центре этой картины мира находится человек, языковая личность. Поэтому языковая картина мира, оставаясь общим для всего языкового коллектива конструктом, всегда будет преломляться сквозь призму индивидуального видения мира. Именно в этой точке сознания язык становится отражением внутреннего «я», и общее становится индивидуально увиденным, пережитым, осмысленным. Поэтому анализ ключевых (базовых) концептов языковой картины мира был бы неполным без исследования процессов трансформации общего в

индивидуальное, что наиболее характерно для художественного дискурса. С этой целью данные, полученные в результате анализа языковых единиц, дополняются информацией, извлеченной из дискурса, что позволяет реконструировать не только элементы языковой картины мира, их семантику, но и специфику ментальных процедур, аксиологические приоритеты, систему этических норм отдельной языковой личности, представителя данного лингвосообщества. В современной лингвистике принято считать, что установка на дискурс предоставляет возможность рассматривать значение лексической единицы на уровне пропозиции» [Певная 2007].

Если обратиться к конкретным прецедентным текстам, входящим в «светлое поле сознания» реципиента в указанный период, то в качестве наиболее продуктивного направления их исследования может быть избран анализ функционирования библейских текстов либо текстов, отражающих и формирующих картину мира, которая представлена в литературном языке XVII в. По словам В.Н. Телии, «языковая картина мира — факт национально-культурного наследия. Язык и есть одна из форм фиксации этого наследия, в том числе примет, поверий и т. д. Так, если в русском языке слово гусь вызывает представление о важности или жуликоватости, то в английском эта реалия ассоциируется с богатством, глупостью и т. д. Именно образно-ассоциативное восприятие иначе «рисует» процессы ментального характера в русском и английском языках (что, естественно, распространяется на любые языки, особенно неродственные). В русском языке, например, смысл 'быть целиком занятым какими-либо мыслями' выражается сочетаниями, где глагол — продукт косвенной номинации и потому имеет связанное значение: (целиком) погрузиться в свои мысли; быть поглощенным своими мыслями и т. п.; в английском выступают другие средства и способы для выражения заданного смысла. Примеров подобного рода можно привести сколь угодно много, поскольку языковые картины мира необычайно разнообразны» [Телия 1986, с. 31].

Как указывает О.А. Боровских, «проблема исследования прецедентных текстов остается актуальной в наши дни и обусловлена возрастающей нелинейностью, глубиной и многомерностью речевой информации в современном мире. Как правило, в дискурсе, особенно в его художественной разновидности, прецедентные тексты, вводимые автором, подвергаются разного рода семантическим и формальным трансформациям, что, в частности, позволяет им выполнять разнообразные художественные задачи» [Боровских 2008].

Так, известный ПТ Ветхого Завета об Аароне мы можем встретить в целом ряде текстов рассматриваемого периода, в т.ч. - в «Беседе о кресте к неподобным» протрпопа Аввакума: «Поими Аарона и сыны его и одежи. И елей помазания, и телец, иже о гресе, и овен, и собор созови к дверем сени свидения». Эта ссылка на ПТ сопровождается параллелью с современностью, причем с риторическим апеллятивом, носящим полемичный характер: «Никон с товарищи, смотрите-тко, каков

Аарон-от наряден! А и ты митру таковую же носил, я, веть, видел сам на тебе, жидовской патриарх!» Негативная оценка, запрограммированная в библейском тексте и сопряженная с именем Аарона, проецируется на современника, причем является более образной, яркой и вызывающей в сознании реципиента целый ряд аксиологически ориентированных ассоциаций негативного плана (именно ПТ актуализирует смы «корысть», «ересь», «тщеславие» и пр.) Аналогичны негативные оценки, формируемые с помощью ПТ, связанных с именами Анны и Каиафы, ср.: «Как поймают раба тово Христова, так так же возятя над ним, якоже и над Христом: от Анны – к Каиафе, от Каиафы – в претор» (Там же). Можно считать весьма типичным использование параллелизма, строящегося по схеме ПТ-современность, который обладает высоким суггестивным потенциалом. По нашему мнению, это обусловлено прежде всего заложенными в ПТ оценочными смыслами: «Отцы твои, Анна и Каиафа, довольно ведают то, вопросы их, и возвестят тебе. Ваши старейшины такие же гордоусы были, как и вы. Так же от всеночных тех пиров толсты были брюха те у них, как и у вас, никониян. ...»

Иного типа использование ПТ имеет место при ссылке на Послание апостола Павла к ефесеям. «В этом послании ... Аввакум, используя большой отрывок из апостольского послания, не ссылается на источник, а слегка изменив текст, заменяет апостольское имя указанием на себя» [Демкова 1998, с. 64]:

Оригинальный ПТ	Трансформированный ПТ
Сего ради аз, Павел, юзник Иисус Христов, о вас, языцех, аще убо слышате смотрение благодати Божия, данныя мне в вас, яко по откровению сказася мне тайна, якоже преднаписах вмале	Сего ради и аз, протопоп, юзник Иисус Христов, о вас похвалюся, строителех церковных и чадах моих присных, яко по откровению сказа ми ся тайна, яко преднаписах вам вмале.

В процессе сопоставления становится очевидным, что результатом трансформации ПТ является в первую очередь усиление оценочного колорита (в данном случае мелиоративного). Интенсификация положительной оценки достигается, во-первых, за счет конкретизации (вместо абстрактного и потому менее интенсивного в аксиологическом плане аще убо слышате смотрение благодати Божия, данныя мне в вас... мы наблюдаем предельно точное основание позитивной оценки: о вас похвалюся, строителех церковных и чадах моих присных). Во-вторых, более интенсивная оценка в процессе трансформации ПТ достигается проекцией на современность, что представляет собой актуализацию основной функции прецедентного текста – служить связующим звеном

между культурным прошлым и современностью [Журавлева, Капарова 2007, с. 63]. Метафоричность ПТ также является одной из составляющих его оценочного и экспрессивного потенциала. Как пишет В.Н. Телия, «... способность творить и разгадывать метафору как наиболее продуктивное средство пополнения инвентаря языка, привносящее в него видение мира данным народом, опосредованное уже имеющимися в языке значениями слов, морфем, сочетаний слов и даже синтаксических конструкций, принадлежит языковой компетенции. Тем самым она связана с собственно человеческим фактором. Узнавание метафоры — это разгадка и смысловая интерпретация текста, бессмысленного с логической точки зрения, но осмысленного при замене рационального его отображения на иногда даже иррациональную интерпретацию, тем не менее доступную человеческому восприятию мира благодаря языковой компетенции носителей языка» [Телия 1986, с. 35]. Данное положение раскрывает один из принципов, в соответствии с которым строится употребление ПТ в качестве оценочного экспрессивного средства, а также декодирование его аксиологического и выразительного потенциала.

В качестве одного из наиболее частотных ПТ в русском литературном языке XVII в. следует отметить также «Шестоднев» Иоанна, экзарха болгарского. Это тот случай, когда призван формировать картину мира в целом, вследствие чего он носит преимущественно информативный характер. Преобразование же данного ПТ, как это будет продемонстрировано ниже, вскрывает его аксиологический потенциал, т.к. «прецедентный текст обрисовывает идеальное положение вещей, мир, в котором человек хотел бы жить, в то время как варианты этих тестов стремятся отразить реальный мир и реальную систему ценностей человека». Ср., например, трансформацию фрагмента данного ПТ в Послании протопопы Аввакума неизвестному, Ксении Ивановне, Александре Григорьевне (далее – в Послании): «Шестоднев» известен как текст преимущественно информативный, «свод научных знаний», отражающий характерную для человека того времени картину мира. В нем, как это следует из его жанровой специфики, изобразительное начало преобладает над оценочным и экспрессивным. Аввакум же, упрощая текст «Шестоднева», в то же время насыщает его оценочными ассоциациями, усиливая тем самым его экспрессивные возможности. Характерным примером такого аксиологического переосмысления прецедентного текста является упомянутое в Послании сказание о каркине и острее. В процессе трансформации данного ПТ мы не можем говорить о потере его информативности; скорее происходит ее усиление и переориентация в связи с параллелью аксиологического характера, которую проводит автор:

Оригинальный ПТ	Трансформированный ПТ

Каркин есть, да то желает зело ясти плоти остревы, но бедно ему есть уловити е, им же одежда ему есть, яко чрепина жестока. Да тем родом есть одено мягкое место и заключено в скольку тую тверде, да нечто створити каркину. Того цеша да егда е ублюдет в заветрьне месте зело сладеще се греюшее и противу солнцю свои лисце развезеше.

Есть в мори живот, именов острей, а другой – каркин. И желает каркин ясти плоть астрев и немощно ему улучити ея; в сколку огражена. Егда же острей уразумеет каркин в заветрение месте греюшее, разверше сколца своя, бив его каркин...О злой, пронирыливый каркин, прехитрил милаго острей-живота!

Тако то и никоняне, добывают христиан, умышляют, на смерть предают. Егда христианин не хотя их жертвам приобщатися, в заветреннем месте греюшее или молитвуют втай или ино что служит Богови, развершше сколца свои, сиречь не опасется бедной горюю, уведав же, еретицы на нь и, бив его, совсем разорят, яко острей каркин съедят совсем.

На наш взгляд, это тот случай, когда аксиологическая рефлексия осуществляется на основе прецедентного текста, но в то же время выходит за его рамки. Параллелизм оценочного характера (негативная оценка действий врагов – никониан основана на формировании устойчивых пейоративных связей между действиями хищной рыбы – каркина и тем, что они предпринимают, являясь в то же время объектом оценки). Таким образом, оставшиеся в текстах следы разных этапов освоения человеческим сознанием окружающей действительности не помещаются в привычной линейной схеме бытования языка [Костомаров, Бурвикова 1996, с. 297]. В сложившейся ситуации использование в речи прецедентных текстов и, что особенно важно, их трансформация на различных уровнях языка помогают наиболее точной передаче смысловых оттенков при вербализации представлений личности и социума об окружающем мире.

4.2. Аксиологические функции прецедентных текстов в литературном языке XVIII в.

Категория прецедентного текста, на наш взгляд, с наибольшей яркостью иллюстрирует переориентацию в системе оценок русской языковой личности XVIII в. Если в предшествующую эпоху к числу прецедентных относились преимущественно тексты религиозного содержания, ориентированные на церковно-богослужебную литературу (прежде всего это Библия), то в рассматриваемый здесь период все чаще в качестве прецедентных употребляются тексты, связанные с античной историей и культурой, т.е. все то, что «табуировалось» ранее. Ведь «язык играет существеннейшую роль в том, что называют "социальным

конструированием реальности". Конструирование реальности предполагает неизбежный ракурс в освещении событий, оценку, а часто и тенденциозность. По-разному информируя и по-разному убеждая, язык в разных источниках является как средством коммуникации, так и средством контроля в преподнесении информации» [Трошкина 2004, с. 235]. Вышеупомянутое конструирование реальности, как нам представляется, может успешно осуществляться также с помощью прецедентных текстов, которые также определяют ракурс изображения. С одной стороны, сам выбор прецедентного текста аксиологически значим, как это будет показано ниже; помимо этого, оценочность, содержащаяся в прецедентном тексте, может согласовываться либо диссонировать с текстовым фрагментом, частью которого ПТ является. «ПТ как устойчивые номинативно-эмотивные блоки, находящиеся в предречевой готовности» [Караулов 2003, с. 220], в связи с указанной особенностью успешно используются в процессе формирования оценочной атмосферы текста; они способны как индуцировать оценку, predisposing реципиента к восприятию скрытой в тексте аксиологической информации, так и интенсифицировать оценку, имеющую эксплицитное выражение, т.е. служить своеобразным ее «подтверждением».

Большое значение имеет также характер представления прецедентного текста. Автор, использующий данный тип текста в целях создания определенной оценочной атмосферы, может практически не давать комментариев и рассчитывать на адекватное его восприятие в ходе декодирования, что указывает на органическую связь между современным автором состоянием языка и представленностью в нем тех лингвокультурологических реалий, которые скрыты за данным прецедентным текстом. Как справедливо указывают Е.А. Журавлева и Ж.Д. Капарова, прецедентный текст является «связующим звеном между культурным прошлым и современностью» [Журавлева, Капарова 2007, с. 63].

В то же время достаточно частыми являются случаи подробного воспроизведения ПТ, в особенности тогда, когда он является своеобразным оценочным фоном и свидетельствует о том, что для данной языковой личности является позитивным и наиболее значимым в системе ценностей, ср.: «Вы читали «Тристрама» и помните нежных любовников; помните Амандуса, который, будучи разлучен со своею Амандою, странствовал по свету, попался в плен морским разбойникам и двадцать лет просидел в подземной темнице, для того что он не хотел изменить своей Аманде...помните, как сии любовники сошлись наконец в Лионе, отечественном их городе, увидели друг друга, обнялись – и упали мертвые... помните, что нежный Стерн, приближаясь к тому месту, где... надлежало быть их могиле, воскликнул: «Нежные, верные тени! давно хотел я пролить сии слезы на вашем гробе; примите их от чувствительного сердца!» - но вы помните и то, что Стерну не на что было пролить слез своих, ибо он не нашел гроба любовников: увы!

и я не мог найти его! спрашивал – но французы думают ныне о своей революции, а не о памятниках любви и нежности!» (Карамзин. Письма русского путешественника). Безусловно, подробное воспроизведение прецедентного текста рассчитано на то, что автор с помощью рефлексии над ним демонстрирует свою оценочную шкалу, и, если говорить шире, ценностную иерархию, характерную для определенной эпохи развития литературного языка.

Исследуя аксиологически ориентированное функционирование прецедентных текстов в русском литературном языке XVIII в., нельзя не обратиться к случаям использования ПТ, связанных с античной мифологией. Наиболее частым является использование данных прецедентных текстов с дескриптивной целью. Как правило, они включают также имена-квазистереотипы, т.е. имена, в составе которых отчетливо прослеживается культурный коннотативный компонент с ярко выраженной аксиологической направленностью: «Поистине сказать, вы русская Елена, а что сказывают о Венере, то таким бредням я не верю. Все молокососы собираются быть Парисами и продают глаза свои на вас. Избавь меня судьба, чтоб участь несчастного Менелая не воспоследовала со мною» (Чулков. Пригожая повариха). Однако дескрипция в данном и подобных ему случаях зачастую сочетается с оценкой. Так, следует отметить стилистический и аксиологический диссонанс, отражающий авторские интенции, т.е. намеренно представленный в данном фрагменте: «...молокососы собираются быть Парисами и продают глаза свои на вас» (там же). Прецедентный текст сопряжен здесь с высоким стилем, подчеркнута книжный характер его диссонирует с просторечными лексемами и фразеосочетаниями: молокососы и продают глаза свои.

«Как только собака нас увидела, преужасно залаяла. Цербер не испугал Геркулеса в аде, а меня дьячий Цербер гораздо испугал, потому что я ребенок был, да я ж и не Геркулес, хотя и в ад вошел. Слуга мне говорил, чтоб я поклонился Церберу. «Как, - спрашивал я, - чтобы я собаке поклонился? – Хотя это и собака, однако дьячья, - говорил он» (Сумароков. О думном дьяке). Прецедентный текст служит здесь целям сатирического изображения, поскольку гиперболизация, содержащаяся в отсылке к тексту такого рода, подчеркивает на самом деле малую значимость объекта. Укажем также на имеющий место актуализированный автором оценочный диссонанс в рамках использования знаний, имеющихся в прецеденции: дьячий Цербер. Диссонанс, возникающий на основании использования ПТ, на самом деле имеет в этом и подобных ему случаях двойную природу: с одной стороны, это столкновение оценок, сопряженных с двумя культурами, христианской православной (дьячий) и античной (мифологический негативно оценочный образ – Цербер). С другой же стороны, несоизмеримость масштаба античной мифологемы и описания бытового случая также индуцирует негативную оценку события, описанного автором, как результат комического эффекта.

Для рассматриваемого здесь периода истории русского литературного

языка характерна также трансформация прецедентных текстов, ср.: «Вдруг услышал я голос умирающего ребенка: я и наяву жалостлив, а не только во сне; итак, бросился на избавление оному. Прибывши на голос, увидел я сидящую злобную Ату, которая давила в своих коленях молодого сатира. Он уже почитай умирал, я вырвал его с превеликим трудом из ее рук... Вдруг предстал перед меня Меркурий и обещал, что прислан он от собрания богов, которые требуют меня к себе. Потом в один миг перенес меня на Олимп. Тут увидел я премного заседающих богов. Пан, подошед к Юпитеру, просил его, чтобы он за избавление мною его сына, которого хотела умертвить Ата, сделал мне награждение» (Чулков. Пересмешник или славенские сказки). Насыщенность приведенного здесь фрагмента именами с культурным коннотативным компонентом, который, входя в светлое поле сознания реципиента, порождает ряд программируемых автором ассоциаций, К числу амбивалентно оценочных имен, фигурирующих в данном фрагменте, следует отнести имя Юпитер, отчетливо прослеживаются также негативные коннотации, связанные с именем Ата, что способствует созданию оценочной атмосферы не только посредством использования эмотивного и стилистического потенциала ПТ в целом, но и отдельных его фрагментов.

Трансформация прецедентного текста может также служить средством выражения авторской иронии либо резко негативной оценки: «Дьячок, занятый важными мнениями, рассердился на свою жену больше, нежели Юпитер на гигантов, тот побил их всех громом, а этот хотел пришибить жену свою обухом» (там же). Налицо пародийное снижение прецедентного текста, своеобразный пародийный параллелизм, индуцирующий негативную оценку (ирония в данном случае является средством ее реализации): дьячок-Юпитер, жена дьячка – гиганты, гром – обух. Диссонанс возвышенного и низменного, мифологического и обыденного, прецедентного текста и собственно повествования является средством генерирования оценочных смыслов. Ироническое снижение прецедентного текста также является, по нашему мнению, способом интенсификации отрицательной оценки. «Вы изволили спрашивать, у Ноя было три сына, Сим, Хам и Афет, кто им отец? - Да, - отвечал ему архиерей. Дьячок ему говорил: - Ну, так я вам сказываю, нашего села Василий кузнец. Преострая эта голова сделала то, что архиерей захохотал изо всей силы, и все, кто тут ни был, не могли удержаться от смеха...» (там же). Ироническое снижение в данном случае связано с ПТ, который в предшествующую эпоху развития русского литературного языка считался сакральным и стал подвергаться трансформациям лишь в конце XVII в. – с Библией. Данному снижению способствует оценочная инверсия, которая следует за библейской реминисценцией: преострая голова.

Роль прецедентного текста в русском литературном языке XVIII в. может играть также пословица, что свидетельствует не только об аксиологической природе паремии, но и о том, что границы между тем, что находится в сфере литературного языка и воспринимается как прецедентный текст,

и тем, что выходит за эти рамки, становятся менее четкими, нежели в предшествующую эпоху:... села я кушать с моею старухой, которая, правду выговорить, не умела сесть к ставцу лицом и приняться за ложку, да и я была тогда немного ее посмысленнее, то выговорила про себя сию поговорку: «доселева Макар гряды копал, а нынче Макар в воеводы попал» (Чулков. Пригожая повариха). «...теперь я уже не тот, который намерен был обобрать у вас все, я вам уступаю, владейте им по поговорке: «деньги железо, платье тлен, но кожа нам всего дороже» (там же) Прецедентные тексты такого рода гораздо шире представлены в литературном языке XVIII в., нежели в текстах, относящихся к предшествующей эпохе развития русского литературного языка. Мы видим объяснение этого факта в том, что четкая дифференциация «высокого» и «низкого» стилей уже осталась в прошлом, а новая нормативно-стилистическая система в рассматриваемый нами здесь период еще не установилась. Поэтому оценочность паремии используется двойко: с целью внутренней самохарактеристики субъекта оценки и с целью выражения самой оценки. Рассмотрим более подробно первый из указанных аспектов, т.к. функция внутренней самохарактеристики, по нашим наблюдениям, стала проявляться у средств выражения оценки уже в литературном языке XVII в. (ср. «Житие протопопа Аввакума»), но для поговорок, взятых в качестве прецедентных текстов, она не была характерна. В приведенных нами случаях сама просторечная стилистическая отмеченность этих ПТ свидетельствует об известной доли самоиронии говорящего, т.к. негативная оценка, особенно в первом из приведенных случаев, заключена как в аксиологическом смысле прецедентного текста, так и в его форме. Кроме того, тенденция к трансформации прецедентного текста, характерная для рассматриваемого периода истории русского литературного языка, отражается и в ПТ этого рода: «Лакома овца к соли, коза к воле, а ветрена женщина к новой Любви» (М.Д. Чулков. Пригожая повариха).

Весьма отчетливо прослеживается в литературном языке рассматриваемого периода и другая тенденция: в качестве прецедентных текстов, которые по своему статусу должны находиться в предречевой готовности, начинают рассматриваться и хронологически близкие текстовые фрагменты: «Я тотчас догадался, что надобно мне делать: ибо довольно я читывал романов, которые глупых людей исправляют и делают дураками. Ухватив ее за руку, ... начал говорить таким образом: - Собрание приятств! Источник красоты! владычица прискорбного моего сердца! оставь мою вину, что жаркая любовь принуждает меня выступить из границ несносного терпения...» (М.Д. Чулков. Пересмешник или славенские сказки). То, что для языковой личности – носителя русского языка XVIII в. - находилось в «светлом поле сознания» и было самоочевидным, в качестве существующих в прецеденции знаний, сейчас возможно выявить лишь в процессе историко-лингвистического и историко-литературного анализа, а именно: вышеприведенный текст

представляет собой пародийно трансформированный ПТ – роман Ф. Эмина «Письма Эрнеста и Доравры». Преувеличенная эмоциональность прецедентного текста послужила основой для данной трансформации. Ср. также использование в качестве прецедентных близких по времени текстов (с той разницей, что ПТ в приводимых ниже случаях лишь упоминается, и субъект оценки, использующий ПТ, рассчитывает на высокий уровень предречевой готовности): «... я много раз видал, что когда представляют на театре «Скупого», тогда почти всякий скупой старик в театр смотреть ездит... Меня никто не уверит и в том, чтобы Мольеров Гарпагон писан был на общий порок. Всякая критика, писанная на лицо, по прошествии многих лет обращается в критику на общий порок...» (Новиков. Трутень. Лист XXV. 13 октября).

Особый случай представляет употребление хронологически близкого прецедентного текста в качестве основания для оценочного сравнения, выражающего авторскую иронию: «Путешествие его из армии на место рождения не было славно и достопамятно, как путешествие Бовы королевича из царства Додона Додоновича во владение Кирбита Верзоуловича, родителя Милокрасы Кирбитовны, или славного рыцаря Петра Златых ключей во владение прекрасной королевы Магилены Неаполитанской, следовательно, такого прилежного описания и не требует...» (Чулков. Пересмешник или славенские сказки).

В литературном языке XVIII в. нами отмечено и такое явление, как социалингвистическая оценка прецедентного текста: В подтверждение сего моего мнения служат те книги, кои от просвещенных людей никакого уважения не заслуживают и читаются одними только мешанами; сии книги суть: «Троянская история», «Синопис», «Юности честное зерцало», «Совершенное воспитание детей», «Азовская история» и другие некоторые. (Новиков. Живописец. Часть 1). Налицо своеобразная аксиологическая «надстройка»: «данные ПТ воспринимаются указанным социальным слоем, что плохо». Это также служит свидетельством переориентации оценок: в предшествующую эпоху основанием для позитивной либо негативной квалификации могла послужить профессиональная принадлежность, и лишь в XVIII в. – социальный аспект.

Таким образом, оценочные функции прецедентного текста в русском литературном языке XVIII в. подверглись существенному изменению, которое является отражением трансформации оценочной системы в целом и может рассматриваться как один из важных факторов развития русского литературного языка.

4.3 Взаимосвязь прецедентных текстов, оценочности и дискурса в русском литературном языке XIX в.

Исследование функционирования ПТ в качестве оценочных средств в русском языке данного периода, по нашему мнению, требует обращения

и к понятию дискурса, а также в ряде случаев к методике дискурсивного анализа. «В дискурсивном анализе ключевой вопрос ставится так: почему определенная дискурсивная формация связана с такими, а не с другими формами высказывания? Почему в определенных условиях те или иные слова и понятия начинают играть центральную роль?» [Чернявская 2003, с. 74]. В связи с этим нам представляется весьма актуальным применительно к исследованию инвентаря СВО в русском языке XIX в. проследить взаимодействие таких понятий, как дискурсивный анализ и прецедентный текст, так как установление подобных связей позволяет усилить интертекстуальный характер дискурсивного анализа текста, а также более отчетливо представить функционирование оценочных средств, выходящих за пределы одной лексической либо лексико-фразеологической единицы. Так как дискурсивный анализ – «это анализ макросемантический и одновременно глубинно-семантический» [Чернявская 2003, с. 74], он позволяет выявить глубинные интенции авторов речевых произведений, реализуемые на основе общего для социума набора прецедентных текстов. Именно в связи с тем, что литературный язык данной эпохи является сформировавшимся национальным языком, становится возможным взять за основу именно дискурсивную стратегию как более широкую и позволяющую проследить диахроническую перспективу с позиций ретроспекции и проспекции. Таким образом, метод дискурсивного анализа может позволить нам выяснить, каков состав корпуса ПТ в рассматриваемый период, какие ПТ «обрели гражданство» в качестве оценочных средств в языке XIX в., какие из них подверглись трансформациям в плане актуализации и вхождения в «светлое поле сознания» [Потебня 1976, с. 193].

По утверждениям Н.В. Петровой и В.Е. Чернявской, дискурсивный анализ может производиться не только в рамках одного текста, но и в более широких пределах – на материале целого ряда текстов, объединенных тематически, что представляет особую актуальность при исследовании реализации категории оценки в литературном языке XIX в., где позитивные/негативные квалификации обрели более широкое пространство для актуализации.

В целях исследования оценочного континуума в русском литературном языке XIX в. представляется необходимым вначале акцентировать внимание на ПТ, близких по коммуникативной задаче и сосредоточенных на негативном полюсе шкалы оценок. В качестве основного оценочного средства в рамках этих микротекстов используется прецедентный текст. Интенции авторов анализируемых нами здесь речевых произведений во многом схожи – изобличить «погрязших в грехе, невежестве, разврате» современников. Но ими избраны прецедентные тексты разного характера, специфика которых в рамках художественного текста может являться также средством самохарактеристики персонажей. Более того, именно литературные тексты XIX в. дают возможность проследить потенциал ПТ в качестве данного средства. Естественно, что объем исследования

не позволяет нам анализировать значительную в количественном отношении совокупность материала, поэтому мы ограничились отбором нескольких контекстов для детального анализа. По остальному материалу (количество выявленных нами ПТ, употребляемых в оценочной функции в литературном языке XIX в., составляет 129) мы ограничимся краткими комментариями. Первый из анализируемых нами текстов – фрагмент повести Н.С. Лескова «Однодум», второй – фрагмент рассказа А.И. Куприна «Анафема», и, наконец, третий микроконтекст представляет собой извлечение из комедии А.Н. Островского «Лес».

Дискурсивная стратегия главного героя первого текста совпадает с его основной жизненной установкой – стремлением жить по Библии и по совести (Александр Рыжов – один из героев-праведников, знаток Библии, откуда и почерпнуты его основные жизненные принципы). Аналогична шкала оценок героя рассказа А.И. Куприна, но прецедентным текстом здесь служит не сама Библия, а текст церковной службы (точнее – той части, которая связана с отлучением от церкви), также еще находящийся «в светлом поле сознания» реципиента – современника писателя.

В XIX в. и на рубеже XIX-XX вв. Библия также продолжает быть прецедентным текстом, но оценочность, заложенная в ее фрагментах, употребляемых данным качестве, приобретает несколько иной характер. Наиболее целесообразным нам представляется рассмотреть ее в рамках художественного текста, содержащего прецедентный текст в виде цитаты либо отсылки, которые, однако, являются не просто украшением либо подкреплением основной авторской мысли, но своеобразным смысловым ядром фрагмента либо целого текста, как, в частности, в повести Н.С. Лескова.

Как показал анализ, в литературном языке XIX в. прецедентный текст важен не столько как информативный, сколько как имплицитно оценочный фрагмент. Имплицитность оценки заключается, однако, не в том, что прецедентный текст не содержит тех или иных оценочных средств, за которыми в узусе закреплен оценочный знак. Оценка имплицитного характера может считаться также вторичной, поскольку шкала оценки «прилагается» к субъекту речи. Ср. хотя бы следующий фрагмент: «... этот старик вспоминал какой-то «дуб на болоте», где он особенно любил отдыхать и «кричать на ветру». Стану, говорит, бывало, и воплю встречь воздуху: «Позна вол стяжавшего и осел ясли господина своего, а людие мои неразумеша. Семя лукавое, сыны беззакония! Что еще уязвляетесь, прилагая неправды! Всякая глава в болезнь – всякое сердце в плач. – Что ми множество жертв ваших: тука агнцов и крови юниц и козлов не хочу. Не приходите явитися ми. И аще принесете ми семидал – всеу; кадило мерзость ми есть. Новомесячий ваших, и суббот, и дне великого не потерплю: поста, и праздности... и праздников ненавидит душа моя. – Егда прострете руки ваши ко мне, отвращу очи мои от вас, и аще умножите моления – не услышу вас. Измыйтесь, отымите лукавство от душ ваших. Научитесь добро творити, и приидите истяжемся, и аще будут

грехи ваши яко багряное – убелю их яко снег. Но князи не покоряются, - общницы татем любяще дары, гоняще воздаяние – сего ради глаголет Саваоф: горе крепким, - не престанет бо ярость моя на противных». (Н.С. Лесков. Однодум). Перед нами несколько оценочных планов:

А) Пронизан оценкой этического характера сам текст – слова пророка Исайи. Она носит здесь предельно отчетливый характер. Антитеза, которая является центральным приемом, «цементирующим» данный фрагмент в единое целое и придающим ему статус текста, сама по себе имеет ярко выраженную оценочную основу: «Позна вол стяжавшего и осел ясли господина своего, а людие мои неразумеша.»; «...будут грехи ваши яко багряное – убелю их яко снег...» Помимо этого, контраст служит средством интенсификации полярно противопоставленных оценок.

Б) Налицо и система оценок персонажа – одного из галерей образов праведников; в контексте художественного произведения она подтверждена всей жизнью героя. Обличительная тональность текста усилена тем, что дискурсивная стратегия данной «личности» в целом соответствует библейскому тексту.

В) Стилистические квалификации в рамках данного прецедентного текста (как, впрочем, и вообще употребления этого корпуса текстов в литературном языке XIX в.) также аксиологичны: с одной стороны, архаика придает речи торжественность, возвышенность, несомненно, мелиоративную; с другой – позволяет соотносить персонажную речь скорее с оценками амбивалентного характера, т.к. налицо модальность «странности» [Вольф 1985].

К прецедентным текстам обличительной тональности в аксиологическом плане приближен церковный чин анафемы – проклятия и отлучения от церкви, центром которого также является негативно оценочная модальность. В то же время, если сопоставить восприятие такого рода прецедентных текстов в середине XIX в. и на рубеже XIX-XX вв., именно в процессе дискурсивного анализа становится очевидной разница, которая отражает в свою очередь изменение складывавшихся десятилетиями общественных устоев [Чернявская 2003, с. 74]. В частности, в данном случае дискурсивный анализ рассказа А.И. Куприна «Анафема» может послужить отражением переориентации оценочной системы – от оснований оценки до средств ее выражения. В рассказе намеренно сталкиваются два дискурсивных плана, соотносимых с одним и тем же действующим лицом – протодьяконом Олимпием, отказавшимся проклинать Льва Толстого и вместо анафемы провозгласившим в соборе «многая лета». Первый из этих планов насыщен ярко негативной оценкой «еретиков», служащей основанием для проклятий, «которые мог выдумать только узкий ум иноков первых веков христианства»: «Бывший поп Никита и чернцы Сергей, Савватий да Савватий же, Дорофей и Гавриил... святые церковные таинства хулят, а покаяться и покориться истинной церкви не хотят; за такое богопротивное дело да будут прокляты... Хотя искусити дух господень по Симону волхву и по

Ананию и Сапфире, яко пес возвращаяся на свои блевотины, да будут дни его мали и зли, и молитва его да будет в грех, и диавол да станет в десных его и да изыдет осужден, в роде едином да погибнет имя его, и да истребится от земли память его... И да приидет проклятию и анафема не точно сугубо и трегубо, но многогубо... Да будут ему канново трясение, гиезиево прокажение, иудино удавление, Симона волхва погибель, ариево тресновение, Анании и Сапфири внезапное издохновение... да будет отлучен и анафемствован и по смерти не прошен, и тело его да не рассыплется и земля его да не примет, и да будет часть его в геенне вечной и мучен будет день и ночь...» Высокая концентрация негативно оценочных лексических единиц оправдана иллюкутивной задачей данного фрагмента; столь же высокая концентрация имен с устойчивым оценочным ореолом предполагает осведомленность реципиента, его способность соотнести имя с имплицитно содержащейся в нем информацией о том или ином событии. Каждое из этих имен – имя еретика, которое несет в себе отрицательно оценочный сигнал. Так, Ариево тресновение - характеристика участи, которая, по библейской легенде, постигла александрийского священника, который отрицал божественность Христа; Симона волхва погибель – отсылка к легенде о палестинском проповеднике, объявившем себя триединым богом. Если опираться на «широкую совокупность импликаций, интертекстуальных и интрадискурсивных отношений» [Чернявская 2003, с. 75], становится ясной чужеродность для реципиента указанного периода не отдельных компонентов текста, а всей его структуры и направленности в целом. Это подчеркивается архаичностью канонического текста, не допускающего никаких изменений. Если в предыдущем микроконтексте архаичность речи допускала амбивалентную вторичную оценку высказываний как фактов речи, здесь она является скорее средством, проецирующим фрагмент на отрицательный полюс шкалы оценок («то, что избрана такая форма выражения мысли – плохо»).

Реализации авторской интенции, как и в предыдущем фрагменте, способствует антитеза как плана содержания, так и плана выражения: архаичным и вследствие этого мрачно-торжественным словам проклятия противопоставлены простые, ясные, стилистически не отмеченные слова, воздействие которых на реципиента благодаря данному контрасту становится еще более мощным. Обратим внимание и на то, что «... несмотря на мнимую вечность произведений искусства, настает пора, когда с увеличением затруднений при понимании, с забвением внутренней формы произведения искусства теряют свою цену...» [Потебня 1976, с. 182]. К началу XX в. в связи с десакрализацией сознания именно такой процесс происходит с информативной стороной библейских текстов: воспринимая в целом и общем тональность, реципиент уже может не уловить отдельных, порой весьма значимых, нюансов.

Второй оценочный план данного повествования, в свою очередь, также является прецедентным текстом, по аксиологической ориентации отчетливо

противостоящим вышеприведенному. В данной роли здесь выступают фрагменты повести Л.Н. Толстого «Казачьи», жизнеутверждающий пафос которых позволяет связать восприятие их с мелиоративной частью оценочной шкалы: «Все бог сделал на радость человеку. Ни в чем греха нет. Хоть с зверя пример возьми. Он и в татарском камыше живет, и в нашем живет... А наши говорят, что за это будем сковороды лизать. Я так думаю, что все одна фальшь».

Как будет показано далее, в литературном языке XIX в. достаточно большой массив художественных текстов может быть воспринят в качестве прецедентных. Более того, процесс перехода текста в разряд прецедентных в языке рассматриваемого периода ускоряется, т.е. в качестве ПТ уже может быть воспринят и текст, совпадающий с продуцируемым по хронологическим рамкам. Это также свидетельствует о формировании целого ряда совершенно новых интертекстуальных связей.

Расширение функционирования художественных текстов в качестве прецедентных можно расценивать как тенденцию, характерную для литературного языка данного периода. На уровне допущения мы можем говорить, что происходит своеобразное «ускорение» этого процесса, прямо связанное с изменением дискурсивных стратегий: если ранее, в XVII-XVIII вв., прецедентный текст чаще всего отражал освященную веками традицию, то начиная с XIX в. этот процесс затронул значительное количество текстов светского характера. Тексты такого рода могли стать прецедентными вскоре после «выхода в свет». Показательно и то, что прецедентный текст, как правило, имеет ярко выраженную оценочность. Важно отметить, что его восприятие служит сигналом для положительного либо отрицательного отношения к реципиенту-персонажу либо реальному лицу в зависимости от адекватности его восприятия. Иными словами, со шкалой оценок соотносится уже не просто отдельная единица словарного состава, и даже не целый текст, а нечто гораздо менее формализованное: апперцепционная база реципиента, позволяющая либо не позволяющая ему воспринять текст как прецедентный. В свою очередь, в процессе декодирования текста реципиентом-читателем данная апперцепционная база также подвергается оцениванию с позиций «хорошо/плохо» (т.е. оценивается то, что реципиент-персонаж осознает/не осознает данный текст как прецедентный. Это уже служит определенным показателем уровня образованности и, возможно, основанием для общей оценки как конкретного персонажа, так и определенного социального типа, либо реальной личности). В качестве иллюстрации данных положений приведем фрагмент из комедии А.Н. Островского «Лес»: «Несчастливцев. Люди, люди! Порождение крокодилов! Ваши слезы - вода! Ваши сердца - твердый булат! Поцелуй - кинжалы в грудь! ... О, если бы я мог быть гниною! О, если бы я мог остервенить против этого адского поколения кровожадных обитателей лесов! Милонов. Но позвольте, за эти слова можно вас и к ответу! Буланов. Да просто к становому. Мы все свидетели!

Несчастливцев. Меня? Ошибаешься. (Вынимает пьесу Шиллера «Разбойники»). Цензуровано. Смотри! Одобряется к представлению...»

Спредшествующими фрагментами, как уже было указано выше, данный текст роднит обличительная тональность, но если в предшествующих случаях она была связана в основном с ФСП «гнев», то здесь преобладают порицание, осуждение, а употребление текста в качестве прецедентного придает ему ироническую тональность, чему немало способствует «интеллектуальная глухота» реципиентов. Бесспорно, ими воспринята обличительная тональность фрагмента, отмечен его возвышенный стиль как инородный для их речевой палитры, но, как уже указывалось выше, «знание прецедентного текста есть показатель принадлежности к данной эпохе и ее культуре, тогда как его незнание, наоборот, есть предпосылка отверженности от соответствующей культуры» [Караулов 1987, с. 216]. Таким образом, становится очевидным различие избираемых участниками «коммуникативного акта» «систем языковых средств, эксплицирующих в том или ином речевом высказывании некую общую когнитивную стратегию [Сигал 2001, с. 71], т.е. различие в области дискурса.

Безусловно, связь понятий «оценочность», «дискурс», «прецедентный текст» зачастую бывает прихотливой и избирательной, но применительно к русскому языку XIX в. методика дискурсивного анализа ПТ, ориентированных на выражение оценки, может, на наш взгляд, дать исследователю тот инструмент, который позволит связать авторские интенции и восприятие реципиента, выбор тех или иных средств и способов выражения оценки, в число которых входит прецедентный текст, и их связь с различными типами дискурса. Приложение дискурсивной методики к диахроническому аспекту исследования языковых фактов является перспективным еще и потому, что именно она позволяет проследить системность реализации оценочных проявлений на уровне целого текста.

Итак, эволюционные процессы, отмеченные в сфере прецедентных текстов - явления достаточно древнего - служат показателем трансформации оценочной системы. Это явление, как и сам русский язык, находилось в постоянном движении, в динамике в зависимости от культурно-исторических условий и времени создания конкретных текстов в диахронии русского языка. Изменчивость ПТ выражается не только в том, что для каждой эпохи развития литературного языка характерен определенный корпус прецедентных текстов, но и в том, что аксиологические функции, выполняемые ими, подвергались трансформации.

Категория прецедентного текста, на наш взгляд, с наибольшей яркостью иллюстрирует переориентацию в системе оценок русской языковой личности начиная с XVIII в.; процесс продолжался и в следующем столетии. Если в предшествующую эпоху к числу прецедентных относились преимущественно тексты религиозного содержания, ориентированные на церковно-богослужебную литературу (прежде всего

это Библия), то в рассматриваемый здесь период все чаще в качестве прецедентных употребляются тексты, связанные с античной историей и культурой, т.е. все то, что «табуировалось» ранее и что отразило смену культурно-исторических парадигм в жизни русского человека XVIII и XIX веков, начиная с петровских реформ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Смена научной парадигмы в конце XX века обусловила переориентацию на антропоцентричный подход к языковым фактам, в том числе – и к фактам истории языка. Как отмечает В.В.Богданов, нашей эпохе присущ «информационный менталитет, характерными чертами которого является интерес к сведениям, знаниям, информации, ее восприятию, интерпретации и пониманию» [Богданов 1998, с. 8]. Особый интерес представляет рассмотрение под этим углом зрения эволюции такой собственно человеческой категории, как оценочность, и языковых средств ее выражения.

В процессе исследования оценочности, и в особенности при изучении эволюции средств ее выражения необходима опора на информационный аспект, так как аксиологическая информация в сознании языковой личности занимает одно из наиболее важных мест. Верное восприятие текста, удаленного от воспринимающего субъекта во времени, возможно лишь при учете разницы в оценочных шкалах и в соотносительности того или иного СВО с мелиоративной/пейоративной частью шкалы оценок.

Диахронический процесс эволюции инвентаря лексических средств выражения оценки в течение длительного периода (с XVII по XIX вв. - период не просто значительный в хронологическом отношении, но и знаковый, эпохальный для развития системы русского литературного языка как языка национального). В этих хронологических рамках поступательный процесс секуляризации сознания языковой личности – носителя русского литературного языка – находит яркое отражение в трансформации системы оценок, типов аксиологического отношения к конкретным объектам оценки и – шире – к окружающей действительности.

Изучая многообразные средства выражения оценки, невозможно оставить вне поля зрения собственное имя. В качестве характерного оценочного средства в рассматриваемый хронологический период исторически выделяется класс имен собственных – квазистереотипов и авторских, характеризующих имен. В этой сфере четко проявляется стремление к «обмирщению» оценочных ориентаций, что выражается в использовании соответствующих квазистереотипов; а также постепенный переход к оценке экспрессивного и аксиологического потенциала собственного имени (от восприятия его как сакральной сущности, несотворимой человеком – до использования его в качестве емкой оценочной характеристики объекта оценки).

Организуя направление исследования по принципу «от простого – к сложному», от слова – к тексту, мы выявили оценочный потенциал прецедентных текстов, корпус которых (и аксиологические интенции употребляющих данные тексты авторов) был различным на различных синхронных срезах в пределах избранного нами периода эволюции. Приводимый в работе материал с достаточной полнотой подтверждает

положение о том, что именно аксиологический потенциал текста служил своеобразным катализатором и в конечном счете позволял ему перейти в разряд прецедентных.

В целом, изучение эволюции как формы, так и содержания комплексной и многоаспектной языковой категории оценки, избранной нами в качестве объекта исследования, расширяет представления о диахроническом развитии литературного языка с позиций говорящего субъекта, языковой личности – носителя литературного языка, и подтверждает историческую вариативность данной категории, являющейся в настоящее время центром лингвистических исследований. Категория оценки позволяет проследить эволюцию языковых представлений как «человека внутреннего», так и Homo socialis во всей полноте его языковых характеристик.

Источники и их сокращения

Ав. Ж. - Житие протопопа Аввакума, им самим написанное. // Памятники истории старообрядчества XVII в., кн. 1, вып. 1 // Робинсон А.Н. Жизнеописание Аввакума и Епифания. М., 1963. – С. 139-178.

Ав. Кн. Бес. – Аввакум. Книга бесед // Памятники истории старообрядчества XVII в., кн. 1, вып. 1. - Л., 1927 (РИБ, т. 39), стлб. 241-424.

Ав. Кн. толк. – Аввакум. Книга толкований и нравочений // Памятники истории старообрядчества XVII в., кн. 1, вып. 1. - Л., 1927 (РИБ, т. 39), стлб. 425-576.

АИ, 1609 г. – Акты исторические, собранные и изданные Археологическою комиссиею. Т. 1-5. - СПб., 1841-1842.

Алф.-Алфавит сказующий толкование иностранных речей обретаемых во святых книгах русского языка имущий начало от аза. Рук. БАН, 33.9.1, XVII в.

Булс. - Буслаев Ф. Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков. - М., 1861.

ВМЧ, дек.1-5 – Великие Четьи-Минеи, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Изд. Археогр. Комис. М. – СПб., 1868-1817. XVI.

ДР18 – Духовный регламент. СПб., 1721.

Држ. – Сочинения Державина. - М., 1958.

ЕС 1755 - Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие. 1755 – 1764 гг. СПб., 1755-1764 гг.

Ж. Авр. Смол. – Жития преподобного Авраамия Смоленского и службы ему. Пригот. к печати С.П. Розанов. Изд. ОРЯС АН. - СПб., 1912.

Ж. Герас. Б. – Житие Герасима Болдинского, XVI в. – Рук. ГБЛ.

Жив. – Живописец, еженедельное на 1772 г. Сочинение. СПб., 1772-1773.

Изборник. Библиотека всемирной литературы. - М., 1969.

Ипат. Лет. – Ипатьевская летопись. - М., 1962.

Кнт., Сат. – Кантемир А.Д. Сатиры // Кантемир А.Д. Собрание стихотворений. 2-е изд. - Л., 1956.

Козм. – Книга нарицаемая Козмография сиречь всемирное описание земель и наименований степеней во округах небесных. [Нач. XVIII в.] Ркп. Пушкинского Дома, № 175 (ДРС).

Корм. Балаш. – Кормчая Балашева, с прибавлениями. – Рук. БАН.

Куприн А.И. Анафема // А. И. Куприн. Собрание сочинений в 9-ти томах. Гослитиздат. - М., 1964.

Курб. Ист. – История о великом князе Московском // Сочинения князя Курбского, т. 1. СПб., 1914.

Курб. Отв. 169 – Краткое отвешание князя Андрея Курбского на зело широкую епистолию великого князя Московского // Сочинения князя Курбского, т. 1. - СПб., 1914.

Лесков Н.С. Одподум // leskov.lit-info.ru/leskov/proza/odnodum.

МЖ - Московский журнал. М., 1791-1792.

Музык. Грам. – Смоленский С.В. Музыкская грамматика Николая Дилецкого. - СПб., 1910. 1681 г.

Наказ. Чад. - Наказание чадом // Буш В.В. Памятники старинного русского воспитания. - Пг., 1918. С. 110-112. XVII в.

Окр. посл. мтр. Ионы // Отрывки из неизвестных посланий и писем XVI- XVII вв. – Тр. ОДРЛ, XXI, 1965.

Островский А.Н. Лес. // Островский А.Н. Полное собрание сочинений. В 12 т. - М.: Искусство, 1973.

Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVII века. - М., 1986.

Пельск. Кум. II 228 – Пельский П.А. Кум Матвей, или превратности человеческого ума. - М., 1803, ч. 1-2.

ПЖ 1793 III 43 – Политический журнал, с показанием ученых и других вещей. изд. В Гамбурге Обществом ученых людей. Перев. с нем. 1790-1800 г. - М., 1790.

Пов. о Басарге – Повесть о Дмитрие Басарге и о сыне его Борзосмысле / Исслед. и подгот. текста М.О. Скрипиль. - Л., 1969. Ст. XVII-XVIII вв.

Посл. о хабува – Майков В. Послание к патриарху Гермогену о злоупотреблении в церковном пении «хабува» // Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели. - СПб., 1911, с. 415-431, между 1607 и 1610 гг., ст. XVII в.

Пеш. КСБ – Посошков И.Т. Книга о скудности и богатстве. [1724]. М., 1937.

Рдщв Уш. – Радищев А.Н. Житие Федора Васильевича Ушакова. // Радищев А.Н. Полное собрание сочинений / Под ред. И.К. Луппола, Г.А. Гуковского и др. - М., Л., 1938-1952. Т. 5.

Рассуждение из натуральной богословии о начале и происшествии натурального богопочитания, которое предлагает Дмитрий Анничков 1769 г.

Рдщв СС - Радищев А.Н. Полное собрание сочинений / Под ред. И.К. Луппола, Г.А. Гуковского и др. - М.; Л., 1938-1952. Т. 5.

Ревел. А. 1 – Русские акты Ревельского городского архива / Под ред. А. Барсукова. – РИВ, т. 15. - СПб., 1894.

Сав. Грудц. – Скрипиль М.О. Повесть о Савве Грудцыне (тексты) // Тр. ОДРЛ, V, 1947, с. 225-308.

САП – Сказание Авраамия Палицына // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. Изд. 3. - Л., 1925 (РИБ, т. 13, вып. 1), стлб. 473-524.

Сказ. о кура и лисице – Повесть о кура и лисице // Адрианова-Перетц В.П. Русская демократическая сатира XVII века. - М.-Л., 1977.

Сказ. о ц. Фед. Ив. – Сказание о царстве царя Федора Иоанновича // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. Изд. 3. - Л., 1925 (РИБ, т. 13, вып. 1), стлб. 1417-1424.

Скрижалъ, 1656 - Скрижалъ Арсения Грека. - М., 1965.

Сл. и поуч. против языч. – Древнерусские слова и поучения, направленные против остатков язычества в народе // Гальковский Н. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси, т. 2 (Зап. Моск. Археол. Ин-та, т. 18, 1913). Ст. XIII-XVIII вв.

Суд. Имян. – Соколов И. Судейские именные. Комедия в трех действиях. РФ, 35, 1790.

Травн. Любч. – Сия книга глаголемая Травник, изложена бысть врачевания ради людского от мудрых риторей врачей. Пер. с нем. яз. немчина Николая Любчанина, 1534 г.

Фив. Недор. – Фонвизин Д.И. Недоросль. - М., 1977.

Х. Вас. Гаг. – Житие и хождение в Иерусалим и Египет казанца Василия Яковлева Гагары 1634-1637 гг. Под ред. С.О. Долгова // Правосл. Палестин. Сб., т. 11, вып. 3. СПб, 1891, с. 1-45, ст. XVII в.

Словари

РМР – М.И. Михельсон. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Сборник образных словно-сказаний. СПб, 1902. Репринтное издание: М., Наука, 1995.

СЛРЯ XI-XVII вв. - Словарь русского языка XI-XVII веков. - М.: Наука, 1975... (Продолж. изд.)

СлРЯ XVIII в. - Словарь русского языка XVIII века. - Л.: Наука, 1985... (Продолж. изд.)

Использованная литература

- Александрович Л.В. Сопоставительно-сравнительные отношения языковых единиц в синонимических микрополях лексической системы русского языка. Автореф. канд. дисс. - Майкоп, 2008.
- Андреева Л.А. Семантика состояния и ее языковое выражение: диахронический аспект // Языковая семантика и образ мира. - Казань, 2008. Анипкина Л. Н. Оценочные высказывания в прагматическом аспекте / Л.Н. Анипкина.e-catalog.name/cgi-bin/irbis64r_61/cgiirbis_64.exe?Z21ID=&I21DBN.
- Арнольд И.В. Стилистика декодирования. - Л.: Наука, 1972.
- Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. - М.: Наука, 1989.
- Бабушкин А.Б. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. - Воронеж: изд-во ВГУ, 1996.
- Бельчиков Ю.Н. О культурном коннотативном компоненте лексики // Язык: система и функционирование. - М.: Наука, 1988.
- Биржакова Е.Э., Воинова Л.А., Кутина Л.Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. - Л.: Наука, 1972.
- Богданов В.В. Семантикоцентризм и формоцентризм в мировой лингвистике XX века // Структурная и прикладная лингвистика. - СПб.: изд-во С.-Петербургского университета, 1998.
- Болотов В.И. Проблемы теории эмоционального воздействия текста. Автореф. докт. дисс. - М., 1986.
- Боровских А.О. Особенности вариантов прецедентных высказываний (на материале русского и английского языков). - Кемерово: КемГУ // http://conference.kemsu.ru/GetDocsFile?id=9898&table=papers_file&tVpe=1&conn=confDB.
- Введенская Л.А., Колесников Н.П. От собственного к нарицательному. - М., 1995.
- Витгенштейн Л. О достоверности // Вопросы философии. - № 8. - 1984.
- Волостных И. А. Эмоциональные концепты "страх" и "печаль" в русской и французской языковых картинах мира (лингвокультурологический аспект) Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Тамбов, 2007.
- Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. - М.: Наука, 1985.
- Выготский Л.С. Избранные психологические исследования. - М., 1956.
- Гайнуллина Н.И. Заимствованная лексика в петровскую эпоху. - Алматы: Казак университеті, 2008.
- Гайнуллина Н.И. Эпистолярное наследие Петра Великого в истории русского литературного языка XVIII века (историко-лингвистический аспект). - Алматы: Казак университеті, 1995.
- Гак В. Г. Особенности библейской фразеологии в русском языке // Вопросы языкознания. - № 5. - 1997.
- Гак В.Г. Языковые преобразования. - М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.
- Геляева А.И. Человек как объект номинации в языковой картине мира: автореферат дис. ... д-ра филол. наук. - Нальчик, 2002.
- Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. - М.: Прогресс, 1984.
- Демкова Н.С. Сочинения протопопа Аввакума и публицистическая литература раннего старообрядчества. - СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998.
- Дронова Л.П. Становление и эволюция модально-оценочной лексики русского языка: этнолингвистический аспект : автореф. дис. ... д-ра филолог. наук. - Томск, 2006.
- Ермакова О.П. Ирония и проблемы лексической семантики // Известия АН. Серия литературы и языка. - 2002. - т. 61, № 4.
- Жельвис В.И. Эмотивный аспект речи. Психолингвистическая интерпретация речевого воздействия. - Ярославль: Изд-во ЛПИ им. А.И.Герцена, 1990.
- Живов В.М. Кошунственная поэзия в системе русской культуры конца XVIII - начала XIX века // Уч. зап. Тарту. Семiotика культуры. Т. XIII. Вып. 546. - Тарту, 1981.
- Журавлев А.Ф. Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А. Н. Афанасьева "Поэтические воззрения славян на природу". - М.: Индрик, 2005.
- Журавлева Е.А., Капарова Ж.Д. Прецедентные тексты начала XXI века. - М.: Флинта, 2007.
- Заботкина В.И. Сопоставительное изучение прагматических компонентов значений слов в английском и русском языках // Семантика в сопоставлении языков (Тезисы выступлений на научном совещании. - Алма-Ата, октябрь 1990 г.)
- Иван А.А. Логика норм. - М.: изд-во МГУ, 1973.
- Ицкович В.А. К истории вводных слов и предложений в русском языке // Вопросы русского языкознания. Книга IV - Львов: изд-во Львовского ун-та, 1960.
- Каданцева Е.Е. Культурологический аспект архивации лексического состава современного русского языка // Вестник МГУ. - № 1. - 2005.
- Кажигалиева Г.А. Эмотивность и механизм семантической деривации // Поиск - № 1. - 1998.
- Калимуллина Л.А. Современные трактовки категории эмотивности // Филологические науки. - № 5. - 2006.
- Караулов Ю.Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. - М.: Наука, 1989.
- Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов: Отв. ред. Д.Н. Шмелёв. - М.: Наука, 1987. - 261 с.
- Кислов Б.А. Проблемы оценки в марксистско-ленинской философии (вопросы теории и методологии). - Иркутск, 1985.
- Колесов В.В. Отражение русского менталитета в слове // Человек в зеркале наук. Труды методологического семинара «Человек». Межвуз. сб. - Л.: изд-во ЛГУ, 1991.
- Костомаров В.Г. Прецедентный текст как редуцированный дискурс / В.Г.Костомаров, Н.Д.Бурвикова // Язык как творчество. К 70-летию В.П.Григорьева: Сб. науч. тр. - М., 1996.
- Косыкина Е.В. Внутренний человек в русской языковой картине мира: образно-ассоциативный и прагматилистический потенциал семантических категорий «пространство», «субъект», «объект», «инструмент»: автореферат дис. ... канд. филол. наук. - Омск, 2004.
- Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. / Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. - М., 1996.
- Лассан Э.Р. О некоторых особенностях агентивных существительных положительной оценки // Сборник научных трудов высших учебных заведений Литовской ССР. Языкознание. Вып. 39 (2). - Вильнюс, 1988.
- Лингвистический энциклопедический словарь. - М.-Л.: Наука, 1990.
- Лихачев Д.С. Великое наследие. - Л., 1975.
- Мадиева Г.Б. Формирование русской гидросистемы Восточного Казахстана. Ономастика Поволжья. Материалы 8 конференции по ономастике Поволжья, Волгоград, 8-11 сентября 1998 года. - М.: Институт Этнологии и Антропологии РАН им. Н. Н. Миклухо-Маклая. 2001 г.
- Маслова В.А. Лингвокультурология. - М.: Академия, 2001.
- Михайлова Т.В., Михайлов А.В. Использование эмоциональных смыслов для выражения оценочных значений в повестях Смутного времени XVII века. <http://res.krasu.ru/paradigma/2/4.htm>
- Морковкин В.В. Русские агнонимы. - М., 1997.
- Огольцев В.М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии. - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1978.
- Парфенова С.В. Трансформация прецедентных текстов как отражение языковой картины мира писателя в романе В.Пелевина «Generation «П» // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Международная научная конференция, посвященная 200-летию Казанского университета (Казань, 4-6 октября 2004 г.): Труды и материалы: / Под общ. ред. К.Р. Гайнуллина. - Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004.
- Певная Н.В. Лингвистическое описание содержания концепта «одиночество» в современном русском языке. Интернет-сайт <http://www.jurnal.org/articles/2007/lingv2.html>
- Петрищева Е. Ф. Стилистически окрашенная лексика русского языка. - М.: Наука, 1984.
- Петрова Н.В. Текст и дискурс // Вопросы языкознания. - № 6. - 2003.

- Писанова Т.В. Национально-культурные аспекты оценочной семантики: Эстетические и этические оценки. - М.: Издательство ИКАР, 1997.
- Потебня А.А. Эстетика и поэтика. - М., 1976.
- Роль человеческого фактора в языке, отв. Ред. Б.А. Серебренников. - М., 1998.
- Русакова И.Б. Концепты «счастье» - «несчастье» в лингвокультурном содержании русских пословиц : автореф. дис..... канд. филол. наук. - М., 2007.
- Сантова Э.М. Имена лиц во фразеологической картине мира (на материале немецкого, русского и башкирского языков): диссертация... канд. филол. наук. - Уфа, 2007.
- Сигал К.Я. Сочинительные конструкции и дискурс. // Изв. АН. Серия литературы и языка. - № 5. - 2001.
- Соколовская Ж.П. Картина мира в значениях слов ("Семантические фантазии" или "катехизис семиотики"). - Таврия, 1993.
- Степанов В.П. Новиков и Чулков (литературные взаимоотношения)// Н.И.Новиков и общественно-литературное движение его времени. - Л., 1976.
- Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. - Воронеж, 2001.
- Телня В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. - М., 1986.
- Телня В.Н. Метафоризация и ее роль в языковой картине мира // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. - М., 1988.
- Тер-Минасова С.Г. Личность и коллектив в языках и культурах// Вестник МГУ, Сер. 19. - № 2. - 2003.
- Тимофеев В.П. Личность и языковая среда. - Шадринск, 1971.
- Трошкина Т.П. Активные процессы в современном русском словообразовании (на материале газетных текстов)
- Русская и сопоставительная филология: Лингвокультурологический аспект Казан. гос. ун-т. Филол. фак-т. - Казань: Казан. гос. ун-т, 2004.
- Цыганков С.Б. Обстоятельственные фраземы со значением цели как средство выражения менталитета русского народа // Избранные материалы X Международного конгресса молодых ученых «Перспектива». - Нальчик, 2007.
- Чернявская В.Е. От анализа текста к анализу дискурса: немецкая школа дискурсивного анализа. // Филологические науки. - № 3. - 2003.
- Шаховский В.И. Значение и эмотивная валентность единиц языка и речи. // Вопросы языкознания. - № 6. - 1984.
- Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. - Воронеж: изд-во Воронежского университета, 1987.
- Шаховский В.И., Жура В.В. Дейксис в сфере эмоциональной речевой деятельности // Вопросы языкознания. № 5. - 2002.

Подписано в печать 22.02.2010 г. Формат бумаги 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Печать RISO.
Гарнитура «Таймс». Объем 6,75 п.л. Тираж 500.
Заказ № 59.

Издательство «Тарих тагылымы»
г. Алматы, ул. Джамбула № 175/120
тел.: +7 7271 277 53 49
Директор Шанишарова Асемгуль

